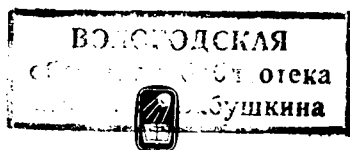

Н. А. КАТАГОЩИНА

ОСОБЕННОСТИ
ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
СОВРЕМЕННЫХ
ИБЕРО-РОМАНСКИХ
ЯЗЫКОВ

(португальского, каталанского
и испанского)

662993

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1970

Монография представляет собой ряд глав-очерков, каждый из которых посвящается одному из иберо-романских языков. В монографии впервые в Советском Союзе обсуждаются вопросы фонологии таких языков, как португальский и каталанский.

В очерках ставятся спорные вопросы фонологии, разрешение которых позволяет выявить специфические особенности звукового строя отдельных иберо-романских языков.

Очеркам предпосылается критический анализ существующих теорий фонемы.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В советской романистике почти нет работ по фонологии современных иберо-романских языков, если не считать отдельных диссертаций и нескольких статей по фонологии испанского языка (см. библиографию). Португальский язык совершенно не описан и не изучен фонологически¹, не говоря уже о таком малоисследованном языке, как каталанский.

Между тем современные иберо-романские языки, наряду с рядом сходных черт, обнаруживают особенности, отличающие их в плане фонологическом. Изучение этих особенностей представляет интерес как в синхроническом, так и диахроническом разрезе.

Настоящая работа является первой попыткой интерпретации тех особенностей португальского, каталанского и испанского, которые автор считает весьма существенными для их фонологической характеристики. Вполне закономерно, что таким, у нас почти не изученным, языкам, как португальский и каталанский, отведено гораздо больше места, чем испанскому.

В разделе, посвященном испанскому языку, ставится лишь одна, но имеющая большое значение для понимания фонологической системы этого языка проблема — вопрос о правомерности интерпретации этой системы как «асимметричной».

Лингвистическому анализу предпослана общетеоретическая глава. Цель ее — дать представление о том, какую

¹ Существует лишь одна работа, в которой сделана попытка фонологической характеристики современного португальского языка; это: Н. А. К а т а г о щ и н а, Е. М. В о л ь ф. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Иберо-романская подгруппа. М., 1968.

позицию занимает автор в вопросе определения фонемы и какие методы фонологического анализа он применяет.

На фонологические концепции автора сильное влияние оказали беседы и обмен мнений с ныне покойным П. С. Кузнецовым. Ему же автор обязан глубокими и существенными замечаниями по данной работе, которую П. С. Кузнецов, несмотря на тяжелую болезнь, взял на себя труд прочесть в рукописи.

Автор считает своим долгом выразить глубокую благодарность Э. А. Макаеву, просмотревшему общую часть и давшему серьезные критические замечания, а также Г. В. Степанову, который любезно согласился ознакомиться с работой и высказал ряд интересных и ценных соображений и замечаний.

Автор признателен коллективу сотрудников романского сектора Института языкознания Академии наук СССР, принявших активное участие в обсуждении работы.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФОНЕМЫ

Фонология как теория фонем завоевала себе прочное место в лингвистике. Нет сомнений в необходимости фонологического анализа при исследовании звукового строя языка. Давно уже не стоит вопрос о том, быть или не быть фонологии. Его сменил другой вопрос — как ей быть.

Поэтому, естественно, существует ряд направлений в области фонологии. Нередко одинаковость терминологии скрывает за собой теоретически различные или даже противоположные позиции, т. е. серьезные теоретические разногласия.

В основе разногласий и расхождений лежит различное отношение к вопросу о смыслоразличительной роли (функции) фонемы и различное понимание соотношения фонемы и звука.

Для одних исследователей-фонологов смыслоразличительная функция является основным, определяющим признаком фонемы и должна входить как неотъемлемый элемент в ее определение. Другие же этот признак не считают необходимым для дефиниции фонемы, хотя и его (т. е. признак) не отрицают. Эта точка зрения характерна главным образом для тех, кто значение выводит за пределы лингвистического анализа. Границы между этими двумя направлениями наиболее заметны. Но это не исключает и значительных расхождений внутри каждого из этих направлений, особенно при разрешении тех проблем, которые являются камнем преткновения для фонологов независимо от принадлежности их к тому или иному направлению.

Наиболее ярко разногласия проявляются в понимании и дефиниции фонемы. Различная трактовка сущности фо-

немы естественно влечет за собой: 1) различие в понимании задач и целей фонологического исследования и 2) применение неодинаковых методов фонологического анализа и различный подход к разрешению основных трудностей, возникающих в процессе идентификации фонем и их вариантов (проблема дополнительного распределения — установление принципов, на основании которых звуковой отрезок относится к той или иной фонеме, определение одно- или многофонемности звуковых сочетаний, проблема пересечения (наложения) фонем и др.).

Специфическая черта фонологических теорий многих американских дескриптивистов — это стремление избежать в процессе фонологического анализа понятия «значение» (meaning, signification). Они оставляют за пределами исследования то, что не выражено в конкретной звуковой материи; оно, по их мнению, должно оставаться за пределами изучения. Такая точка зрения свойственна наиболее последовательным блумфильдианцам (в этом отношении они наиболее строго следуют так называемой «антименталистской»¹ концепции Блумфильда, для которого язык представляет собой материальную субстанцию, ограниченную конкретной речевой деятельностью).

Смыслоразличительная функция фонемы — ее характерная черта, обнаружение которой позволило преодолеть механический подход к изучению звуков речи — отодвигается блумфильдианцами фонологами теоретически на задний план, практически же, конечно, используется. Игнорирование смыслоразличительной роли фонемы заставило американских фонологов-дескриптивистов искать такие методы описания и анализа звукового строя языка, которые позволили бы исключить все, что связано с упоминанием значения. Именно на этой основе возник метод дистрибутивного анализа как основной метод фонологического изучения языка. Наиболее яркое выражение эта точка зрения получила в работах З. Хэрриса. В своей книге «Методы структуральной лингвистики» он пишет: «В принципе значение следует привлекать только в той мере, в какой это необходимо для определения, что является повторением»¹. По его определению, язык — «сово-

¹ Zellig S. Harris. *Methods in Structural Linguistics*, Chicago 1951, стр. 7, сноска: «In the principle meaning need be involved only to the extent of determining what is repetition».

купность всех высказываний во всех ситуациях ². В этом определении подчеркивается, что в языке Хэррис признает лишь то, что непосредственно доступно наблюдению.

Для Хэрриса как исследователя существенным (релевантным) является «дистрибуция или аранжировка (arrangement) в речевом потоке определенных частей или особенностей (черт) в отношении к другим частям или особенностям»³. У него мы находим определение фонемы в терминах дистрибуции, т. е. как наименьшего дистрибутивного независимого элемента высказывания ⁴.

Для Хэрриса при вычленении фонемы не только фактор значения, но фонетическая характеристика (артикуляционная, акустическая) является лишь дополнительным моментом фонологического анализа. Еще в 1941 г. в своей рецензии на «Основы фонологии» Н. Трубецкого Хэррис подчеркивал, что релевантен только дистрибутивный контекст (окружение), в то время как фонетический контекст иррелевантен. Еще очевиднее это положение он формулирует в «Методах структурной лингвистики» ⁵. Дистри-

² MSL, стр. 27.

³ MSL, стр. 5; «The main research of descriptive linguistics & the only relation which will be accepted as relevant in the present survey, is the distribution or arrangement within the flow of speech of some parts or features relatively to others».

⁴ MSL, стр. 21; «... As will be seen, this means that we associate with each utterance the smallest number of different elements which are themselves just small enough so that no one of them is composed of any other elements. We may call such elements the minimum, i. e. smallest distributionally independent descriptive factors (or elements) of the utterance».

⁵ MSL, стр. 7, сноска: «Objection might be raised here to the effect that meaning considerations too are involved in the determinations of elements, since for example when sounds (or sound-features) *x* and *y* occur in identical environments they are assigned to different phonemes if the complexes containing them constitute different morpheme (e. g. (l) and (r) in the environments (-ayf): *life*, *rife*). However, this differentiation of *life* and *rife* on the basis of meaning is only the linguist's and the layman's shortcut to a distributional differentiation. In principle, meaning need be involved only to the extend of determining what is repetition. If we know the *life* & *rife* are not entirely repetitions of each other, we will discover that they differ in distribution (& hence in «meaning»). It may be presumed that any two morphemes A & B having different meaning also differ somewhere in distribution: there are some environments in which one occurs & the other does not. Hence the phonemes or soundfeatures which occur

бутивный анализ понимается Хэррисом двойственно: с одной стороны, это — метод идентификации (вычленения) фонем и их вариантов, а с другой, — средство их классификации. Эти два различных понятия не расчлняются. Единицей фонологического анализа для Хэрриса является высказывание (utterance) ⁶.

Понятие дополнительной дистрибуции основывается на понятии релевантного окружения, а критерии определения его релевантности отсутствуют. Отсюда многочисленные дискуссии по этому вопросу. Кроме того, критерий дополнительной дистрибуции в ряде случаев не дает возможности установить, имеет ли исследователь дело с комбинаторным или факультативным вариантом или же с самостоятельной фонемой. На этой же позиции стоят Б. Блок (B. Bloch) и Дж. Трегер (G. Trager) в их книге «Outline of linguistic analysis». Но они сосредоточивают свое внимание на критерии дополнительной дистрибуции, применяемой для объединения аллофонов в фонему.

При непризнании функциональной роли фонемы как ее основного признака в качестве единственных критериев установления аллофонов остаются дистрибуция звуковых сегментов и их фонетическая характеристика. Этим и объясняется то, что сторонники дистрибутивного метода группировку аллофонов связывают с условиями, основывающимися на этих критериях. Эти условия следующие: 1) два звука являются аллофонами одной и той же фонемы только в том случае, если они находятся в отношении дополнительного распределения (дополнительной дистрибуции) или свободной вариации; 2) аллофоны одной и той же фонемы фонетически сходны; 3) определение фонемы должно отвечать требованию «соответствия модели» и «сходству дистрибуции».

Это дало полное основание Н. Хомскому утверждать, что фактически сторонники дистрибутивного метода основывают группировку аллофонов в фонемы на соблюдении таких условий, как: а) линейность (linearity), б) инвариантность и в) двуединое соответствие (biuniqueness). Линейность — это не что иное, как требование,

in A but not in B differ in distribution at least to that extent from those which occur in B but not in A...».

⁶ MSL, стр. 10—11.

чтобы каждая фонема ассоциировалась с определенной последовательностью звуков. Таким образом, если принимать фонематическое обозначение *can't* как /kaent/ и *hand* как /haend/, то фонетические обозначения [kænt] и [haend] будут нарушением принципа линейности.

По принципу инвариантности каждая фонема должна ассоциироваться с известным рядом определяющих черт ф (р). Т. е. если звук Р отнесен к фонеме Р, то он везде будет относиться к этой фонеме. По условию «двуединого соответствия» каждый ряд последовательных звуков представлен только единственной последовательностью фонем.

Соблюдение этих условий вызывает многочисленные трудности, и в первую очередь при анализе тех случаев, когда наблюдается пересечение фонем (overlapping).

Можно согласиться с Хомским, что принцип дополнительного распределения у сторонников дистрибутивного метода — это не что иное, как превращение в процедуру принципа «двуединого соответствия».

Неадекватность дистрибутивного метода как средства вычленения фонем и как метода их классификации сделала необходимым применение других, более совершенных методов, которые не основывались бы на таком слишком неопределенном понятии, как «релевантное окружение», сторонников дистрибутивного метода.

Попытку преодолеть неадекватность дистрибутивного метода можно заметить у самих американских дескриптивистов-фонологов. Именно так, по-видимому, следует рассматривать применение Ч. Хокетом метода НС в фонологии. Он исходит из предпосылки, принимаемой им как аксиома, что фонологическая структура предложения (макросегмента) или какой-либо другой, еще меньшей единицы является не простым сочетанием (combination), а пермутацией (permutation). Всякая фонологическая единица, за исключением конечных фонологических составляющих (имеются в виду дифференциальные признаки), состоит из более мелких элементов — непосредственно составляющих — в специфической геометрической аранжировке. Отсюда и его общее определение «модели» или системы языка (pattern). «Фонологическая модель или система языка (имеется в виду конкретный язык, а не абстрактное понятие. — Н. К.) состоит из набора конечных фонологических составляющих и ряда иерархических

аранжировок, в которых эти последние встречаются в том или ином высказывании»⁷.

Аранжировка так же существенна, как и сами составляющие.

Вычленение фонем полностью методом дистрибуции, основанной у дистрибуционалистов на неопределенном понятии «релевантное окружение», Хокет заменяет анализом по НС. Признание существования фонологических НС позволяет ему проводить последовательное членение речевых отрезков. Например, речевой отрезок *believe* членится на два НС: /bi (l) / и / (l) iuv/. Согласная l рассматривается как звук, который одинаково может принадлежать как к первому, так и ко второму НС. /bi (l)/ делится на атрибутивное /b/ + ядро /i (l)/ и атрибутивное / (l) + ядро /iy/; затем i(l) расчленяется на /i/ - / (l), а /iuv/ — на /iy - /v/. Причем /l/ и /v/ являются атрибутивными в отношении /i/ и /iy/.

Как указывает сам Хокет, такое членение основывается на фонетических данных, т. е. анализ по НС позволяет ему оставаться на уровне фонетики, не выходя на уровень морфологии и синтаксиса. Исключаются, таким образом, в качестве единиц анализа слова и морфемы, для установления границ которых необходим критерий значения. Именно за это и подвергается критике со стороны американских дескриптивистов «фонология слова».

Когда фонетический критерий оказывается недостаточным, Хокет привлекает структурный. Так, членение формы *scrmp* как *scr-i-mp*, а не *scr-im-p* он объясняет тем, что между *m* и *p* имеется большая внутренняя связь (коэзия) вследствие того, что обе согласные — билабиальные.

Хокет увеличивает число критериев, на основе которых осуществляется идентификация фонем (установление фонем и их вариантов), не ограничиваясь одним только критерием дополнительной дистрибуции. Он предлагает четыре «эвристических» принципа, которые должны ориентировать исследователя в процессе идентификации фонем. Это: 1) контраст и дополнительность (*contrast and complementation*), 2) фонетический реализм, фонетическое сход-

⁷ Charles F. Hockett. A Manual of phonology. Baltimore, Waverly Press, 1955, стр. 176: «The phonologic pattern (or system) of a language consists of a stock of ultimate phonologic constituents & a set of (hierarchic) arrangements in which they occur in one or another utterance».

ство или несходство (phonetic realism, phonetic similarity or dissimilarity), 3) экономное описание. Все эти принципы он строит на фонетической основе, не затрагивая вопроса о смысловозначительной роли исследуемого звука. Давая контраст типа pit и bit, Хокет аксиоматически принимает положение: «сегменты, встречающиеся в одинаковом окружении (identical environment), тем самым фонологически различны»⁸. Одинаковость окружения устанавливается фонетически.

В процессе идентификации фонем, как уже отмечалось, исследователи фонологи, независимо от их теоретических воззрений, наталкиваются на ряд трудных проблем, которые ими решаются по-разному. Известно, что обычно камнем преткновения бывают случаи: 1) когда следует установить, являются ли исследуемые сочетания (гласных или согласных) в изучаемом языке одно- или двуфонемными (например, tš и dž в английском и tš в испанском языке, сочетания типа ts, tš, dž в каталанском); 2) когда происходит пересечение фонем (overlapping): русск. /д/ и /т/, /г/ и /к/ в конце слов типа *род* /т/, *луг* /к/, как и в слове *лук*, исп. n → m перед f, например enfadado [emfadaðo] и др. По существу в трех указанных случаях возникает вопрос об определении функциональной нагрузки исследуемых элементов (проблема соотношения функционального и фонетического). Опираясь на метод НС, Хокет переводит эту проблему в плоскость иерархической структуры. Он ставит вопрос об определении места исследуемого элемента в иерархической структуре языка. По его мнению, вопрос о том, имеется ли в данном языке одна фонема или сочетание фонем, неважен. Важно, на каком иерархическом уровне функционирует данный элемент и на какой ступени он может быть расчленен на НС (на уровне слога или самой фонемы).

В плане иерархических связей трактует Хокет и случай наложения фонем: он считает, что в этих случаях основное — это определить тот иерархический уровень, на котором возникает «брешь» (hole), т. е. данная фонема перестает функционировать. Для него нет нейтрализации, а есть «недостаточное распределение».

В плане дистрибуции решает Хокет и вопрос об определении маркированности или немаркированности членов

⁸ Ch. Hockett. Указ. соч., стр. 155.

противопоставления. Он считает, что дело не в маркированности или немаркированности, а в установлении, какой член противопоставления проще и какой — сложнее. Решение этого вопроса он ставит в прямую связь с шириной дистрибуции — ширина диапазона дистрибуции свидетельствует о том, что данный член противопоставления более прост.

Таким образом, преодоление неадекватности чисто дистрибутивного метода американскими фонологами-дескриптивистами (Хокет) идет по линии более широкого использования фонетической характеристики фонемы и по линии структурно-иерархической. Собственно, это другой аспект дистрибуции, но не простой, а организованный.

Пытаясь дать типологию фонологических систем, Хокет строит системы гласных на традиционной артикуляторной характеристике (гласные фонемы противопоставляются по степени подъема языка, по принадлежности к переднему, среднему или заднему ряду).

На артикуляторно-акустических признаках основывается и противопоставление согласных: в основе лежит их деление на преградные (*obstruents*) и сонорные (*sonorants*).

У Хокета (как и у Хэрриса и других последователей Блумфильда) мы находим не теорию фонем, а скорее поиски наиболее адекватного описания фактов речевого потока. У него понятие фонемы занимает периферийное положение, он не дает ее определения, а лишь указывает на то, что вместо обычно принятого американскими фонологами термина «сегментная фонема» он принимает европейскую терминологию (т. е. просто «фонема»). Хокет дает скорее описание, чем дефиницию фонемы: «Фонемы, которые не являются стыковыми, акцентными или интонационными, объединяются под общим названием "сегментные". Сегментные фонемы — структурные единицы, большие, чем конечные фонологические компоненты, но меньшие, чем слоги»⁹. Примечательно, что в указателе к книге, отсылая читателя к этому определению, он замечает: «Точная дефиниция невозможна при том релятивистском подходе, который принят в данной монографии»¹⁰.

⁹ Ch. Hockett. Указ. соч., стр. 74.

¹⁰ Там же, стр. 239.

Все, что находится за пределами конкретного звукового выражения, исключается Хокетом (как и другими американскими фонологами-дескриптивистами) из рассмотрения как недоступное для наблюдения¹¹. Также, по мнению Хокета, недоступна для прямого наблюдения и языковая модель.

Однако метод анализа по НС не решает проблемы идентификации фонем, потому что Хокет не дает критериев деления на НС, не показывает, по какому принципу нужно проводить это деление в пределах слога. Он сам это признает, так как отмечает, что не всегда исследователь может найти недвусмысленное решение вопроса, как делить данный элемент на НС, и не всегда существуют пути для нахождения такого решения¹². Метод анализа по НС отличается неопределенностью и не дает точных критериев для выбора между альтернативными решениями.

У Хомского мы находим критику критерия «фонетического реализма». Этот критерий неясен и ненадежен, считает Хомский, он не может дать ответа на ряд вопросов, возникающих в процессе группировки аллофонов, например при отнесении в английском языке аспирированного r/r^h и неаспирированного r к одной фонеме, влиянием какого окружения можно объяснить появление аспирации или почему фонетически реалистично относить медиальную глоттальную смычную в английском слове *button* к той же фонеме, что и звук t в начале слова *tin*, и т. п.

Определение фонемы, основанное исключительно на ее фонетической характеристике, т. е. на ее артикуляционно-акустических признаках, находит отражение в трудах Д. Джоунза. Такой подход создает большие трудности в процессе вычленения и идентификации фонем.

¹¹ Ch. Hockett. Указ. соч., стр. 15 и 16: «... we cannot say that a phoneme or other phonologic units is physically present in the speech signal, what is present therein susceptible of direct observation, is a representation of the phoneme. Neither morphemes nor phonologic units, then are susceptible to direct observation. Both must be deduced from what is directly observable; the behavior of humans be it speech or otherwise».

¹² Ch. Hockett. Указ. соч., стр. 176: «The above describes in a summary way, our operating assumptions in the collation part of phonologic analysis: it does not imply that we can always decide unambiguously how to cut a given element into its IC's, or even that there always exists an unambiguous way if only we could find it».

Джоунз определяет фонему́ как семейство близких по характеру (*related in character*) звуков, взаимоисключающих в одинаковом фонетическом окружении ¹³. Термин *related in character*, означающий «фонетически близкий», очень неопределенен. Об этом говорит и сам Джоунз ¹⁴, указывая на то, что в ряде случаев звуки, акустически далекие друг от друга, как, например [l] во французском слове *peuple* и [l] в слове *long*, должны быть отнесены к одной фонеме.

Не менее неопределенным является и понятие «одинакового фонетического окружения» (вопрос о его релевантности, так сильно дебатированный американскими фонологами, даже и не ставится Джоунзом). Смыслоразличительную роль фонемы Джоунз признает, но не считает необходимым включать этот признак в ее определение ¹⁵. В качестве аксиомы он принимает положение, что один и тот же звук не может принадлежать двум фонемам.

Определение фонемы только на основании ее фонетической характеристики в ряде конкретных случаев оказывается недостаточным для ее вычленения. Поэтому на практике Джоунз не следует этому единому критерию идентификации фонем, а привлекает не только различные, но и разноплановые критерии. Критерий фонетической близости, несомненно, преобладает. Так, говоря о возможности двойственного произношения в английском языке формы *puts* (т. е. [puts] ~ [putz]), Джоунз считает, что если такое произношение устойчиво, то в первой форме последний звук следует отнести к фонеме /s/, а во второй — к фонеме /z/ ¹⁶. Он усматривает наличие фонемы /ʃ/ во французском словосочетании *je te crois* при произношении его как [ʃtə krwɑ] и фонемы /ʒ/ — при произношении этого же словосочетания как [ʒtə — krwɑ]. Субституцию фонем он видит в произношении англ. *dress-shirt* [dresʃə: t] и [dres'sə: t] ¹⁷.

¹³ Daniel J o n e s. The phoneme: its nature and use. Cambridge. 1950, стр. 10.

¹⁴ Там же, стр. 10: «The restriction «related in character» is of necessity vague, since it is impossible to specify, what degree of dissimilarity will prevent two sounds from belonging to a simple phoneme».

¹⁵ D. J o n e s. Указ. соч., стр. 14, § 52.

¹⁶ Там же, стр. 48, § 175.

¹⁷ Там же, стр. 49, § 178.

В отдельных случаях при вычленении фонем им выдвигается на первое место «лингвистическое чутье» (linguistic sense) говорящих. Именно на этой основе он идентифицирует звук [ɲ] в испанском и итальянском языках. Джоунз признает, что артикуляционно (по положению языка) [ɲ] в испанском и итальянском языках ближе к фонеме /n'/, чем к /n/. Однако «лингвистическое чутье» испанцев и итальянцев заставляет рассматривать этот звук как разнovidность /n/. Руководствуясь этими соображениями, Джоунз относит [ɲ] к фонеме /n/, а не /n'/.

В отдельных затруднительных для него случаях Джоунз, берущий за единицу фонемного анализа фонетическое слово, переходит на уровень грамматики и проводит идентификацию в пределах морфемы. Он поступает так при определении фонемного статуса *ich-Laut*'а и *ach-Laut*'а в немецком языке. Как известно, эти звуки обычно взаимно исключаются в одинаковой позиции. Но в тех случаях, когда выступает суффиксальная морфема *-chen* [ʃn], возможно противопоставление этих звуков, например: *Kuh-chen*/*kuchen* [kuʃn/*kuχn*]; *Tau-chen*/*tauchen* [tauʃn/*tauχn*] и др. В этом случае Джоунз принимает морфему *-chen* за отдельное слово, потому что, по его мнению, именно так ее воспринимает немец. Следовательно, в одних формах [ʃ] начинает слог, а в других, наоборот, кончает. Оба звука, таким образом, находятся в различных позициях, а следовательно, [ʃ] и [χ] являются вариантами одной фонемы /χ/.

Способ употребления звука также используется Джоунзом как критерий при идентификации фонем, как, например, при определении места беглого [ə] в фонологической системе французского языка. Джоунз выделяет этот звук в качестве отдельной фонемы, опираясь на его специфическое, отличное от всех других фонем современного французского языка поведение ¹⁸.

Анализируя случаи наложения фонем (иначе — переkreщивания, пересечения), т. е. нейтрализации, Джоунз решает вопрос об отнесении звука [i], с одной стороны, в словах типа *зима*, *лила*, *письмо*, *люди*, а с другой, в таких словах, как *дела* *djila*, *семена* *sjimina*, *перо* *pjiro* и др.; он категорически отрицает возможность отнести звук [i]

¹⁸ D. Jones. Указ. соч., стр. 89—91.

в одном случае к фонеме /i/, а в другом — к фонеме /e/. В том и другом случае он относит звук [i] к фонеме /i/.

По существу, понятие «фонема» является для Джоунза вспомогательным, необходимым для построения адекватной системы транскрипции¹⁹.

Попытку Джоунза развить теорию фонемы нельзя признать состоятельной²⁰, и она была подвергнута справедливой критике со стороны Н. Трубецкого.

Наряду с конкретными звуками, по теории Джоунза, существуют еще абстрактные звуки 1-й и 2-й ступени. Первая ступень абстракции строится на основе артикуляционно-акустического сходства, а вторая — на взаимоисключаемости в одинаковом фонетическом окружении. Поскольку понятие фонемы, как ее определил Джоунз, было создано только для транскрипции, оно имело, несомненно, практическую ценность, но мало отношения к лингвистике как таковой. Как только это понимание фонемы было изменено так, чтобы оно отражало определенные лингвистические явления, то отправная точка этой дефиниции оказалась шаткой, писал Н. Трубецкой²¹. Хокет удачно назвал теорию Джоунза «весьма несистематичной фонемикой» (*fairly unsystematic phonemics*)²².

Для советских фонологов, представителей ленинградской школы, так же как и для американских фонологов-дистрибуционалистов и Джоунза, практически фонема — прежде всего произносительно-слуховая единица, и эта ее сторона довлеет над стороной функциональной. Именно поэтому концепции представителей ленинградской школы правомерно рассматривать вместе с концепциями фонологов-нефункционалистов.

Представители этой школы фонологов отталкиваются от понимания фонемы, данного Л. В. Щербой в его «Фран-

¹⁹ D. J o n e s Указ. соч., стр. VII: «Since phonetics can neither be studied nor applied without the use of phonetic transcriptions, & since adequate systems of transcription require for their construction the theory of phonemes I see no reason for regarding the theory of phonemes as other than an integral part of phonetic science at least an indispensable adjunct to it».

²⁰ D. J o n e s. Concrete & Abstract sounds. Proceedings of the Third International Congress of Phonetic Science. Ghent, 1938.

²¹ N. T r o u b e t z k o y. Principes de phonologie, trad. par J. Cantineau. Paris, 1957, стр. 44.

²² В рец. на А. Мартине. — «Language», vol. 27, № 3, стр. 333 и 341.

цузской фонетике», где он определяет фонему как «звуковой тип»²³, а оттенком называет реально произносимые звуки, то «частное», в котором реализуется общее (фонема). У представителей этой школы за фонемой (звуком речи) признается способность «смыслоразличения» и «словопознания»²⁴. Она характеризуется как со стороны ее смыслоразличительной функции, так и со стороны ее артикуляционно-акустических свойств. Однако в определении на первом плане стоит ее фонетическая, а не функциональная характеристика.

Не отрицается целесообразность сравнения минимальных пар для вычленения фонем, и некоторые даже подчеркивают, что фонема «немыслима»²⁵ без противопоставлений. Семантический критерий выдвигается как решающий при определении фонемного статуса звукового отрезка.

Как и большинство советских и зарубежных фонологов, представители этой школы критерий взаимоисключаемости в одинаковом фонетическом окружении считают показателем того, что исследователь имеет дело не с фонемой, а с оттенками фонем. У Л. Зиндера мы находим указание на то, что близость акустическая — вовсе не доказательство принадлежности звуковых отрезков к одной и той же фонеме.

Но случаи пересечения фонем категорически отрицаются, т. е. фактически у них функциональный критерий не является доминирующим. Словоформа *пруд* /т/ будет иметь в абсолютном исходе фонему /т/, а в форме *пруда* та же морфема оканчивается уже на фонему /д/.

²³ Л. В. Щерб а. Французская фонетика. Л., 1937, стр. 17; см. также: М. И. М а т у с е в и ч. Введение в общую фонетику. Л., 1948, стр. 11.

²⁴ Л. З и н д е р. Общее языкознание. Л., 1960, стр. 12; см.: А. Г в о з д е в. О фонологических средствах русского языка. М.— Л., 1949. Отмечая смыслоразличительную роль согласных *д* и *т* в словах *дом* — *том*, *обеда* — *обеты*, Гвоздев пишет: «Слушатель улавливает различие этих звуков на слух; это выдвигает на первый план их акустические качества, которые становятся важнейшими реальностями в области фонетики, приобретающими социальную значимость» (стр. 5); «...Фонема определяется как тип звука в том отношении, что она представляет собой не один, всегда тождественный звук, а ряд акустически близких вариантов, появляющихся обычно в зависимости от разных фонетических условий» (стр. 6).

²⁵ Л. З и н д е р. Указ. соч., стр. 49.

Говорится о том, что основной оттенок фонемы выступает в «независимом» положении. Однако на практике на первом плане фигурируют фонетические свойства фонемы. Под независимым положением фонемы понимается ее изолированное произношение²⁶. Как еще давно показал Н. Ф. Яковлев на материале кабардинского языка, это так называемое изолированное произношение так же обусловлено, как и взятое в контексте. Об этом свидетельствуют и данные современного французского языка. В изолированном положении француз всегда произнесет совершенно спонтанно закрытые гласные [o], [ø], [e]. Это происходит потому, что во французском языке изолированное произношение адекватно произношению в открытом слоге, в этой же позиции приведенные выше гласные могут быть только закрытыми согласно закономерностям произношения современного французского языка.

Представители ленинградской школы считают возможным отнесение к одной фонеме звуков, различающихся в сильной и слабой позициях, но близких артикуляционно-акустически. Так, звук [a] в слове *вода* [вада́] отождествляется не с /o/, с которым он чередуется, — [ва-да́~вóды], а с фонемой /a/, более близкой ему фонетически.

В качестве единицы фонологического анализа берется слово, но некоторые считают одинаково возможным использование речевых тактов независимо от того, являются ли они целыми сочетаниями или отдельными словами²⁷.

Теоретически некоторыми представителями ленинградской школы признается роль фонемы в образовании морфем, т. е. считается возможным брать за единицу анализа не только слово, но и морфему, практически же все за-

²⁶ А. Гвоздев. Указ. соч., стр. 11.

²⁷ А. Гвоздев. Указ. соч., стр. 10: «...Поэтому, хотя в огромном большинстве случаев для выделения фонем будут использоваться сопоставления отдельных слов, в некоторых случаях нельзя не воспользоваться сочетаниями слов, объединенных в речевые такты»; стр. 11: «...в процессе общения различительная функция фонем осуществляется в пределах речевых тактов, независимо от того, являются ли они сочетаниями слов или отдельными словами. Речевой такт и представляет собой фонетическую данность, которая осмысливается слушателем известным образом на основе имеющегося в нем звукового ряда».

труднительные случаи решаются главным образом на основе привлечения произносительно-слуховой характеристики фонемы.

Естественно, что А. Гвоздев свою критику «Очерка» Р. Аванесова и В. Сидорова сосредоточивает главным образом на понятии «варианта» в интерпретации представителей московской фонологической школы. Для него это понятие принадлежит морфологии, а не фонологии: «Понятие «варианта» в понимании авторов имеет целиком морфологический характер и должно рассматриваться в учении о морфемах и их звуковых разновидностях»²⁸.

Точка зрения, согласно которой смыслоразличительная функция фонемы — это тот наиболее существенный признак, который должен лежать в основе ее определения, впервые наиболее отчетливо была сформулирована И. А. Бодуэном де Куртенэ и развита далее представителями пражской школы (Н. Трубецкой, Р. Якобсон, С. Карцевский, Й. Вахек, Б. Трнка и др.).

Продолжая и совершенствуя фонологическую теорию пражской школы, один из наиболее видных представителей этого направления, А. Мартине, подчеркивает примат смыслоразличительной роли при идентификации фонем.

Именно с этой стороны он критикует правила (I—III) Трубецкого, намечающие критерии для различения моноили полифонематичности того или иного звукового отрезка. Эти правила, указывает Мартине²⁹, целиком базируются на чисто фонетической характеристике звукового отрезка: 1) признак распространенности звукового отрезка на два слога (правило I), 2) признак однородности артикуляции (правило II), 3) требование, чтобы длительность звукового отрезка не превышала длительности одной фонемы (правило III).

Фонема для Мартине, так же как и для Трубецкого, — совокупность смыслоразличительных признаков звукового комплекса³⁰, минимальный сегмент, являющийся

²⁸ А. Гвоздев. Указ. соч., стр. 75.

²⁹ A. Martinet. Un ou deux phonèmes. «Acta Linguistica», I, 1939, стр. 94—103; см. также рец. Мартине на «Основы фонологии» Н. Трубецкого (BSLR, t. 42, 2, стр. 125).

³⁰ A. Martinet. Où en est la phonologie. «Lingua», I, 1947, стр. 45; см. также: О н ж е. Eléments de linguistique générale. Paris, 1961, стр. 62.

элементом различения значения, а не самостоятельным его носителем. Смыслоразличительные признаки (*traits pertinents*) он определяет как такие явления звуковой материи, которые обеспечивают смыслоразличительную, наиболее существенную функцию человеческого языка³¹. Сначала, путем сопоставления минимальных пар, необходимо выделить фонетические отрезки, служащие элементом различения значения, а потом уже определять, какие артикуляционно-акустические признаки отличают их от всех других фонем данного языка, т. е. являются их дифференциальными признаками. Т. е. Мартине идет путем, обратным тому, которым следует Хэррис, Блок и другие сторонники дистрибутивного метода.

Как и фонологи других направлений, Мартине использует критерий дополнительного распределения (дополнительной дистрибуции) для установления комбинаторных вариантов фонем. Что касается критерия «фонетического сходства», «фонетической близости», то Мартине понимает его иначе, чем сторонники дистрибутивного метода. По его мнению, нельзя решать вопрос об отнесении какого-либо звукового отрезка к той или иной фонеме на основании «фонетической близости». К одной и той же фонеме следует относить те звуковые отрезки, которые в данном языке отличаются от всех других фонем одинаковыми дифференциальными признаками. Если во французском языке мы отождествляем [b] в слове *ban* с [b] в слове *bout*, то не потому, что они сходны, и не потому, что этот звук кажется ближе к [b] в *ban*, чем к [p] в слове *rou*. Мы делаем это потому, что [b] в слове *ban* противопоставляется другим согласным фонемам серии *pan*, *van*, *fan* и т. д. теми же фонетическими признаками, какими [b] в слове *bout* отличается от [p], [v], [f] в словах *rou*, *vous*, *fou* и т. д. Одна и та же фонема может реализоваться различно

³¹ A. M a r t i n e t. Où en est la phonologie, стр. 46: «Dégager les traits pertinents c'est-à-dire ceux des faits de substance phonologique qui assurent la fonction différenciative, fonction essentielle du langage humain, est précisément le moyen de faire le départ entre ce qui est décisif et le reste»; EChPh, стр. 68: «En phonologie, on dit qu'un trait est caractéristique, distinctif ou pertinent lorsqu'il suffit, à lui seul, à distinguer entre les mots ou formes».

в зависимости от контекста (окружения), и один и тот же звук, опять-таки в зависимости от окружения, может быть реализацией различных фонем³².

В испанском языке апико-дентальный спирант [d̟], встречающийся в позиции, где исключена взрывная апикально-дентальная фонема /d/, следует считать комбинаторным вариантом этой последней (т. е. /d/). Это следует сделать потому, что [d̟] в своей позиции соотносится с соответствующими единицами (p, t, k, f, θ, χ) так же, как /d/ в своей позиции с теми же самыми согласными, т. е. они противопоставляются как *lenes/tenues*³³.

Критерий «фонетического сходства», весьма нечеткий и наполненный различным содержанием у фонологов различных направлений, получает у Мартине определенность, а именно функциональную направленность.

Необходимым условием для того, чтобы звуковой сегмент был признан лингвистически значимым (т. е. в данном случае — фонемой), является необусловленность его окружением, контекстом³⁴. Этим самым Мартине признает, что фонема должна определяться в сильной позиции, однако в своих исследованиях нигде он подробно не останавливается на вопросе о значении применения критерия сильной и слабой позиции в процессе фонологического анализа.

За единицу фонологического анализа Мартине принимает слово и фонему рассматривает в слове, не учитывая ее позиции в морфеме (хотя и отмечает значение морфологических чередований). Он не делает этого и тогда, когда только рассмотрение звука в составе морфемы может разрешить затруднения, возникающие в процессе идентификации фонем.

³² ELG, стр. 54: «Le linguiste s'intéresse aux faits phoniques dans la mesure où ils exercent une fonction. Ainsi attend-on de l'analyse phonologique qu'elle groupe les faits qui assurent la même fonction, même s'ils sont physiquement différents, et qu'elle sépare ceux qui ont des fonctions différentes, même s'ils sont matériellement analogues».

³³ ELG, стр. 68.

³⁴ ELG, стр. 39: «Linguistiquement sont donc seuls *pertinents* (критич. мой. — *Н. К.*) les éléments de la chaîne parlée dont la présence n'est pas automatiquement entraînée par le contexte où ils apparaissent, ce qui leur confère une fonction d'information».

Показательны соображения Мартине по поводу фонематического статуса беглого [ə] в современном французском языке. Он видит противопоставление в сопоставлении таких пар, как:

l'eau [lo] — le haut [lə o]
l'être [l'ɛ:tr] — le hêtre [lə ɛ:tr]
dors [dɔr] — dehors [dəɔr]

Между тем в формах, расположенных справа, [ə] может рассматриваться как пограничный сигнал (Grenzsignale Трубецкого). В первых двух словах этот звук — показатель границы между служебным и самостоятельным словом, а в третьем стоит на стыке морфем — префиксальной и корневой. При таком подходе становится понятным, почему, кроме примеров типа приведенных выше, [ə] нигде не выполняет смыслоразличительной функции [dvā и dəvā] и др. Мартине же оставляет без объяснений ограниченность смыслоразличительной функции, которую (т. е. ограниченность) он сам признает за [ə].

Выбор в качестве единицы фонологического анализа звукового отрезка большего, чем слово, может дать, считает Мартине, неправильное представление о числе фонем в исследуемом языке. Например, если взять словосочетание типа *un grand dadais* и сопоставить его со словосочетанием *la grande Adèle*, то можно прийти к несоответствующему действительности заключению, что долгое и краткое *ā* [ā:] и [ā] являются в современном французском языке различными фонемами, ср. *āgrādādè/lagrā:dadè...* Между тем [ā:] представляет собой комбинаторный вариант фонемы /ā/.

Мартине стремится последовательно опираться прежде всего на критерий смыслоразличения. Именно так он подходит в тех случаях, когда две или более фонемы, образующие противопоставления, в определенной позиции (или позициях) оказываются представленными одним звуком (случаи пересечения или наложения фонем). Как и Трубецкой, он рассматривает эти случаи как «нейтрализацию», т. е. как потерю противопоставляющимися фонемами их смыслоразличительной функции, и говорит о появлении в этой позиции (позиции нейтрализации) архифонемы. Под архифонемой (как и Трубецкой) он понимает «совокупность смыслоразличительных признаков, общих двум или более

фонемам и представляющих эти фонемы»³⁵. Снятие противопоставления к/г, т/д в абсолютном исходе в русском языке (например, *лука/луга*, но *лук/луг* (= k); *рот/род* (= t); франц. *ε* и *е* в закрытом слоге) — все это случаи нейтрализации. Поэтому словоформы типа русских *сапог*, *сад* Мартине обозначает как *сапоK*, *саT*, а франц. /ε/ и /е/ в позиции нейтрализации — как *Е* или /е/, т. е. вводит знак архифонемы.

В отличие от Трубецкого, Мартине считает, что нейтрализация свойственна не только корреляциям (противопоставлениям, основанным на наличии или отсутствии какого-либо признака, «привативным» противопоставлениям, по терминологии Трубецкого). Он рассматривает как корреляцию противопоставления фонем по способу артикуляции, например взрывные/фрикативные с одинаковым местом артикуляции³⁶, и допускает корреляцию согласных по степени раствора (франц. *ε/е*, *о/о*, *œ/ø*). С точки зрения Мартине, в ряде случаев, когда имеет место частичная дополнительная дистрибуция, исследователь также может говорить о нейтрализации. В качестве примера приводит противопоставление *ī/г* в испанском языке. Оно функционирует лишь в интервокальном положении (*сегго/сего*), а в остальных позициях *ī/г* и */г/* взаимно исключаются.

При решении одного из крупнейших вопросов фонологии, а именно при определении моно- или полифонематичности звуковых отрезков, т. е. при идентификации аффрикат и дифтонгов, Мартине опять-таки стремится подходить прежде всего с точки зрения наличия или отсутствия смыслоразличительной функции. В одной из своих статей, посвященных этому вопросу, он предлагает опираться на коммутацию, т. е. проверять, возникают ли слова с новым значением при замене поочередно каждого элемента аффрикаты (или дифтонга) другим звуком. Оказывается, что англ. *tʃ* (орф. *ch*) состоит из последовательности двух коммутируемых элементов, например: *chain* [tʃein] — *train* [trein] — *chin* — *shin* — *tin* и т. д.

³⁵ ELG, стр. 71: «Si le phonème est défini comme la somme des traits pertinents, l'archiphonème, lui, est l'ensemble des traits pertinents communs à deux ou plus de deux phonèmes qui sont seuls à les présenter tous».

³⁶ EChPh, стр. 121; A. M a r t i n e t. Un ou deux phonèmes. «Acta Linguistica», I, 1939.

В этом случае Мартине отодвигает на задний план смысло-различительную функцию и оперирует принципом параллелизма системы. Иными словами, в английском языке существует корреляция по глухости и звонкости *d/t*, *z/s*, а следовательно, по мнению Мартине, *tʃ* вернее рассматривать в качестве глухого коррелята аффрикаты *dʒ*, монофонемность которой он считает доказанной. При идентификации той же аффрикаты *tʃ* в испанском современном языке Мартине выдвигает уже другой аргумент — отсутствие в этом языке отдельной фонемы /ʃ/. Этот звук существует лишь как составной элемент аффрикаты.

Критерий смыслоразличительности оказывается недостаточным при идентификации аффрикат и дифтонгов. Впрочем, сам Мартине признает трудность решения этих вопросов ³⁷.

Идентификация /j/ и /w/ в системе какого-либо языка тесно связана с проблемой разграничения гласных и согласных на функциональной основе: Мартине считает, что нет никаких оснований разграничивать фонологически гласные и согласные, так как в ряде языков вторые, как и первые, могут образовать вершину слога, например /l/ в англ. *battle* и в чеш. *vlk*. Разделение на гласные и согласные просто практически удобно. Согласные и гласные сопоставимы, в частности [j] и [i]. Мартине полагает, что нельзя говорить о различных контекстах (различном окружении) при сопоставлениях типа франц. *chaos* [kao] и *car* [kar] или *abbaye* [abeï] и *abeille* [abej] на основании того, что слоговая структура этих слов различна. Нельзя признать это потому, что вокаличность и способность образовать слог — одно и то же свойство (вокаличность автоматически влечет за собой слогаобразующее качество). Согласные и гласные не встречаются в одинаковом окружении, следовательно, не противопоставляются; но они следуют друг за другом в потоке речи, т. е., по терминологии Мартине, контрастируют. Он считает, что во французском языке [i] и [j] различаются лишь тем, что [j] —

³⁷ EChPh, срп. 123: «En matière de description, les affriquées du fait de leur caractère non homogène ont soulevé des problèmes d'interprétation assez délicats. Avec les diphtongues qui sont en quelque sorte leur contrepartie vocalique, elles forment une classe de complexes articulatoires dont l'interprétation est une des quelques questions d'analyse synchronique qui restent d'actualité».

звук немного более закрытый, чем [i], и дополнительная степень затвора достаточна для того, чтобы признать существование в современном французском языке противопоставления i/j (pays/paie; abbaye/abeille), нейтрализующегося везде, кроме абсолютного исхода.

Иными словами, для Мартине возможно сопоставление форм с неодинаковой слоговой структурой. В решении вопроса о фонетической природе полугласных (полусогласных) у Мартине наблюдается определенная непоследовательность. Он говорит о контрастировании и это же контрастирование называет оппозицией (т. е. противопоставлением), хотя сам отрицает возможность противопоставления гласной и согласной ³⁸.

Функционализм Мартине не является абстрактным функционализмом, признающим лишь отношения. Для него существует языковая реальность. Этой реальностью является звуковая материя, используемая в смысло-различительных целях. Функция (в прямом, а не в математическом значении) для него — это критерий языковой реальности ³⁹.

³⁸ ELG, стр. 74: «Ce qu'on attend des consonnes et des voyelles ce n'est pas qu'elles apparaissent dans les mêmes contextes c'est-à-dire qu'elles s'opposent, mais qu'elles se succèdent les unes aux autres dans le fil du discours, c'est-à-dire qu'elles soient en contraste»; и там же, стр. 74—75: «... s'il faut en français distinguer un phonème /j/ d'un phonème /i/, c'est parce que p a i e et a b e i l l e ne se confondent pas avec p a y s et a b b a y e, mais on notera que l'opposition (?) se neutralise ailleurs qu'en finale de syllabe: on ne saurait en français distinguer de v i e n t un mot v i - e n t en deux syllabes».

³⁹ FVL, стр. 5: «The realistic conception of linguistic structure as a feature of linguistic reality is apt to be mistaken for the naïve assumption that all that is physically present in speech is part of that reality, irrespective of whether it has a function & what that function is.

Actually, structure can be found in language only, as it were, as an aspect of its functioning. The varieties of function establish among data a hierarchy which involves distinguishing between cores & margins for whose description different methods have to be used. Function is the criterium of linguistic reality, our duty is to describe that reality, & it should be no cause of alarm if one of our operational devices is found to fail us at a certain point. These devices, such as phonemes, for instance, do correspond to definite aspects of linguistic reality as shown by the speakers comportment, & we value them in so far as they do, but no further».

Смыслоразличительный принцип лежит и в основе фонематической теории Р. Якобсона. Он, так же как и большая часть фонологов, выделяет фонемы на основе сопоставления минимальных пар типа *bill/pill*; *dill/till* и т. п. В основу такого рода противопоставления он кладет критерий различения смысла. Но мотивирует он выбор минимальных пар для идентификации фонемы объемом содержащейся в них информации. В условиях противопоставления минимальных пар, по мнению Якобсона, звуки речи дают максимум информации.

Значительным отходом от позиций пражцев является перенесение Якобсоном центра тяжести с фонемы на заранее заданные дифференциальные признаки. В совместной работе с М. Фантом и М. Халле ⁴⁰ он на первый план выдвигает понятие дифференциального признака (*distinctive feature*). По его определению, «смыслоразличительные признаки — это наименьшие различительные единицы языка, так как ни один из них не может быть разбит на еще меньшие языковые единицы» ⁴¹. Он устанавливает, как известно, 12 пар дифференциальных признаков, независимо от отдельных конкретных языков ⁴². Выделение этих признаков Якобсон основывает в первую очередь на акустической характеристике, артикуляторная отодвигается им на задний план (но также используется). Теоретически же свое предпочтение акустической характеристики Якобсон обосновывает тем, что прямую информацию слушающим несут именно акустические свойства звука, а не артикуляционные ⁴³.

⁴⁰ R. Jakobson, C. Gunnar, M. Fant, M. Halle. Preliminaries to speech analysis. «Technical Report», № 13, Acoustics Laboratory, Massachusetts Institute of Technology, 2d printing, 1955; см. также: R. Jakobson & M. Halle. Fundamentals of Language. Gravenhague, 1956.

⁴¹ R. Jakobson. Preliminaries, стр. 3.

⁴² Основные: 1) vocalic/non-vocalic; 2) consonantal/non-consonantal; вторичные: 3) interrupted/continuant; 4) checked/unchecked; 5) strident/mellow; 6) voiced/unvoiced; 7) compact/diffuse; 8) grave/acute; 9) flat/plain; 10) sharp/plain; 11) tense/lax; 12) nasal/oral.

⁴³ «The closer we are in our investigation to the destination of the message (i. e. its perception by the receiver) the more accurately can we gauge the information conveyed by its sound shape. This determines the operational hierarchy of levels of decreasing pertinence: perceptual, aural, acoustical & articulatory (the latter

Якобсон выдвигает априорный тезис, что предлагаемые им дифференциальные признаки фонем во всех языках могут быть только двоичными (бинарными), и второй, не менее априорный тезис, согласно которому эти признаки заложены в языке, ему присущи, а не накладываются на него извне ⁴⁴.

Тем самым двоичная система противопоставлений оказывается обязательной для каждого исследователя-фонолога. Мартине и другие исследователи и продолжатели фонетической теории пражской школы сначала выделяют фонемы путем коммутации (т. е. противопоставления минимальных пар) на основании определения их смысло-различительной функции, а затем определяют те дифференциальные признаки, которыми они противопоставляются всем другим фонемам данного конкретного языка. По теории же Якобсона, дифференциальные признаки фонем определены заранее, исследователь оперирует лишь в пределах установленных Якобсоном 12 двоичных признаков (свойственных, как уже говорилось, по его мнению, всем языкам мира). Фонема определяется им как одновременная совокупность (пучок) дифференциальных признаков ⁴⁵.

Фонема для Якобсона — не абстракция, а реальность, она имеет обязательный коррелят в конкретной действительности. Ее можно считать абстракцией лишь в том смысле, в каком понимаются морфема, слово, предложение, язык. Недопустима произвольность, случайность в отношении звука к той или иной фонеме, так как это снимает объективность фонологического анализа ⁴⁶. И фонемы, и варианты одинаково принадлежат языку (code) и речи (message) ⁴⁷.

carrying no direct information to the receiver). The systematic exploration of the first two of these levels belongs to the future and is an urgent duty» (Preliminaries, стр. 12).

⁴⁴ «In the special case of speech, however, such a set of binary selections is *inherent* (курсив мой. — *Н. К.*) in the communication process itself as a constraint imposed by the code on the participants in the speech event... The dichotomous scale is the pivotal principle of the linguistic structure. The code imposes it upon the sound» (Preliminaries, стр. 9).

⁴⁵ «The distinctive features combined into one simultaneous or, as Twaddell aptly suggests, concurrent bundle form a phoneme» (Preliminaries, стр. 3).

⁴⁶ Fundamentals, стр. 13.

⁴⁷ Там же, стр. 12.

Принцип иерархии, последовательно проводимый Хокетом, принимается только на уровне смыслоразличительных (дифференциальных) признаков. Якобсон различает основные, второстепенные, избыточные дифференциальные признаки. Упор делается на максимальную элиминацию избыточных признаков. Именно в этом плане и признается важность разграничения сильной и слабой позиции. Это разграничение помогает устранить все избыточные черты, т. е. черты, не являющиеся дифференциальными для данного противопоставления. Нейтрализацию он рассматривает как один из случаев избыточности. Как полагает Якобсон, конечная согласная слова *velosiped* (= t) имеет три избыточные черты: две — «неносовая согласная» — уже содержатся в признаке «прерывная», а третья — «глухая» — уже предполагается наличием положения в абсолютном исходе ⁴⁸.

Фонема и дифференциальные признаки имеют постоянный коррелят в звуковой материи, он остается неизменным в меняющихся речевых актах — отсюда понятие «инварианта». Для Якобсона это устойчивый неизменный дифференциальный признак, на котором строится определенное противопоставление: «Отношения между *tart* и *dart*, *try* и *dry*, *bet* и *bed* представляют собой в английском языке одно и то же минимальное различие, независимо от перцептивного, артикуляторного и акустического различия между тремя приведенными t-звуками... Инвариант (в данном случае. — Н. К.) — это противопоставление по силе и слабости... В английском языке постоянной сопутствующей чертой этой оппозиции является глухость сильных согласных и звонкость слабых, но эта избыточная черта может в известных случаях исчезать, ср. глухие варианты

⁴⁸ Preliminaries, стр. 44—45; см. также: R. Jakobson. Retrospect. «Selected Writings», 1962. стр. 650: «In position of «neutralisation» the phonemes reduce the number of their distinctive components, whereas on the level of features every distinctive opposition is endowed with a perceptual constancy; and as far as features are properly defined in purely relational terms, no overlapping can arise.

The relational invariant of each oppositional pair is per definitionem actualized in every context where the given feature occurs... The embarrassing problem of the so called «neutralized» phonemes and their assignment disappears on the level of distinctive features and the concept termed «archiphoneme» finds its new and true foundation».

(b, d, z), отмечаемые английскими фонетистами. Важно отметить, что градация в силе не служит целям смысловоразличения: она целиком зависит от контекста. Например, сильная аспирация начальных сильных согласных (p, t, k) перед ударной гласной, как, например, в tart, и, наоборот, отсутствие аспирации перед другими фонемами, как, например, в try, являются только контекстными вариантами, которые не могут помешать идентификации (p, t, k) сильных согласных в противоположность слабым»⁴⁹.

Приводя пример противопоставления /ae/—/o/, которое в некоторых позициях представлено как /e/—/i/, Якобсон замечает, что, несмотря на различную реализацию в том и другом случае, основной дифференциальный признак остается неизменным. В том и в другом случае имеется противопоставление по компактности и диффузности.

Основываясь на акустической характеристике дифференциальных признаков, Якобсон получает возможность упростить сложную и построенную на различных принципах систему противопоставлений Трубецкого. Большая часть противопоставлений Якобсона оказывается привативными, иначе говоря, основанными на наличии или отсутствии определенного дифференциального признака, т. е. нейтрализующимися.

Теория двоичности дифференциальных признаков вызвала возражения со стороны ряда зарубежных и советских исследователей-фонологов. Принцип бинаризма получил критическое освещение в статье представителя московской фонологической школы А. Реформатского⁵⁰. Он подверг сомнению возможность построения фонематической модели вокализма и консонантизма на основе этого принципа. Далеко не все признают правильным установление Якобсоном дифференциальных признаков до вычленения фонем того или иного языка, а также выделение именно тех, а не иных дифференциальных признаков.

Наиболее развернутую и основательную критику теории дифференциальных признаков Якобсона находим

⁴⁹ Preliminaries, стр. 5.

⁵⁰ А. Реформатский. Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонетическая модель языка. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1966, стр. 106—122.

у П. С. Кузнецова⁵¹. Он совершенно правильно указывает, что экспериментальное исследование различных признаков, характеризующих звуки речи, для фонологии дает лишь предварительный материал. Такого рода исследования не могут непосредственно установить, какие признаки являются смыслоразличительными, а какие — дополнительными.

Большие сомнения вызывает тезис Якобсона о том, что двоичные дифференциальные признаки присущи человеческой природе. Подвергалось критике и объединение гласных и согласных на основе одних и тех же дифференциальных признаков.

Бинарная (двоичная) теория Якобсона имеет определенную направленность. С одной стороны, система двоичных признаков удобна для обработки ее на вычислительных машинах, дает возможность составления автоматических правил распознавания фонем, значительно упрощает составление алгоритма⁵². С другой стороны, метод фонологического анализа на основе двоичных противопоставлений — это выход в универсальную типологию. По мнению Якобсона, накопленный наукой материал, все увеличивающееся количество открываемых законов выдвигают на первый план необходимость установления универсальных законов, лежащих в основе фонемной системы языков вообще. Знание этих законов откроет пути к типологической классификации языков, которая сейчас, как полагает Якобсон, осуществима.

Каждый шаг в этом направлении позволяет сократить число дифференциальных признаков, свойственных языкам мира. По Якобсону, множественность дифференциальных признаков является иллюзорной. При наличии двух или больше дифференциальных признаков, никогда не сосуществующих в языке и имеющих общее свойство, отличающее их ото всех остальных дифференциальных признаков, можно их истолковать как различные имплементации одного и того же признака.

Изучение инвариантов в системе какого-либо одного языка может быть заменено поисками универсальных

⁵¹ П. С. Кузнецов. О дифференциальных признаках фонем. — ВЯ, 1958, № 1, стр. 59.

⁵² В. Иванов. Теория фонологических различительных признаков. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 167.

инвариантов в фонологической системе языка вообще. Это стремление к созданию методов фонологического анализа, которые дали бы возможность подойти к построению универсальной типологии, находит у Якобсона выражение в принятии им ограниченного числа двоичных признаков.

Однако его метод фонологического анализа, направленный главным образом на построение универсальной типологии, мало применим для исследования отдельных конкретных языков, для раскрытия специфических особенностей их фонологической системы. Эти особенности могут не укладываться и не укладываются в заранее определенную систему бинарных (двоичных) дифференциальных признаков. Это уже показала практика исследования. Так, во втором издании своей «Испанской фонологии» Аларкос Льорак распределяет испанские фонемы по схеме Якобсона, но это — чисто формальная идентификация. Когда же он подходит к вопросу о месте испанских согласных *ptk* и *b d g* в системе испанского консонантизма, то он от этой схемы отказывается и ищет другие пути решения этой трудной проблемы. А в третьем издании своей книги он совсем отказывается от схемы Якобсона, как отмечает его рецензент Диего Каталан (Diego Catalán). (Впрочем, в четвертом издании он снова ее использует.)

По схеме Якобсона описывает фонетическую систему некоторых романских языков и Б. Мальмберг. Давая же общую характеристику этих языков, он эту схему совсем не принимает во внимание.

Фонологи—представители московской школы (Р. Аванесов, П. Кузнецов, А. Реформатский, В. Сидоров и др.), продолжая традиции Бодуэна де Куртена, естественно, оказываются весьма близкими к фонологическим теориям продолжателей пражской школы (например, Мартине, отчасти Якобсона), но идут своим путем при разрешении ряда проблем. Для них основное в определении фонемы — это ее смысловоразличительная функция⁵³, фонема мыс-

⁵³ «...Фонетика делится на два отдела: на физиологию звуков речи, которая изучает образование звуков органами речи, а также акустическую природу звуков речи, и на учение о системе фонем, которое изучает функциональную сторону звуков речи, звуки речи как знаки для различения значения слов, систе-

лится ими как элемент различения значения. Фонема не выступает изолированно, а всегда употребляется в ряде других фонем.

Представители этой школы в качестве критерия установления разновидностей фонем признают критерий взаимоисключения в тождественных условиях (иначе — критерий дополнительного распределения). Произносительно-слуховая характеристика фонемы отодвигается на задний план: различные звуки при наличии взаимоисключения в одном и том же положении являются модификациями одной и той же фонемы, как бы сильно они ни отличались друг от друга ⁵⁴.

Сторонники московской школы, в отличие от зарубежных фонологов-функционалистов, у которых это положение не развивается, хотя и признается безусловность позиции фонемы ⁵⁵, развивают положение о сильной и слабой позиции как необходимом условии определения фонемы. Фонема выступает в той позиции, которая является в данном языке сильной, т. е. позицией наименьшей обусловленности. Так, например, для русских гласных сильной позицией является ударная позиция, слабой — безударная. Для испанских звонких шумных *b, d, g* — позиция в абсолютном начале слова и перед определенными согласными. В любых позициях, таким образом обусловленных окружением и положением в слове, выступают только разновидности фонемы. В этих условиях, естественно, исключается противопоставление звукового отрезка в сильной позиции звуковому отрезку в слабой, так как это было бы противопоставлением фонемы и ее модификации.

му фонем и их разновидностей, выступающих в определенных фонетических условиях» (Р. Аванесов и В. Сидоров. Очерк по грамматике русского литературного языка. М., 1945, стр. 7).

⁵⁴ Р. Аванесов и В. Сидоров. Указ. соч., стр. 40: «Различные звучания, которые взаимно исключаются в одном и том же положении, являются разновидностями одной и той же фонемы по отношению к разновидностям других фонем, как бы сильно они ни отличались друг от друга по образованию и качеству».

⁵⁵ ELG, стр. 39: «Linguistiquement sont donc seuls pertinents les éléments de la chaîne parlée dont la présence n'est pas automatiquement entraînée par le contexte où ils apparaissent, ce qui leur confère une fonction d'information».

Важность такого понятия, как позиция (разграничение сильной и слабой позиций), подчеркивает известный советский специалист в области сравнительно-исторического языкознания Э. Макаев, посвятивший ряд исследований проблемам исторической фонологии германских языков. По его мнению, это понятие дает возможность выявить состав фонем и понять сдвиги в фонологической системе. Именно разграничение сильной и слабой позиции позволяет объяснить процесс фонологизации вариантов фонем и условий, которые этому способствуют.

Изучение позиции нейтрализации дает возможность точнее определить дифференциальные признаки фонем и условия, способствующие нейтрализации ⁵⁶.

Принимая примат функционального, представители этой школы считают, что одинаковые звуки могут принадлежать различным фонемам и различные звуки — одной и той же фонеме. Отсюда разделение разновидностей фонемы на две категории (которого мы не находим у зарубежных функционалистов): а) вариации — когда разновидности одной фонемы не совпадают в звучании с другой фонемой. Вопреки утверждениям некоторых нефункционалистов, они считают, что вариации также имеют смысло-различительную силу ⁵⁷; б) варианты — когда разновидность одной фонемы в своем звучании совпадает с другой фонемой, как, например, это имеет место в русском языке для звонких взрывных согласных в абсолютном исходе. Это звуковые омонимы, не различающие функции совпавших фонем ⁵⁸. Таким образом, звуки [т] и [п] на конце слов *прут*, *молот*, *труп* являются фонемами /т/ и /п/ (ср. *прута*, *молота*, *трупа*) и те же звуки на конце слов *пруд*, *молод*, *труб* являются позиционными вариантами фонем [д] и [б] (ср. *пруда*, *молода*, *труба*) ⁵⁹. Иными словами, представители московской школы признают

⁵⁶ Э. Макаев. Некоторые явления системы согласных германских языков с фонологической точки зрения. «Материалы первой научной сессии по вопросам германского языкознания». М., 1959, стр. 40.

⁵⁷ Р. Аванесов и В. Сидоров. Указ. соч., стр. 42: «Фонема, реализуясь в вариациях, продолжает так же различаться с другими фонемами, как она различается с ними в основном виде».

⁵⁸ Р. Аванесов и В. Сидоров. Указ. соч., стр. 43.

⁵⁹ Там же, стр. 53.

случаи пересечения фонем и, так же как и пражцы, рассматривают их как нейтрализацию. Но звуки, выступающие в позиции нейтрализации, по их мнению, не являются архифонемами (ср. Н. Трубецкой, А. Мартине), а вариантами двух совпадающих в своем звучании фонем. Принадлежность варианта к определенной фонеме должна определяться через морфему⁶⁰ — проявляется основной вид морфемы, например *пруд* [т], но *пруда* [д], единицей же противопоставления является слово.

По мнению фонологов-функционалистов (и в первую очередь представителей московской школы), все уровни языка взаимодействуют и нельзя отрывать фонетику от морфологии, фонетика не может быть автономна⁶¹.

Только в тех случаях, когда установление принадлежности варианта к определенной фонеме через морфему невозможно, представители московской школы выдвигают понятие гиперфонемы. Так, в слове *баран* безударное [а] принадлежит группе фонем /а—о/, так же как и согласная [г] в словах типа *где* относится к группе фонем /г—к/. Как безударную гласную [а] в слове *баран*, так и согласную [г] в слове *где* невозможно перевести в сильную позицию и таким образом выявить их фонемную принадлежность.

Фонемы /а/, /о/, /э/ в русском языке реализуются в слабой позиции после мягких согласных и шипящих в одном общем варианте /ь/, а следовательно, согласно концепции московской фонологической школы, этот звук является общим вариантом «гиперфонемы» /а—о—э/.

Один звук, согласно концепциям московской фонологической школы, может представлять и две и более фонем⁶².

⁶⁰ «Принадлежность различных звуков речи к одной фонеме определяется не артикуляционно-акустической близостью их, т. е. не принадлежностью к одному или близким друг к другу в артикуляционно-акустическом отношении звукам языка, а положением речи в морфеме» (П. С. Кузнецов. Об основных положениях фонологии. — ВЯ, 1959, № 2, стр. 32).

⁶¹ А. Реформатский. Фонологические заметки. — ВЯ, 1957, № 2, стр. 102: «В заключение еще раз хотелось бы сказать, что фонологи, боящиеся „морфематизма“, морфологического аспекта, сугубо неправы. Не следует говорить об „автономии“ фонетики, гораздо важнее понимать связь структурных ярусов языка, и в частности фонетики и грамматики, без чего нельзя понять позиции („условия“) для функционирования фонем в морфемах и словах...»

⁶² Р. Аванесов и В. Сидоров. Указ. соч., стр. 61—64.

например: 1) [л] в словах *волы* и *валы* представляет одинаково и фонему /а/ (*валы*), и фонему /о/ (*волы*); 2) в слове *детский* [дѣцкий] звук [ц] представляет фонему /т/ и фонему /с/ и, кроме того, совпадает с фонемой /ц/ ⁶³, например, в слове *цыплята* и др. Отсюда упрек представителям этой школы в том, что в их понимании фонема не имеет определенных устойчивых границ (явно фонетический план!).

Последователи московской школы (вместе с Трубецким и его продолжателями) разграничивают фонему как элемент различения значения и фонему (или вариант фонемы), функционирующую в данном конкретном языке, как показатель стыка морфем или стыка слов. В первой работе ⁶⁴ представителей московской школы довольно большое место отведено анализу функции двойных (долгих) согласных, не являющихся в русском языке фонемами, но представляющих собой показатель морфологического шва или стыка слов.

Уже в этой первой работе появляется понятие «ряд фонем», опираясь на которое, в дальнейшем Р. Аванесов пересматривает общие концепции московской школы (см. ниже).

Основная проблема, представляющая наибольшие трудности для фонологов всех направлений, — это проблема соотношения фонемы и звука (проблема соотношения материального и функционального). Фонологические исследования показывают, что во многих языках наблюдаются случаи нарушения соответствия между функцией и произносительно-слуховой характеристикой фонем. Функциональная и материальная стороны фонемы как бы вступают в конфликт. Это довольно частые и разнообразные случаи пересечения фонем, наблюдающиеся как в системе согласных, так и гласных, например:

русс. рос (от рѣсы)	}	фонетически [рос]
роз (от рѣзы)		

согласные фонемы /с/ и /з/ совпадают в своем звучании в абсолютном исходе;

⁶³ П. Кузнецов. Об основных положениях фонологии. — ВЯ, 1959, № 2, стр. 34.

⁶⁴ Р. Аванесов и В. Сидоров. Указ. соч., стр. 61—64.

исп.	con placer ⁶⁵ 'с удовольствием'	} фонетически
	complacer 'доставлять удовольствие'	
русс.	водá (ср. воды) вада, т. е. /o/	}
	сады́ (ср. са́да) слды, т. е. /a/	
порт.	come [kɔmɐ] → comemos [kumémuʃ]	/ɔ/}
	engoma [ĩŋgomɐ] → engomamos [ĩŋgumamuʃ]	/o/}{[u]
	dura [dure] → duramos [duɾamuʃ]	/u/)

Представители московской школы звук, возникающий в результате пересечения, нейтрализации фонем, рассматривают как вариант фонемы, которая представлена в данной морфеме в сильной позиции. В приведенном примере [c] — вариант фонемы /з/, а звук [ɬ] — вариант и фонемы /o/, и фонемы /a/ и т. п.

С этой же точки зрения в испанском слове *sinvergonzón* [simbergonθón] [m] перед согласной [b] будет рассматриваться как вариант фонемы /п/, так как частица *sin*, функционирующая как предлог и как префиксальная частица, имеет в качестве конечной согласной /п/.

Если в русском языке прояснение звучания через постановку в сильную позицию обычно осуществимо и слова, подобные словам типа *баран*, где и. п., встречаются не так уж часто, то в ряде других языков, в частности во французском, в подавляющем большинстве случаев прояснение невозможно. Это верно не только в отношении безударных гласных, но и ударных, так как во французском языке далеко не всякая ударная позиция является для гласных сильной.

Зарубежные фонологи-функционалисты, как, например Мартине, в случаях пересечения фонем (нейтрализация выдвигают понятие архифонемы, т. е. в цитированном примере из русского языка (*роз*) признают наличие архифонемы С, представляющей фонемы /с/ и /з/, в испанском — наличие архифонемы N, представляющей фонемы /m—п—п'/

Представители ленинградской школы, американские фонологи-дистрибуционалисты, а также Джоунз решают вопрос, опираясь на сходство звучания: они говорят в случаях пересечения о смене фонем, т. е. в словоформ

⁶⁵ В испанском языке предлог *con* перед следующим существительным ведет себя так же, как и соответствующий аффикс внутри слова.

роз выступает фонема /с/, в *son plaser* [kəm plaθer] — фонема /m/ и т. д. Случаи нейтрализации рассматриваются американскими фонологами-дескриптивистами как «недостаточное распределение». Интерпретацию звука [л] как вариант гиперфонемы /а—о/ А. Гвоздев критикует именно за игнорирование «акустической стороны речи, на различии которой базируются фонемы»⁶⁶. Американские дескриптивисты (Блок), опять-таки основываясь на сходстве звучания, склонны считать первую гласную слов, аналогичных *about* [əbaut], *atone* [ətoun], аллофоном ударной гласной фонемы /л/ типа *cut* [kʌt], *come* [kʌm], *rush* [rʌʃ]⁶⁷.

Среди фонологов существенные разногласия возникают и тогда, когда ориентация только на фонологический уровень и игнорирование фактов морфологии влекут за собой различную интерпретацию одних и тех же явлений произношения. К случаям подобного рода можно отнести и установление фонологического статуса *ich-Laut*'a [ç] и *ach-Laut*'a [χ] в немецком языке, явления морфологического стыка и стыка слов.

Известно, что [ç] и [χ] в немецком языке имеют различное распределение: [χ] встречается, если в том же слове ему предшествуют гласные *a*, *o*, *u* (*Bach*, *doch*, *Buch* и др.); [ç] — во всех остальных случаях, т. е.: 1) в начале слога, 2) перед предшествующей передней гласной, 3) после согласной, 4) во всех словах, оканчивающихся на суффикс *-chen* [ʃn]. Только в отдельных случаях эти звуки могут быть противопоставлены: *Kuhchen* [ʃn]/*Kuchen* [χn]; *Tauchen* [ʃn]/*tauchen* [χn]. Однако об этом противопоставлении можно говорить лишь в том случае, если не учитывать морфологическое членение слова. Оно показывает, что [ç] и [χ] не могут быть противопоставлены, так как они занимают различное положение в слоге. В слове *Kuh-chen* [ç] стоит в начале слога, а в *Kuch-en* [χ] закрывает слог, является конечной согласной корневой морфемы. При последовательном применении принципов фонологического анализа московской школы — это единственное решение.

⁶⁶ А. Гвоздев. О фонологических средствах русского языка. М.—Л., 1949, стр. 60.

⁶⁷ В. Блосх. Phonemic Overlapping. «American Speech», XVI, 1941, стр. 278—284.

Те же исследователи, которые берут фонемный ряд, учитывая смысловых отношений, которые за ними скрываются, приходят к противоположному решению⁶⁸. Такой подход свойствен в первую очередь тем фонологам, которые считают, что рассмотрение звуков в слове внутри морфем представляет собой недопустимый выход за рамки фонетического (фонетического) уровня и ведет к «смешению уровней» (Блок, Хэррис, Хокет).

Фонологи, исключая значение в процессе фонетического анализа, стоящие за автономность фонетики, разграничивают два функционально различных явления — фонему и звук (который может быть фонемой или вариантом), функционирующий в качестве показателя границы слова или морфемы (*Grenzsignale*, по терминологии Трубецкого). Между тем неразграничение этих двух функционально различных явлений может привести к выводам не отражающим действительного состава фонем в данном конкретном языке. Так, сопоставление двух английских слов типа *barrennes* [baerənnis] и *baroness* [baerənis] вовсе не является доказательством того, что в этом языке имеются двойные (или долгие) согласные. Противопоставление невозможно, так как последнее /n/ находится в различных позициях: [baerən-nis] и [baerən-is]. Двойные согласные в этом языке — показатель морфологического стыка, а не отдельная фонема. То же самое и в слове *pen-knife* [pen naif]. Группа *tʃ* встречается только на стыке слов, см. [wait ʃu:z] *white shoes* и [wai tʃu:z] *why choose*.

Долгие согласные как фонемы отсутствуют и в современном французском языке. Группы из двух одинаковых согласных являются лишь на стыке слов [bɛk-kurb] *be courbe*, [tɛt-tern] *teinte terne* и т. п.

Представители ленинградской школы (А. Гвоздева) говорят о возможности противопоставления в русском языке глухих и звонких шумных согласных внутри одной и той же формы слова оттого, что они не выделяют явления стыка слова и морфемы, см. примеры А. Гвоздева:

положи в ложку /в/ ~ положив ложку /ф/
ослабли /б/ ~ ослаб ли /п/

и другие, аналогичные им примеры.

⁶⁸ Л. Зиндер. *Ich-Laut*. «Уч. зап. 1-го Ленинградского ин-та иностранных языков». Л., 1940.

При учете же явлений стыка становится очевидным, что одинаковые фонемы /в/ и /б/ противопоставляются в различных позициях: /в/ в конце слова и /в/ предлог, т. е. служебное слово перед тесно связанным с ним по смыслу существительным; /б/ внутри слова перед сонорной согласной и /б/ в конечном положении на стыке слова и частицы. Учитываются фонетические ряды и игнорируются смысловые отношения, которые стоят за этими рядами.

Сложной проблемой, разрешаемой совершенно различно фонологами различных направлений, является вопрос отграничения отдельной фонемы от группы фонем, иными словами, вопрос фонологической интерпретации дифтонгов и аффрикат.

В этом случае довольно часто и подход в плане артикуляционно-акустических свойств, и выдвижение на первый план функциональной роли фонемы оказываются недостаточными. Наиболее яркий пример — резкие расхождения при интерпретации фонологической природы дифтонгов в современном английском языке.

Поиски решения основной проблемы, проблемы соотношения функциональной и материальной стороны фонемы, находим у представителей московской фонологической школы (Р. Аванесов и П. Кузнецов).

Р. Аванесов отказывается от того понимания фонемы, которое свойственно московской фонологической школе, так как в таком понимании фонема, как он считает, оказывается лишенной единой («определенной») произносительно-слуховой характеристики и является не конкретным звуком, а охватывает совокупность звуков, позиционно чередующихся в пределах одной и той же морфемы. Он снимает также понятие варианта. По его мнению, представителями московской фонологической школы оно применяется к тем явлениям, которые не отвечают содержанию этого понятия. Так, звук [л] в предударном слоге слова *баран* и [с'] в слове *семь* не входят в определенные позиционные чередования в пределах одной морфемы (это, по концепции московской фонологической школы, характерно для варианта). Он говорит уже не о «смыслоразличительной функции» фонемы, а о том, что фонема различает «звуковую оболочку» слов и форм, а также морфем⁶⁹,

⁶⁹ Р. А в а н е с о в. Фонетика современного русского языка. МГУ, 1956, стр. 40.

мотивируя это тем, что такое определение — более точно ⁷⁰ Понятие фонемы он расчленяет на два: 1) сильная фонема и 2) слабая фонема. Сильные фонемы встречаются только в позиции максимальной дифференциации (в которой различается наибольшее количество звуковых единиц); Они различают не только звуковую оболочку словоформы, но и морфем, в состав которых они входят. Слабые фонемы встречаются в позиции наименьшей дифференциации, различают звуковую оболочку словоформы, но не морфемы, например *роз/с/* и *роза/з/*, и, следовательно, обладают меньшей различительной силой. Иными словами, то, что в случае пересечения звуковых сегментов признается московской фонологической школой как вариант (например, [с] в слове *роз* — вариант фонемы /з/), Аванесов рассматривает как фонему, но «слабую». По теории Аванесова, слабые фонемы могут быть «эквивалентными» ⁷¹ двум и нескольким сильным фонемам. Вместе с тем они занимают по отношению к сильным фонемам подчиненное положение и не могут рассматриваться с ними наравне. Однако при установлении системы фонем какого-либо конкретного языка в состав этой системы могут включаться только сильные фонемы, но не «совокупность слабых и сильных фонем» ⁷².

Считая, что фонетическая система языка основана на звуковых чередованиях, Р. Аванесов признает наличие двух типов чередований: а) непараллельных, пересекающихся, в них сильная фонема, возглавляющая ряд, чередуется со слабой, таковы *дров* ~ *дрова* (о//Λ); *трав* ~ *трава* (а//Λ); б) параллельных, непересекающихся, типа: [рат] // [ра·т'] || [р'·ат] || [р'ät'] (а || а· || ·а || ä).

⁷⁰ Р. Аванесов. Указ. соч., стр. 15: «Это значит, что, например, слова *дом* и *дам*, именно как слова, а не звучания, различаются не гласными *о* и *а*, а целиком — они различаются как разные слова, принадлежащие к разным грамматическим категориям, обозначающие разные понятия, отражающие разные явления действительности. Другое дело — звуковая оболочка этих слов, которая действительно различается гласными *о* и *а*. Нам представляется более точным говорить не о смысловозначительной роли фонем, а об их различительной роли, имея в виду роль фонем как различителей звуковой оболочки слов и форм»; стр. 21: «...фонемой является кратчайшая звуковая единица как независимая по своему качеству величина и потому сама по себе достаточная для различения звуковых оболочек словоформ».

⁷¹ Р. Аванесов. Указ. соч., стр. 29.

⁷² Там же, стр. 30.

Непересекающееся чередование Аванесов называет фонемным рядом и рассматривает его как связующее звено между фонемой и морфемой, как важный структурный элемент языка.

Тождество морфем как бы выявляется в тождестве фонемных рядов ⁷³. Иными словами, то, что представители московской фонологической школы рассматривают как фонему, у Аванесова считается фонемным рядом, состоящим, правда, из фонем неодинакового качества в функциональном отношении.

Теория фонем Аванесова оказывается также несвободной от противоречий. Определение фонемы как «различителя звуковой оболочки» словоформ и морфем сохраняет ее на фонетическом уровне. Но введение термина «звуковая оболочка» дает неправильное представление о слове: оно является единством звучания и значения, которое (единство) неразрывно. Звучание ни на что не накладывается. Слова *дом* и *дам* различаются как принадлежащие к различным грамматическим категориям и обозначающие различные понятия только потому, что *о* \neq *а*.

Замена понятием «слабая фонема» понятия «вариант» позволила устранить нарушение единства произносительно-слуховой характеристики фонемы, связанное с пересечением звуков: слабая фонема — все же фонема, и она может значительно отличаться по звучанию от сильной фонемы. Несмотря на то, что «слабая фонема» определяется как фонема, Аванесов не считает возможным включить ее в состав фонем языка. Слабые фонемы (в отличие от сильных) оказываются за пределами системы фонем, хотя и признаются «эквивалентами» сильных фонем. Как справедливо отметил П. Кузнецов ⁷⁴, они — не

⁷³ Там же, стр. 34—35: «Сравни корневую морфему в словоформах [вóды], [вадá], [вѣдáвос], [вад'е], [вот]: она везде равна себе как морфема, несмотря на различия в звуковой оболочке, так как эти различия, носящие позиционный характер, не выходят за рамки одних и тех же фонемных рядов, возглавляемых сильными фонемами [в], [о], [д]. При этом фонема [в], находясь в начале звуковой оболочки морфемы, не образует никаких чередований, а две другие образуют ряды: [о] || [а] || [ѣ]; [д] || [т] || [д']».

⁷⁴ П. С. Кузнецов. Об основных положениях фонологии. — ВЯ, 1959, № 2, стр. 28—29. «...Но если в состав фонем (просто, вообще фонем) не входят слабые фонемы, то значит, они не фонемы. Однако Р. Аванесов утверждает, что они — фонемы».

фонемы, они фонемы лишь по названию. Функционально слабые фонемы оказываются на уровне модификаций фонемы (т. е. на уровне аллофонов, вариаций, вариантов) — в понимании пражской школы.

Проблему соотношения функциональной и материальной стороны фонемы нельзя считать разрешенной. Делением фонем на слабые и сильные достигается известное единство артикуляционно-акустических черт на уровне фонемы, но функциональное единство осуществляется лишь за пределами фонемы, на уровне фонемного ряда.

П. С. Кузнецов отвергает те пути, которыми идет Р. Аванесов, пересматривая некоторые положения московской фонологической школы. Кузнецов считает, что у Аванесова: 1) в самом определении «слабой» фонемы заложено противоречие — будучи фонемой по определению, она оказывается исключенной из состава фонем; 2) в теории фонем Аванесова смешивается фонетический и фонологический подход к звуку; 3) его теория дает слишком «громоздкое» отражение действительности.

Р. Аванесов стремится сохранить во что бы то ни стало определенность (единство) артикуляционно-акустической характеристики фонемы и выносит функциональное единство за пределы фонемы, связывает его с фонемным рядом (т. е. совокупностью фонем, что сохраняет устойчивость произносительно-слуховой характеристики отдельной фонемы).

Что касается П. Кузнецова, то он ставит перед собой задачу обосновать неизбежность (в определенных случаях, целиком фонетически обусловленных) нарушения соответствия между определенной артикуляционно-акустической характеристикой фонемы и ее функцией ⁷⁵. Он считает, что фонология, как и другие науки, должна отправляться от некоторых исходных аксиоматических понятий. За такие понятия для фонетики он принимает: звук речи, слог, гласные, согласные, ударение, фонетическое слово. Единственным фонетическим понятием, требующим определения, он считает звук языка. Вместо двух понятий, которыми обычно оперируют фонологи, т. е. звук речи и фонема, он выдвигает три: звук речи, звук языка, фо-

⁷⁵ П. С. Кузнецов. Об основных положениях фонологии стр. 28—35.

нема. При этом по самому определению они находятся в одной плоскости (на одном уровне). Как звук языка, так и фонема определяются как «множества звуков речи». «...Звуком языка называется множество звуков речи, частью тождественных, частью близких друг другу в артикуляционно-акустическом отношении, которые встречаются в самых различных речевых потоках, в составе самых различных значимых единиц (слов, морфем)». Фонема — тоже множество (класс) звуков речи, но уже с возможностью пересечения: «Каждая фонема представляет собой некоторый класс звуков речи; как увидим дальше, фонема и звуки языка могут представлять собой классы взаимно пересекающиеся» (а звуки языка представляют собой множество звуков речи).

П. Кузнецов сохраняет и подчеркивает основное положение московской фонологической школы, а именно: в случае пересечения (нейтрализации) единство фонемы определяется не устойчивостью и определенностью артикуляционно-акустических свойств, а тождеством морфемы, в которую данная фонема входит. Иными словами, в случаях пересечения основное — функциональное единство.

«Определить принадлежность того или иного звука речи к той или иной фонеме, не принимая во внимание морфем, в составе которых фигурирует тот или иной звук речи, невозможно. Принадлежность различных звуков речи к одной фонеме определяется не артикуляционно-акустической близостью их, т. е. не принадлежностью к одному или близким друг к другу в артикуляционно-акустическом отношении звукам языка, а положением звуков речи в морфеме...» ⁷⁶.

«...Но определять принадлежность различных звуков языка к различным фонемам следует на основании сопоставления слов, а не морфем, так как морфемы могут занимать различное место в слове, вследствие чего тождественные по порядку и месту звуки в различных морфемах могут находиться в различных фонетических (позиционных) условиях» ⁷⁷.

⁷⁶ П. С. Кузнецов. Об основных положениях фонологии, стр. 32.

⁷⁷ Там же, стр. 33.

Из нового определения фонемы следует, что она не совпадает с отдельным звуком речи, но объединяет совокупность их (множество). Ее нельзя во всех случаях отождествлять со звуком языка, так как множество звуков речи, принадлежащее к одному звуку языка, может входить в две фонемы.

Новое, углубленное определение фонемы повлекло за собой уточнение понятий «варианта» (в значении, принятом московской школой) и «вариации». Кузнецов уже вносит изменения в определение варианта: «Множество звуков речи, все элементы которого принадлежат одному звуку языка и в то же время принадлежат более чем одной фонеме, образует варианты соответствующих фонем, причем каждый из этих звуков речи принадлежит варианту какой-либо из этих фонем». Ср. прежнее определение ⁷⁸.

Вариация также определяется Кузнецовым через исходное понятие звука речи как множество звуков речи, принадлежащее одному звуку языка, который целиком входит в какую-либо фонему.

В отличие от зарубежных фонологов-функционалистов Кузнецов дает определение фонемы, не вводя понятия дифференциальных признаков, которые, по его мнению, могут быть для данного языка установлены лишь после того, как определен состав его фонем ⁷⁹.

Таким образом, в отличие от Аванесова, проблема отношения фонемы к звуку в случае пересечения звуков решается Кузнецовым в пользу единства функции на основе тождества морфем, устойчивость же артикуляционно-акустических свойств фонемы необязательна в определенных для данного конкретного языка фонетических (позиционных) условиях. Определение фонемы как множества звуков речи вполне позволяет это допущение.

⁷⁸ Р. Аванесов и В. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка, стр. 43: «В отличие от вариаций варианты представляют собой такие позиционно обусловленные модификации фонемы, которые не различаются с какой-либо другой фонемой (или фонемами), совпадая с ней (или с ними) в своем качестве. Вариант выступает, таким образом, в роли заменителя двух или более фонем, являясь как бы звуковым омонимом, не различающим функции совпадения фонем».

⁷⁹ И. Кузнецов. Проблема дифференциальных признаков. «Исследования по фонологии». М., 1966, стр. 199—216.

Наиболее ценным в теории Кузнецова является то, что он, оперируя фонетическими понятиями («множество звуков речи», «класс звуков речи»), показывает невозможность отождествления во всех случаях фонемы с определенным звуковым отрезком, во всех позициях сохраняющим определенность и устойчивость своих артикуляционно-акустических признаков. Однако остается неясным, как представляет себе Кузнецов соотношение фонемы и звука языка. Как звук языка (в фонетическом плане), так и фонему он определяет при помощи понятия «звук речи», и только тогда, когда возникает вопрос о пересечении звуков, в определение фонемы им вводится понятие «звука языка»⁸⁰. Встает вопрос, как соотносятся звук языка и фонема при отсутствии пересечения звуков.

П. Кузнецов принимает и развивает тезис московской фонологической школы, согласно которому принадлежность звука к той или иной фонеме определяется тождеством морфемы, в состав которой он входит. Между тем этот тезис неприменим к ряду языков, и в том числе к романским (правда, не ко всем). Если в русском языке звук [т] в форме *вод* можно прояснить, поставив его в сильную позицию, т. е. взяв форму *води́* [= д], то в таком языке, как французский, сделать этого невозможно. Это язык, как известно, с неподвижным ударением и очень слабо развитой флексией. Качество ударной гласной во французском языке определяется характером слога. Для определения принадлежности безударного звука [ɛ] в глаголе *aimer* [ɛmɛ́] постановка его под ударение ничего не даст. В ударной форме (il) *aime* [ɛm] [ɛ] находится в слабой позиции, перевод же его в сильную позицию, т. е. в абсолютный исход, неосуществим.

Звук [ɔ] в глагольной форме (je) *porte* [pɔrt], хотя и под ударением, оказывается в слабой позиции. Его сильная позиция — перед согласной (кроме *z* и *r*) и перед группой согласных (кроме *r* + согласная). В указанной же форме он как раз и стоит перед *r* + согласная.

Для определения звука [œ] в *écœurer* [ekœʁé] ничего не дает форма (le) *œur* [kœʁ].

Довольно многочисленны аналогичные случаи в испанском языке. В словах типа *convidar* [kɔmbidar], *enfadado*

⁸⁰ П. С. Кузнецов. Об основных положениях фонологии, стр. 33.

[emfadaða] и аналогичных им нельзя определить, принадлежит ли звук [m] к фонеме /n/ или /m/, так как перед b и f реализуется только звук [m].

В португальском языке в таких словах, как *esbelto* [iʒbeltu], опять-таки нет возможности определить принадлежность звука [ʒ] к определенной фонеме: он находится в слабой позиции (т. е. перед звонкой согласной), в которой возможен только звонкий шипящий [ʒ].

Таким образом, методы отнесения звука к той или иной фонеме, предлагаемые московской школой, применимы лишь к определенному кругу языков и требуют дальнейшего углубления и разработки.

В своем понимании фонемы автор ближе всего стоит к теории московской фонологической школы.

Фонема представляет собой минимальную звуковую единицу, служащую в языке элементом различения значения. Она отражает особенности функционального использования звуковой материи тем или иным конкретным языком.

Представляется вполне оправданным оперировать при определении фонемы не двумя понятиями (т. е. фонема и звук речи или фонема и звук языка), а тремя — звук речи, звук языка, фонема. Это дает возможность глубже и полнее раскрыть само понятие «фонема».

Фонема не может совпадать с отдельным звуком речи, так как он по своему определению не выполняет смыслоразличительной функции в языке. Фонема обычно соответствует множеству звуков речи (совокупности звуков речи), образующих определенное более или менее устойчивое артикуляционно-акустическое единство. В этом случае определенной функции фонемы соответствует устойчивая артикуляционно-акустическая характеристика, понятие фонемы и звука языка совпадают. Однако во всяком языке чисто фонетические и позиционные условия часто нарушают соответствие функции и произносительно-слуховой характеристики фонемы. В этих случаях фонема может включать в себя не одно множество звуков речи, представляющих определенное артикуляционно-акустическое единство, а два или несколько, т. е. происходит пересечение звуков. Понятие фонемы и звука языка не совпадают. Так, в португальском языке глагол *matizar* [metizá] 'оттенять' имеет в качестве согласной основы звонкую щелевую фонему [z], но в слабой

позиции — абсолютном исходе — в слове *matiz* [metiř] ‘оттенок’, в производящей основе глагола *matizar*, появляется глухая палатальная щелевая [ř]. Ее появление обусловлено чисто фонетическими особенностями португальского языка, а не изменением значения. В португальском языке единственно возможной щелевой в абсолютном исходе является [ř]. В подобном случае при выяснении, к какой фонеме принадлежит согласная [ř], решающим критерием является функциональный, а следовательно, [ř] должна рассматриваться в данном конкретном случае в качестве варианта фонемы [z].

Другой пример: в испанских словах типа *comba*, *comtar*, *computo*, *concha* мы не можем прояснить носовые согласные путем постановки их в сильную позицию. В подобных случаях можно говорить лишь об архифонеме [m—n—n’], реализующейся в различных позициях в различных вариантах. В этом случае представители московской школы говорят о «гиперфонеме» (расхождение чисто терминологического порядка).

Понятие архифонемы в настоящей работе используется и тогда, когда необходимо показать соотношение ударного и безударного вокализма в языке, где безударное положение является позицией дифференциации минимум. Например, в каталанском языке вместо семи гласных фонем [a, e, e, i, u, o, ɔ], свойственных ударной позиции, в безударной встречается лишь три [i, e, u]. Независимо от того, что в каталанском языке в ряде форм легко можно установить принадлежность звука в безударной позиции к определенной ударной фонеме, все же вводится понятие архифонемы. Это необходимо для выявления соответствий, существующих между ударным и безударным вокализмом. Поэтому звук [e] дается как представитель архифонемы [a—e—e], а звук [u] — архифонемы [u—o—ɔ].

В случаях непересечения звуков критерием для отнесения звука к той или иной фонеме является наличие в нем устойчивого неизменного дифференциального признака, на котором основывается противопоставление, образуемое данной фонемой («инвариант» Якобсона).

В работе строго разграничивается фонема и «пограничный» сигнал, т. е. звуки—показатели стыка морфем и слов.

При рассмотрении случаев, подобных определению статуса *ich-Laut’a* и *ach-Laut’a*, за единицу анализа прини-

мается не слово, а морфема и звук рассматривается в составе морфемы.

Настоящая работа ставит перед собой задачу установить некоторые особенности функционального использования звуковой материи различными иберо-романскими языками — португальским, каталанским и испанским. Именно поэтому система двоичных противопоставлений Р. Якобсона не находит в ней применения. Эта система построена на наиболее общих и наиболее распространенных во всех языках дифференциальных признаках. Тем самым отодвигается на задний план то особое и специфическое, что разделяет фонологические системы таких фонетически родственных и географически близких языков, как иберо-романские.

Двоичной схемой пользуется Аларкос Льярак в своем описании фонемного состава современного испанского и каталанского языков. Достаточно сравнить даваемый им для этих языков перечень противопоставлений, чтобы убедиться, что они оказываются почти одинаковыми для обоих языков, ср.:

Испанский ⁸¹	Каталанский ⁸²
плавная/неплавная	гласная/согласная
ротовая/носовая	то же
периферийная/непериферийная	то же
компактная/диффузная	то же
прерывная/непрерывная	то же
напряженная/ненапряженная	то же (но сюда включается и противопоставление глухая/звонкая)
глухая/звонкая	

Каталанский в этом плане отличается от испанского только наличием противопоставления нерезкий/резкий (mate/estridente: p/f, t/s, d/z, k/š, g/ž).

Сопоставление фонем, образующих противопоставление, также не дает возможности выявить специфиче-

⁸¹ E. Alarcos Llorach. Fonología española. Madrid, Gredos, 1965, 4^a ed., стр. 171.

⁸² E. Alarcos Llorach. El sistema fonemático del catalán. «Archivum» (Oviedo), t. III, N 1, 1953, стр. 144.

ские черты того и другого языка в области фонологии. Возьмем хотя бы противопоставление компактная/диффузная и глухая/звонкая:

диффузная/компактная

испанский — p/k, t/ĉ, b/g, d/y, f/x, θ/s, mn/n', l/l', —
каталанский — p/k, t/k, b/g, d/g, f/š, s/š, mn/n', l/l', z/ž

глухая/звонкая

испанский — p/b, t/d, k/g, ĉ/y, f/b, θ/d, x/g
каталанский — p/b, t/d, k/g, s/z, š/ž

Из сопоставления можно лишь заключить, что каталанский обладает, в отличие от испанского, более полной серией щелевых. Однако отсутствие отдельных фонем или наличие одинаковых фонем в различных языках еще не дает представления об особенностях их функционирования в этих языках. Так, например, в каталанском и португальском одинаково имеются щелевые [š] и [ž] (которые исключены совсем в испанском). Однако анализ позиционного распределения этих фонем обнаруживает резкое различие. В португальском только эти фонемы допустимы в имплозивной позиции, в каталанском именно в этой позиции они никогда не встречаются.

Двоичные противопоставления, приводимые Аларкосом Льораком, не рассматриваются им с точки зрения их существенности для того или иного языка. Между тем наблюдения показывают, что для иберо-романских языков очень характерны противопоставления глухая/звонкая и напряженная/ненапряженная (или менее напряженная). Эти противопоставления большей частью являются сопряженными. Но соотношение между ними различно, различны и пути реализации этих противопоставлений. Иными словами, не все противопоставления одинаково раскрывают особенности функционирования фонем в данном конкретном языке.

Изучение противопоставлений, главным образом нейтрализующихся, позволяет выявить совокупность дифференциальных признаков, используемых определенным языком, но оно далеко еще недостаточно для установления

специфических черт фонологической структуры того или иного языка.

Специфика фонологической структуры очень часто находит выражение в области синтагматики — в характере и диапазоне сочетаемости, в особенностях реализации фонемных групп. Так, в португальском и каталанском одинаково встречаются группы *ps*, *ks*, *bž*, *dž*, однако реализация их в каталанском носит очень своеобразный характер; различна реализация ряда сочетаний согласных в испанском и в португальском языке. Показателен также характер вариантности фонем, направленность этой вариантности.

Португальский язык принадлежит к тем романским языкам, фонетика которых еще недостаточно описана и относительно мало изучена. Описания португальского произношения, часто довольно подробные, в португальских грамматиках ¹ и в отдельных статьях по общим и частным вопросам ² дают чисто фонетическую характеристику этого языка. То же можно сказать и об анализе португальского произношения, которое можно найти как в отдельных монографиях, специально посвященных этому вопросу, типа Оливейра Гимарайш ³, так и в общих монографиях по истории или исторической грамматике португальского языка ⁴. На фоне этих работ выделяются фонетические исследования Гонсалвиш Вьяна ⁵. Блестящее описание фонетического строя порту-

¹ Joseph D u n n. A grammar of the portuguese language. London, 1930; E. C. Hills, J. D. M. Ford and J. de S. Coutinho. Portuguese grammar. Boston, 1944; Pilar Vasquez Cuesta y Maria Albertina Mendes da Luz. Gramática Portuguesa. Madrid, 1961.

² P. D. Strevens. Some observations on the phonetic & pronunciation of modern portuguese. «Revista do Laboratório de Fonética experimental da Faculdade de Letras da Universidade de Coimbra», 2, 1954, стр. 5—29; Manuel Company's [Maldonado]. Notes sur les finales atones portugaises après consonne sourde.— Там же, стр. 105—127; Manuel Company's Maldonado. Quelques remarques sur le phonétisme français et le phonétisme portugais. «IX Congresso internacional de lingüística românica». Lisboa, 1961, стр. 115—122.

³ José Joaquim de Oliveira Guimarães. Fonética Portuguesa. Compêndio da ortologia nacional. Coimbra, 1927.

⁴ Lima Coutinho. Gramática histórica. 5ª ed. Rio de Janeiro, 1962; José Joaquim Nunes. Compêndio de gramática histórica portuguesa. Fonética e morfologia. 6ª ed. Lisboa, 1960.

⁵ A. R. Gonçalves Viana. Essai de phonétique et de phonologie de la langue portugaise d'après le dialecte actuel de Lisbonne. «Romania», t. 12, 1883, стр. 29—98; Он же. Portugais. Phonétique et phonologie. Morphologie. Textes. Leipzig, 1903; Он же. Exposição da pronúncia normal portuguesa para

гальского языка в его работах до сих пор представляет большой интерес для исследователей и широко ими используется. Не будучи фонологом в современном значении этого слова, в конце XIX и начале XX в. он фактически дал описание очень сложного португальского вокализма, весьма приближающееся к фонологическому. Он прекрасно раскрыл своеобразие взаимосвязи ударного и безударного вокализма в современном португальском языке. Его описание португальского консонантизма значительно помогает исследователю-фонологу установить характер и систему комбинаторных вариантов португальских согласных.

Что касается работ по фонологии современного португальского языка, то их немного. Лишь за последние годы появились статьи, в которых ставятся отдельные проблемы португальской фонологии. Внимание исследователей привлекает прежде всего проблема носовых гласных — вопрос о том, можно ли говорить о существовании носовых гласных фонем в современном португальском языке. Проблема была поставлена в книге Хольгера Стена⁶, а затем детально в отдельной статье Морайж Барбоза⁷. Ему же принадлежит статья о фонеме /ɣ/ в португальском языке⁸.

Краткое фонологическое описание вокализма португальского языка дано Б. Мальмбергом в его статье, содержащей сравнительно-фонетическую характеристику романских языков⁹. Анализу фонемного состава (вокализм и консонантизм) посвящены статьи Хельмута Людтке¹⁰.

Недавно вышедшая книга Жорже Морайж Барбоза

uso dos estrangeiros. Os Lusíadas... изд. F. de Salles Lencastre. Lisboa, 1892.

⁶ Holger Sten. Les particularités de la langue portugaise. «Travaux du Cercle linguistique de Copenhague», t. 2. Copenhague, 1944.

⁷ Jorge Morais Barbosa. Les voyelles nasales portugaises: interprétation phonologique. «Proceedings of the Fourth International Congress of Phonetic Sciences». La Haye, 1962, стр. 691—708.

⁸ Jorge Morais Barbosa. Sur le [R] portugais. «Miscelanea Martinet», III. La Laguna, 1962, стр. 211—226.

⁹ Bertil Malmberg. La structure phonétique de quelques langues romanes. «Orbis», t. XI, 1962, стр. 131—178.

¹⁰ Helmut Lüdtke. Fonemática portuguesa. I. Consonantismo. «Boletim de Filologia», 13, 1952, стр. 273—288; II. Vocalismo. Там же, 14, 1955, стр. 197—217 (нашему читателю этот журнал недоступен).

«Очерки португальской фонологии» — это первая попытка дать, следуя фонологическим теориям пражской школы, систематическое описание европейского португальского национального письменно-литературного языка, в основе которого лежат лиссабонские нормы ¹¹.

В Советском Союзе проблемы фонологии португальского языка впервые были поставлены в «Сравнительно-сопоставительной грамматике романских языков» ¹². Фонетическое же описание можно найти в вышедших за последнее время в СССР учебниках и пособиях по португальскому языку ¹³.

Несколько более изучен фонологически бразило-португальский. Еще в 1953 г. вышла книга Матозу Камара ¹⁴, в которой дан подробный анализ системы фонем бразило-португальского языка. Вопросам бразило-португальского языка, кроме того, посвящен ряд статей (Ж. Матозу Камара, О. Холла, Ж. Ойтисика, Д. В. Рида и Иоланды Лейте, И. С. Ревах и др.) ¹⁵.

Однако фонологическая система бразило-португальского имеет ряд черт, значительно отличающих его от португальского языка континента. Поэтому работы по фонологии бразило-португальского могут быть привлечены лишь частично.

Ритм бразило-португальского значительно разнится от ритма португальского языка континента. Для евро-

¹¹ Jorge M. MORAIS G. Barbosa. Etudes de phonologie portugaise. Lisbonne, 1965.

¹² Н. А. Катагощина, Е. М. Вольф. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Иберо-романская подгруппа. М., 1968.

¹³ П. Евсюков. Самоучитель португальского языка. М., 1956; Е. М. Вольф и Б. Никонов. Португальский язык. М., 1965.

¹⁴ J. Mattoso Câmara Jr. Para o estudo da fonêmica portuguesa. Rio, 1953.

¹⁵ Robert Hall Jr. The unit phonemes of Brazilian Portuguese. «Studies in Linguistics», 1, 1943; Он же. Occurences & orthographical representation of phonemes in Brazilian Portuguese. — Там же, 2, 1943; David W. Reed et Yolanda Leite. The segmental phonemes of Brazilian Portuguese: standard Paulista Dialect. В кн.: K. Pike. Phonemics. Ann Arbor, 1947; I. S. Révah. L'évolution de la prononciation au Portugal et au Brésil du XVIe siècle à nos jours. В кн.: «Anais do Primeiro Congresso Brasileiro de Lingua falada no Teatro». Rio de Janeiro, 1958, crp. 387—399.

пейского португальского характерно сильное выделение ударных слогов, за счет главным образом их значительного удлинения. Выделение ударных слогов сопровождается редукцией, а иногда и исчезновением из произношения предударных и послеударных гласных, а следовательно, и сокращением объема слова. Создается резкий контраст между гласными ударных и безударных слогов. Отсюда и характеристика португальского как языка, обладающего резким, энергичным и быстрым темпом.

В бразило-португальском ударный слог не поглощает и не затемняет гласные безударных слогов. Все слоги слова произносятся четко и на слух легко расчленяются на составные элементы. В многосложных словах, помимо главного ударения, имеется вторичное ударение на первом и третьем слогах.

Ударные и безударные слоги альтернируют, но не контрастируют. В потоке речи случаи синалефы гораздо реже, чем в континентальном португальском. Отсюда и различие указательных местоименных форм, ср. браз.-порт. *êste outro, êsse outro aquêle outro, de algum* и порт. *estoutro, essoutro, aqueloutro, dalgum*.

Именно эти особенности и дали основание называть бразило-португальский «подслащенным португальским». Исследователи обычно противопоставляют резкий, энергичный темп речи континентального португальского тягучему, медленному темпу бразило-португальского. Ср. браз.-порт. *sesenta* [sesēnta], *feliz* [filiš], *menino* [mini-nu], *militar* [milita(r)] и порт. [ssēnta], [f(ə)liš], [m'ninu], [m'lita]. Эти различия в ритме речи в известной мере определили основные отличия в области вокализма бразило-португальского и континентально-португальского.

В континентально-португальском безударный конечный вокализм представлен главным образом редуцированными средними гласными и имеет свою систему отношений, отличную от той, которая представлена в ударном вокализме. В бразило-португальском конечные безударные гласные не редуцируются, но некоторые изменяют свой тембр по сравнению с ударной позицией, а именно конечное безударное [e] звучит как [i]: *umedese* [umi'desi], *face* [fasi], *comove* [koməvi] и др. Континентально-португальские местоименные формы *me, te, se, lhe* (с редуцированным э) представлены как *mi, ti, si, lhi*. Конечное безударное [o] произносится как [u], но не редуцированное, а с

полным сохранением тембра, например: *volto* [vɔltu], *sonhos* [sõn'uš], *tremo* [tremu] и др.

Конечное безударное [a] не отличается по тембру от ударного, т. е. является открытым [a]: *vinha* [vĩn'a], *rovoada* [rovuada], *presa* [preza]. В отличие от португальского континента предударные [e] и [o], как начальные, так и не начальные, сохраняют полный тембр: *pedaço* [pedasu], *veludo* [veludu], *educação* [edukasão]; *orêlha* [orel'a], *porteiro* [porteuru], *começar* [komesa(x)] и др.

В тех же случаях, когда за предударным [o] или [e] следуют ударные [i] или [u], то, по-видимому, в этих случаях в бразило-португальском действует закон гармонии гласных — [e] закрывается в [i], а [o] — в [u]: *pepino* [pipinu], *medida* [midida]; *ortiga* [urtiga], *fortuna* [furtuna], *cobiça* [kubisa].

В области консонантизма в Бразилии наблюдаются две разновидности произношения. С одной стороны, произносительные нормы Рио-де-Жанейро (*pronúncia carioca*), с другой — нормы Сан-Пауло. В Сан-Пауло, в отличие от Рио-де-Жанейро, согласные [t] и [d] перед [i] и безударным [e] выступают в вариантах [ts] и [dz], а не [tš] и [dž], например: *tia* [tsia], *sorte* [sortsi], *adido* [adzidu], *tarde* [taɾdzi].

Основное же отличие произношения Сан-Пауло от произносительных норм Рио-де-Жанейро, которые в этом случае совпадают с нормами европейского португальского, заключается в том, что [s], [z], [š], [ž] имеют иное позиционное распределение: в слабой позиции, т. е. в абсолютном их исходе и перед согласной, реализуются согласные [s] и [z], а не [š] и [ž], например: *da luz* [da lus], *vista* [vista], *mesmo* [mezmu]. То же самое происходит и в потоке речи: *os dedos* [uz dedus], *os gelos* [uz želus].

В плане фонологического анализа европейско-португальский представляет несомненный интерес для исследователя-романиста. Как уже говорилось, в нем весьма специфично, по сравнению с другими романскими языками, соотношение ударного и безударного вокализма, сильно напоминающего то, которое существует в современном русском языке¹⁶. Вследствие редукции система

¹⁶ Эта черта отмечена в статье: Manuel Compagnys Maldonado. Quelques remarques sur le phonétisme français et le phonétisme portugais. «IX Congresso internacional do lingüística românica». Lisboa, 1961, стр. 115—122.

ударных португальских гласных сильно сокращается в безударном положении количественно и изменяется качественно. Безударный вокализм представлен несколькими вариантами, обусловленными как отсутствием ударения, так и комбинаторными условиями ¹⁷. Не меньший интерес представляет и проблема существования носовых гласных в португальском языке ¹⁸.

1. Носовые гласные и особенности позиционного распределения носовых согласных

Проблема носовых гласных в португальском языке представляет двойкий интерес. Решение ее, с одной стороны, позволяет установить черты, свойственные вокализму современного португальского языка, а с другой — необходимо для установления места носовых согласных фонем /m/, /n/, /ɲ/ в общей системе португальского консонантизма.

В настоящей работе проблема носовых гласных рассматривается главным образом для того, чтобы уточнить природу и позиционное распределение носовых согласных в современном португальском языке. Решение этой проблемы сильно усложняется из-за своеобразия позиционного распределения тех гласных, в отношении которых возникают споры. В абсолютном исходе они ведут себя как самостоятельные фонемы, образуя с чистыми гласными противопоставления, в основе которых в качестве дифференциального признака выступает назализация. Иными словами, они образуют противопоставление носовая/чистая гласная:

fim/fi [fĩ/fi]
ruim/ruí от глагола ruir [ruí/ruí]
lã/la [lẽ/la]
dom/dou от глагола donar [dõ/do]
tom/tó [tõ/to] и др.

Носовых гласных пять: *ẽ*, *ĩ*, *ũ*, *ẽ*, *õ*, и только *ẽ* исключена в абсолютном исходе.

¹⁷ Н. А. Катагощина, Е. М. Вольф. Указ. соч.

¹⁸ Там же.

Они никогда не встречаются в непосредственном контакте со взрывной согласной: b, p; d, t; g, k. Между гласной и взрывной согласной всегда имеется носовая согласная, характер которой зависит от определенного фонематического окружения: перед b, p реализуется носовая согласная [m], поэтому слова типа *gombo*, *campro* транскрибируются как [gõmbu] и [kẽmpu], а не [fõbu], [kẽpu]; перед d, t выступает [n], отсюда транскрипция слов типа *conde*, *conto*, как [kõndə], [kõntu], но не [kõtə], [kõtu]; перед g, k возможно только веляризованное [ŋ], вариант фонемы /n/, — следовательно, [lõŋgu], [kõŋgru], но не [lõgu], [kõgu]. Эти носовые являются «редуцированными», «ослабленными», но согласными¹⁹.

Перед щелевыми и сонорными согласными (т. е. f, v; s, z; š, ž; l, r) носовые согласные не ощущаются говорящими, а проведенные эксперименты далеко не во всех случаях регистрируют след носовой согласной²⁰.

Во всех грамматиках и отдельных исследованиях гласные, фонологическая природа которых вызывает споры, транскрибируются без последующей носовой согласной. Слова типа *inveja*, *infamar*, *ansa*, *onze*, *concha*, *longe*, *tenro*, *circunloquio* отражаются в транскрипции как [ĩvẽʒə], [ĩfemal], [ẽsə], [õzə], [kõšvə], [lõžə], [tẽru], [sikũlõkju].

В конце слога перед щелевыми и сонорными, так же как и в абсолютном исходе, гласные образуют противопоставление, которое можно рассматривать как противопоставление носовая/чистая гласная:

onze/ouse от глагола *ousar* [õzə/õsə]

ansa/asa [ẽsə/asə]

lanço/laço [lẽsu/lasu]

mungir/mugir [mũžiɹ/mužiɹ]

invasão/evasão [ĩvẽžẽu/ivežẽu] и др.

Существует два противоположных мнения по вопросу о том, можно ли признать наличие в португальском языке

¹⁹ A. R. Gonçalves Viana. *Exposição da pronúncia normal portuguesa para uso dos Estrangeiros*, стр. X—XI. Предисловие к изданию: F. de Salles Lençastre. *Os Lusíadas*. Poema épico de Luis Camões. Lisboa, 1892.

²⁰ J. Morais Barbosa. *Études de phonologie portugaise*. Lisbonne, 1965, стр. 89.

ке носовых гласных как самостоятельных фонем. Намек на признание носовых гласных фонем можно найти у Хольгера Стэна²¹, но он детально не обсуждает этого вопроса. Он лишь обращает внимание на то, что неправомерно ставить в одну плоскость, с одной стороны, гласные в словах типа *mandando, vende*, а с другой — *sim, fim* и в аналогичных им. Он подчеркивает, что в противопоставлениях *mandando/mandado, vende/vede* смысло-различение следует отнести за счет наличия носовых согласных в одних словах и отсутствия их в других. В противопоставлении же слов типа *fim/fi, sim/si* смысло-различительную роль выполняет, с одной стороны, наличие назальности, с другой — отсутствие ее.

В своей книге, целиком посвященной описанию фонологической системы бразило-португальского (вариант Рио-де-Жанейро, иначе — *pronúncia carioca*), Матозу Камара²² отрицает наличие носовых гласных фонем в фонологической системе португальского языка, ссылаясь на замечание Р. Якобсона о том, что наличие носовых гласных фонем в языке можно признать лишь тогда, когда в нем, как и во французском, можно сопоставить формы с носовой гласной в абсолютном исходе с формами с чистой гласной + носовая согласная (ср. франц. *bon ~ bonne* [bɔ̃ ~ bɔn]). В португальском языке этого нельзя сделать, поэтому Матозу Камара не видит основания для признания носовых гласных в португальском языке.

По его мнению, при решении вопроса о носовых гласных можно следовать португальской орфографической традиции, которая во всех только что описанных случаях (в абсолютном исходе, перед взрывными, а также перед щелевыми и сонорными) сохраняет носовую согласную. Независимо от позиционного распределения следует говорить не о носовых гласных, а о группе «гласная + носовая архифонема», которая реализуется различно в зависимости от фонетического окружения. В абсолютном исходе лишь кажется, что архифонемы нет, но на самом деле она реализуется как назальность. Таким образом,

²¹ Holger Sten. Les particularités de la langue portugaise. Copenhague, 1944, стр. 31—32.

²² J. Mattoso Câmara Jr. Para o estudo da fonêmica portuguesa. Rio, 1953, стр. 89—97.

назальность он признает «аллофоном» носовой архифонемы.

В подтверждение своего предположения Матозу Камара стремится доказать, что слог, в котором ядром является описываемая гласная, всегда закрыт, т. е. оканчивается на носовую согласную. Это доказательство он видит в том, что в таких словах, как *genro*, *tenro*, *honra*, встречается только многоударное [ḡ], а ему, в отличие от одноударного [ɟ], свойственна позиция в начале слога после согласной, как, например, в словах типа *guelra*, *palra*.

О закрытости слога свидетельствует также и то, что гласная, которая считается носовой, не сливается с гласной последующего слова, т. е. на стыке двух слов. Между тем слияние гласных, отмечает Матозу Камара, — явление, очень характерное для португальского языка. Отсутствие слияния в этом случае Матозу Камара объясняет тем, что ему мешает наличие носовой согласной. В португальском языке вообще нет носовых гласных, а есть назализованные варианты чистых гласных. О назализации чистых гласных перед «носовой» согласной говорит изменение их качества — они закрытые; а гласная [a] веларизируется ([ẽ]).

Так же Матозу Камара решает вопрос и о носовых дифтонгах, т. е. считает их чистыми + носовая согласная.

Одинаковую точку зрения мы находим у Морайж Барбоза²³, который пользуется теми же доказательствами, что и Матозу Камара, а именно: отрицая наличие носовых гласных в современном португальском языке, он выдвигает тот же довод — закрытость слога, образуемого гласными, которые считаются носовыми. Она, по его мнению, подтверждается: 1) регулярным наличием многоударного [ḡ] в словах типа *genro*, *honra*; 2) реализацией взрывных *b*, *d*, *g* в словах типа *rombo* [rõmbu], *senda* [sẽnde], *manga* [mẽŋge]²⁴, а не их спирализированных вариантов; 3) отсутствием слияния носовой гласной с гласной последующего слова.

Точку зрения Морайж Барбоза принимает Бертиль Мальмберг, отмечая, что «многие лингвистические фак-

²³ J. M o r a i s G. B a r b o s a. *Études...*, стр. 81—104.

²⁴ Там же, стр. 92.

ты свидетельствуют в пользу интерпретации португальских носовых гласных как последовательностей «гласные + носовая архифонема», реализующаяся то как подлинная носовая согласная (со смычкой) с предшествующей комбинаторной назализацией, то как просто носовой резонанс без самостоятельного консонантного элемента»²⁵.

Наиболее подробное обсуждение вопроса о том, насколько правомерно говорить о существовании носовых гласных в португальском языке, находим в работах Морайж Барбозы. Остановимся на тех фактах, которые, по его мнению, дают основания для отрицательного решения вопроса.

Нет спора, что в определенной позиции, а именно перед смычными согласными *p, b, t, d, k, g*, сохраняются носовые согласные *m, n*. Данные слуховой и экспериментальной фонетики это подтверждают. Веским доказательством является и то, что согласные в этом случае реализуются как настоящие смычные, а не выступают в спирализированных вариантах, обычных для интервокальной позиции. Следовательно, есть основания предполагать, что им предшествует согласная (правда, редуцированная) со сходной артикуляцией, а не просто носовой резонанс. Все это доказывает наличие носовых согласных, т. е. закрытость слога, только в одной определенной позиции — перед смычными.

Принятие закрытости слога в словах типа *genço, honça* вызывает сомнения. Наличие многоударного [ĩ] в этих словах, как уже указывал автор настоящей работы²⁶, может быть объяснено иначе, чем это делает Морайж Барбоза.

Многоударному [ĩ] в современном португальском языке свойственны в основном две позиции: 1) интервокальная и 2) начало слова. В этих позициях [ĩ] противопоставляется одноударному [ɨ]. Положение в начале слога после согласной предыдущего слога для него не характерно. Можно отметить лишь три случая встречаемости многоударного [ĩ] в этой позиции: 1) после веляризованного [t̪], варианта фонемы /t/, в таких словах, как *guelra, palra, bilro, melro* и в аналогичных им, 2) после *ž* в словах типа

²⁵ В. М а л м б е р г. Указ. соч., стр. 171.

²⁶ Н. А. К а т а г о щ и н а, Е. М. В о л ь ф. Указ. соч.

israelita и, наконец, 3) в таких словах, как *genro*, *honra* и др.

Если мы сравним позицию /*ĩ*/ после *ž* и *l*, то увидим, что эти два случая позиционного распределения характеризуются сходством комбинаторных условий: в одном случае многоударному /*g*/ предшествует ненапряженная согласная *ž*, а в другом *l* — согласная, по своей артикуляции близкая к полугласной *w*. И в том и в другом случае слог приближается к открытому, а следовательно, позиция /*ĩ*/ ближе к интервокальной. Можно предположить, что именно отсутствие носовой согласной в словах типа *honra* (обычно транскрибируется как [dõŋɐ]) и объясняет то, что /*ĩ*/ реализуется в этой, близкой к интервокальной, позиции.

Что касается отсутствия слияния конечной носовой гласной с гласной последующего слова, то вряд ли этот факт можно рассматривать как довод в пользу закрытости слога (т. е. наличия в нем конечной носовой согласной) в словах типа *tom*, *bom*, *sim* и т. п.

Закономерности слияния гласных на стыке слов в португальском языке неодинаковы. Слияние имеет место не всегда, а при наличии определенных условий. Во-первых, слияние наблюдается тогда, когда первое слово оканчивается на безударную согласную; что касается следующего слова, то оно может начинаться как на ударную, так и безударную согласную. Здесь можно различать две возможности: 1) гласные на стыке слов сходны и 2) гласные на стыке слов различны.

Сходные гласные обычно сливаются в одну долгую

toda a gente [todāžentə]
bebo o todo [bebūtodu]
júri idoneu [žurĩdonju]
via andar [viāndɐɹ]
a alma [ālmɐ]²⁷
a arena [āenɐ]

Когда на стыке слов оказываются различные гласные, то они сливаются и в слиянии бывает представлена вторая гласная. Если конечная гласная первого слова пред-

²⁷ Примеры взяты у: Pilar V a z q u e z у Maria Albertina M e n d e s d a L u z. Gramática portuguesa. Madrid, 1961, стр. 263.

ставлена [u] (орфогр. o) или [e], т. е. узкими гласными то они имеют тенденцию образовывать дифтонгические сочетания с начальной гласной следующего слова, например:

durante o curso [duɾẽntu kuɾsu]
este inquilino [eʃt'ĩnkəlinu]
como está [kom iʃtá]
tocára o centro da praça [tukar'õ sɛntɾu dɐ pɾasɐ]
do animal [dũ enĩmal]
o eco dos aplausos [ɐku duz ɐplɔxuʒ]
pouco antes [poku ẽntiʃ]
e as vozes das trombetas [ɛʒ vɔziʃ dɐʃ tɾɔmbetɐʃ]

Если же первое слово оканчивается на ударную гласную, то, независимо от того, является ли гласная следующего слова ударной или безударной, слияние обычно не имеет места, не происходит также и образования дифтонгических сочетаний, например:

é evidente [e ividẽntɐ]
café óptimo [kɛfé ɔtimu]
já estou [ʒa iʃtó]
dará azo [dɐɾá azu]
vira antes [viɾá ẽntiʃ] и др.

Конечные носовые гласные в абсолютном исходе всегда ударные; естественно, они не образуют слияния, как все чистые гласные в этом случае. Поэтому сочетания типа *som aberto* [sõ ɐbɛɾtu], *lá azul* [lã ɐzu] лишь подтверждают существующую закономерность и ничего не говорят о наличии в конце слога носовой согласной, иными словами, — о закрытости слога.

При рассмотрении вопроса о носовых гласных в португальском языке прежде всего не следует исходить из представления о носовых гласных современного французского языка. Португальские носовые гласные по своей природе не совпадают с французскими. Наиболее адекватные представления о португальских носовых гласных дал в своих исследованиях Гонсалвиш Вьяна, который писал:

«Можно установить две степени назальности: назальность польских и португальских гласных, обозначаемую через знак (˜) — *ã, ẽ, õ*, и более сильную назальность французских гласных, обусловленную бóльшим опущением нёбной занавески и которую можно обозначить другим зна-

ком, представляющим собой видоизменение первого (∞) —
 ∞ ∞ ∞
 а, е, о. Действительно, эти два типа назализации достаточно различны по своему акустическому эффекту, для того чтобы каждый тип имел свое особое обозначение. Назализация во французском языке в известной мере напоминает задненебную велярную согласную в немецком слове *Klang*, португальская — средненебную палатальную согласную испанского слова *sueño* и французскую согласную *gn* в слове *ligne*»²⁸.

Кроме того, тот факт, что носовые гласные в португальском языке по-разному реализуются в различных позициях, делает невозможным явления, наблюдаемые в одной позиции, распространять на все остальные. Иными словами, если в *rombo*, *vende*, *cinco* слог закрытый (оканчивается на носовую согласную), то это не значит, что и во всех остальных позициях также есть носовая согласная. Примечательно, что еще Гонсалвиш Вьяна заметил и подчеркнул различную реализацию гласных, природа которых служит предметом дискуссии. «Таким образом, — указывал он, — чисто носовые согласные и дифтонги существуют только перед паузой (т. е. в абсолютном исходе. — *Н. К.*), перед следующей гласной или щелевой»²⁹.

Таким образом, не будучи фонологом, Гонсалвиш Вьяна, обладавший исключительной языковой интуицией, называл подлинно носовыми гласные там, где они выполняют смысловозначительную функцию.

В ряде других языков (нероманских), как и в современном португальском, в одних случаях за носовой гласной следует носовая согласная, в других — нет. Говоря об этом явлении, Маргерит Дюран³⁰ приводит в качестве примера польский язык (варшавское произношение). В нем краткий консонантный элемент систематически выступает перед смычными согласными, например, в таких словах, как *piòtèk*. Его нет перед щелевыми согласными, т. е. в словах типа *mièsò*; что касается конца слова, например в словах типа *sò*, *stoyè*, то в этой позиции ни на слух, ни при помощи инструментального анализа не обнаружи-

²⁸ A. R. Gonçalves Viana. *Portugais...*, стр. 3.

²⁹ A. R. Gonçalves Viana. *Portugais...*, стр. 16.

³⁰ Marguerite Durand. *De la formation des voyelles nasales. «Studia Linguistica», t. VII, N 1, 1953, стр. 44.*

вается ни следа конечной носовой гласной. В этих словах польские носовые гласные идентичны французским гласным в словах *sont* [sɔ̃] и *raïen* [rajɛ̃].

Здесь не имеется в виду затрагивать вопрос о фонологическом статусе носовых гласных в польском языке. Этот вопрос так же сложен и дискуссионен, как и в португальском. Так, например, в одной из недавних работ высказывается мнение, противоположное тому, которого придерживается Маргерит Дюран, а именно: на основе серии экспериментов утверждается, что в произношении молодого поколения варшавян носовых гласных в конце слова нет совсем³¹.

Нет оснований и сблизать характер соотношения, существующего между носовыми и чистыми гласными в польском и португальском языках, — он очень различен (ср., например, описание польских гласных у С. Шаумяна)³². Польский язык привлекается лишь как один из представителей тех языков, в которых носовые согласные наличествуют после носовых гласных перед смычными согласными и отсутствуют перед щелевыми.

Указывая на наличие консонантного элемента в одних случаях и отсутствие его в других как на довольно обычное явление в языках, где есть носовые гласные, М. Дюран приводит примечательный пример из французского языка. Так, в слове типа *compter* (т. е. перед смычной согласной), где на слух нет никакой носовой согласной, экспериментально всегда обнаруживают консонантный носовой элемент³³. Приведенный факт говорит о том, что одни фонетические данные, даже получаемые при помощи эксперимента, не всегда могут быть использованы для правильной интерпретации фонологической природы того или иного звука языка. Обнаружение путем эксперимента элемента носовой согласной в слове типа *compter* не дает никакого основания интерпретировать во французском языке носовую гласную в этом слове как группу «гласная + носовая согласная» (или носовая архифонема).

³¹ Maria Zagórska Brooks. Nasal vowels in contemporary standard polish. «International Journal of Slavic Linguistics & Poetics», VIII, 1964, стр. 108.

³² С. Шаумян. Система фонем современного польского литературного языка. Автореф. канд. дисс. М., 1950, стр. 27—30.

³³ Marguerite Durand. Указ. соч., стр. 44.

Между тем именно так поступает Морайж Барбоза. Обнаружив в португальском языке носовую согласную перед смычными, экспериментально установив возможность наличия в некоторых случаях следа носовой согласной перед щелевыми согласными, он считает возможным утверждать, что наличие такой согласной можно предположить и в конце слова. На основании этого он делает вывод об отсутствии носовых гласных как самостоятельных фонем в португальском языке. Однако если в произношении ни в конце слова, ни перед щелевой никакие носовые согласные не воспринимаются на слух, то, следовательно, нельзя доказать и их смысловоразличительную функцию в этих случаях, следовательно, заключение делается им только на основании одной фонетической характеристики, а этого для определения фонологической природы звука недостаточно.

Подтверждение своего предположения о том, что на конце слова типа *vim* [vĩ] также имеется носовой резонанс, Морайж Барбоза видит в специфике поведения этих слов на стыке со следующим словом³⁴, если оно начинается со смычной, т. е. в появлении в этом случае носовой согласной, в вариантах, зависящих от окружения. Имеются в виду такие случаи, как:

<i>lã azul</i> [lẽ ɐzuɫ], но —	<i>lã tinta</i> [lẽn tĩntɐ]
<i>lã branca</i> [lẽmbɾĩnkɐ]	<i>lã cardada</i> [lẽɾ kãrdãdɐ]

или

<i>um irmão</i> [ũ iɫ-mẽũ], но —	<i>um pouco</i> [ũm poku]
<i>um dia</i> [ũn ðiɐ]	<i>um copo</i> [ũp kɔpu]
<i>um touro</i> [ũn toɾu]	<i>um guarda</i> [ũɲ gɐɾdɐ]
<i>um boi</i> [ũm boi]	<i>um mugido</i> [ũ muʒidu]

Для объяснения этого явления нет необходимости предполагать наличие латентной носовой согласной архифонемы, которая реализуется в соответствующих комбинаторных условиях.

Нередко в различных языках, да и в самом португальском языке, особенности позиционного распределения внутри слова находят отражение и в потоке речи, на

³⁴ J. M o r a i s G. B a r b o s a. Указ. соч.

стыке слов. Например, как уже говорилось, в португальском языке перед звонкой согласной возможна лишь ненапряженная звонкая щелевая: *asno* звучит не [asnu] и не [aznu], а только [aʒnu]. На стыке слов происходит то же самое — отдельно *libros* [š], а в сочетании *libros lidos* вместо [š] субституируется [ž]: [libluž liduš].

Так как в португальском языке никогда невозможны перед смычными носовые гласные без носовой согласной между ними, то в потоке слов эта закономерность повторяется.

Представляется достаточно обоснованным признать в португальском языке существование носовых гласных фонем в конце слова (абсолютном исходе), а также перед щелевыми и сонорными. Наличие носовых согласных перед щелевыми (в словах типа *ansa*, *onze*) ведь и сам Морайж Барбоза признает «спорадическим»³⁵.

В указанных выше позициях гласные образуют противопоставление носовая/неносовая. Дифференциальным признаком, на основе которого возникает противопоставление, является наличие или отсутствие назальности. Словоразличительная роль носовых гласных в этих случаях не подлежит сомнению.

Самое сложное — это установить фонологическую природу носовых гласных перед смычными. Для Морайж Барбоза, как и для большинства авторов, описывающих португальское произношение, наличие в этой позиции носовых согласных между носовой гласной и взрывной согласной не подлежит сомнению. Противоположная точка зрения высказывается Г. Хаммарстрёмом.

Носовые согласные в таких словах, как *mandando*, и им подобных являются переходными звуками, не слышны для португальца, а уловимы лишь хорошо тренированным ухом специалиста-фонетиста. Эти согласные не имеют значения для фонологического анализа³⁶. Однако форма реализации согласных *b*, *d*, *g* в этой позиции не позволяет согласиться с мнением Хаммарстрёма.

³⁵ J. M o r a i s G. B a r b o s a. *Études...*, стр. 89.

³⁶ Göran H a m m a r s t r ö m. [Рец. на кн.:] Holger Sten. *Les Particularités de la langue portugaise*. Copenhagen, 1944.— «*Revista do Laboratório de Fonética Experimental*», II. Coimbra, 1954, стр. 158—162.

Они в португальском языке, как и в испанском, всегда в словах типа *rombo*, *senda* и *manga* — смычные (так же, как п в начале слова). Это может быть только тогда, когда перед ними стоят настоящие носовые согласные, хотя бы и краткие, редуцированные, ослабленные, но согласные, артикуляционно близкие к *b*, *d*, *g*. Наличие носового пазвука было бы недостаточно для сохранения взрывного варианта рассматриваемых согласных в фонологической системе португальского языка.

Тот факт, что в словах типа *rombo*, *senda* и *manga* встречаются носовые согласные, а не пазвук, заставил автора настоящей работы пересмотреть свою прежнюю точку зрения, согласно которой гласные перед смычными представляют собой варианты носовых гласных, а именно назализованные гласные + пазвук.

Так как факты свидетельствуют скорее в пользу наличия перед смычными согласными не пазвука, а настоящих носовых согласных, то назальность предыдущей гласной обусловлена, а следовательно, имеется налицо назализованный вариант чистой гласной. Португальскому языку, таким образом, свойственно недостаточное распределение носовых гласных фонем — они отсутствуют перед смычными согласными, в этой позиции представлены назализованные варианты чистых гласных.

История языков, обладающих носовыми гласными фонемами, в частности история французского языка, показывает, что фонологизация носовых гласных происходила постепенно и неодинаково в различных комбинаторных условиях, и в первую очередь на конце слова. Естественно, что наличие носовых гласных фонем наиболее очевидно именно в этой позиции. Различные языки отражают различные этапы становления носовых гласных фонем. Современный французский язык обладает полностью сложившейся, определенной системой носовых гласных фонем, противопоставленных чистым гласным. В португальском языке носовые гласные фонологизованы не во всех позициях. Поэтому о них нельзя судить по аналогии с французскими. Во французском языке возможно сравнение [bɔ̃ ~ bɔn] (*bon ~ bonne*), в португальском такое сравнение исключено.

Это вовсе не обозначает, что система носовых гласных во французском языке стабильна. В ней происходит ряд изменений, таков, например, активный процесс

замены /œ/ фонемой /ɛ/, отмеченной исследователями^{36а}.

Известно, что во французском языке, прежде чем возникла возможность сравнения типа [bɔ̃ ~ bɔn], носовые гласные претерпели ряд изменений. Соотношение [bɔ̃ ~ bɔn] было подготовлено рядом преобразований: [bɔ̃ ~ bɔn < bɔnə < bɔnə]. Последний этап стал осуществим только после оглушения конечного [ə]. Современный португальский язык отражает соотношение, соответствующее французскому [bɔ̃ ~ bɔnə] (существовавшему в XVI—XVII вв.), если судить по произношению таких слов, как [kũmũmẽntə] *comunmente*, [kõnoʃku] *connosco*, [ɽũĩmẽntə] *ruimmente*, [siakũmuraðu] *circum-murado*, [siakũmædiɨ] *circum-medir* и др.

Мнение, согласно которому в португальском языке можно было бы вообще говорить о существовании носовых гласных фонем в том случае, если бы в нем существовало соотношение типа [bɔ̃ ~ bɔn]³⁷, [vfi — vfin]³⁸, предполагает статический подход к фонетической системе этого языка. Во французском языке [bɔ̃ ~ bɔn] стало возможным только после деназализации носовой гласной перед носовой согласной, находившейся в интервокальном положении,— процесса, который был обусловлен не фонетически, а аналогическим влиянием³⁹. В португальском носовые гласные перед носовой согласной, как говорят приведенные примеры, существуют, а конечное [ə] сохраняется, за исключением тех случаев, когда оно следует за глухой согласной⁴⁰.

Условий для соотношения типа [bɔ̃ ~ bɔn] нет, но это не снимает смысловозначительной функции носовых согласных в противопоставлениях типа ðze (onze)/ oze (ouse) или sð (som)/ so (sou).

Своеобразие позиционного распределения носовых гласных в португальском языке тесно связано с характером сочетаемости носовых согласных фонем /ш/ и /п/. Они

^{36а} A. Martinet. Pour un dictionnaire de prononciation française. «In honour of Daniel Johnes». London, 1964, стр. 352.

³⁷ J. Mattoso Câmara. Указ. соч., стр. 92.

³⁸ Helmut Lüdtke. Fonemática portuguesa. «Boletim de Filologia», XIV, 1953, стр. 213.

³⁹ Marguerite Durand. Указ. соч., стр. 48.

⁴⁰ Manuel Compagnys. Notes sur les finales atones portugaises après consonne sourde. «Revista do Laboratório de Fonética Experimental», t. II, 1954, стр. 105—107.

очень широко представлены в двучленных группах, где они являются эксплозивным элементом, и минимально — в двучленных группах, в которых они представляют собой первый (т. е. импловивный) элемент. Анализ системы носовых гласных фонем дал возможность установить эти группы: -mb, -mp-, -nd-, nt-, -ng-, -nk-, [ŋg, ŋk].

Ниже будет сделана попытка определить место носовых согласных фонем в общей системе португальских согласных.

2. Щелевые фонемы /s/, /z/, /š/, /ž/ и их место в общей системе португальских согласных

Характерные особенности отличают португальский язык в плане позиционного распределения в нем щелевых согласных фонем /s/, /z/, /š/, /ž/ и образуемых ими противопоставлений. Эти особенности и рассматриваются в настоящей работе. Решение вопросов, связанных с проблемой позиционного распределения щелевых согласных, значительно затрудняется влиянием орфографической традиции. В португальской графике, как и в графике других романских языков, широко используются такие буквы, как s и z во всех позициях — начале слова, слога, в интервокальном положении и в абсолютном исходе. Однако в португальском языке в ряде позиций за этими обозначениями скрываются или глухая палатальная щелевая согласная [š], или же ее звонкий коррелят [ž]:

francês [fr̃ɛsɛš], no francês [fr̃ɛsezɐ]; Lisboa [liʒboɐ], no lista [lištɐ]; em perigos e guerras [ẽ̃ pɛ̃liguz i gẽɾɛš]; voz [voš], no vozear [vuzjɐ], voz meiga [vož mɛigɐ]; aça, assa *[asɐ] и т. п.

В отличие от испанского в португальском противопоставление по наличию или отсутствию голоса (по звонкости или глухости) охватывает весь ряд смычных и весь ряд щелевых согласных (дрожащие, боковые и носовые оказываются вне этого противопоставления, так как они нейтральны в отношении дифференциального признака глухости/звонкости).

Противопоставление по глухости/звонкости выглядит в португальском языке следующим образом:

p/b, t/d, k/g
f/v, s/z, š/ž

По мнению Морайж Барбоза, которое он высказывает в своих «Очерках», щелевые фонемы /s/ и /z/, определяемые им как «предорсо-альвеолярные фрикативные» (свистящие), и /š/, /ž/, относимые им к «альвеолярным фрикативным (шипящим)», образуют два нейтрализующихся противопоставления: одно по признаку глухости /звонкости, другое — по месту артикуляции, т. е. s/š, z/ž. Он полагает, что в позиции нейтрализации, т. е. в конце слога, выступает архифонема S, реализующаяся в одних позициях как /š/, в других — как /ž/.

По существу его позиция близка к позиции Матозу Камара, который, наряду с противопоставлением по глухости/звонкости, указывает и на существование противопоставления палатализованная/непалатализованная щелевая. С точкой зрения Морайж Барбоза трудно согласиться. Что касается Матозу Камара, то он рассматривает бразило-португальские произносительные нормы, а они далеко не во всем совпадают с европейско-португальскими, а следовательно, не могут рассматриваться в данной работе.

Все возражения относятся к Морайж Барбоза, рассматривающего нормы португальского языка континента. Принятие архифонемы S не оправдывается материалом исследования, и его трудно понять, тем более что Морайж Барбоза не дает развернутой картины комбинаторных вариантов всех щелевых фонем, т. е. /s/, /z/, /š/, /ž/.

Бесспорно, что все щелевые согласные фонемы принимают участие в противопоставлении по глухости/звонкости — s/z, š/ž.

Дифференциальным же признаком второго противопоставления s/š и z/ž нельзя признать место артикуляции, как это предполагает Морайж Барбоза, что и будет показано ниже.

Фонемы /s/ и /z/ одинаково встречаются в начале слова, в интервокальном положении и в положении после согласной (т. е. в начале слога), а следовательно, противопоставляются именно в этих позициях (или потенциально могут это делать).

1. В начальном положении (в начале слова):

Selar/zelar; cela/zela; soar/zoar; soada/zoada; surrar/zurrar.

Число противопоставлений в этой позиции ограничено оттого, что фонема /z/ весьма редко встречается в ней.

2. В интервокальном положении, т. е. в начале слога после гласной:

assa/aza; assar/azar; assoar/azoar; cassa/casa; cossa/coza; doce/dose; peça/pesa (от глаголов *peçar* и *pesar*); reçar/rezar; sessão/sezão; teço/teso (от глагола *tecer*); traço/trazo (от глагола *trazer*); praça/praza (от глагола *prazer*); liça/liza (от *lizar*); face/fase; decerto/deserto; disserto (от *dissertar*) /disserto; apressar/apresar и мн. др.

В этой позиции, которая является сильной для /s/ и /z/, противопоставление по глухости и звонкости представлено наиболее широко.

3. В положении после согласного (т. е. в начале слога, но после согласной). В этой позиции фонемы /s/ и /z/ встречаются только после определенных согласных, преимущественно смычных и сонорных:

/s/ — в группах -ps-, -bs-, -ks-, -ls-, -rs-, -šs-;

/z/ — в группах -bz-, -kz-, -lz-, -rz-, -žz-.

В этой позиции довольно трудно подыскать противопоставления, но теоретически они вполне возможны. Поэтому приводятся лишь примеры на встречаемость фонем /s/ и /z/ в указанных позициях:

/-ps-/ — *autopsia*, *correção*, *eclipsar*, *rapsódia*, *interrupção*;

/-bs-/ — *absolver*, *absorção*, *absurdo*, *observar*, *obsessão*, *obsidente*, *subsídio*, *subsolo*.

В своей фонетике Оливейра Гимарайш транскрибирует в этой группе *b* с призвуков [ə], например форму *absorvidas* он обозначает как [aʔəsorvideʃ] ⁴¹. На такое же произношение [b] в группах «*b* + согласный», особенно *b* в префиксах *ob-* и *sub-*, указывается в грамматике Пилар Васкес Куэста и Мариа Альбертина Мендес да Лус ⁴².

/-bz-/ — фонетисты отмечают лишь формы *obsequiar*, *obsequio*, *obsequioso*, *obsequiador*. В только что ука-

⁴¹ J. Oliveira Guimarães. *Fonética portuguesa*. Coimbra, 1927.

⁴² Pilar Vasquez Cuesta y Maria Albertina Mendes da Luz. *Gramática portuguesa*. Madrid, 1961.

занной грамматике⁴³ фонетически [b] дается с призвуком [ə] — [obəzəkɫador], [obəzəkɫu];

/-ks-/ — группа очень широко представлена: afixar, axila, circunflexo, efluxo, fixar, máxila, obnóxio, oxidar, prefixo, reflexão, suxo, uxório и мн. др.;

/-kz-/ — встречается редко, большей частью в заимствованных словах типа czar, czarína, eczema;

/-ls-/ — bolso, embolso, evulsão, expulsar, falsear, empulsão, impulsivo, pulseira, salsifré, valsa и др.;

/-lz-/ — мало: elzevir, farnelzinho;

/-rs-/ — arsenal, comparsa, concurso, emersivo, março, mercê, parse, pérsico, quarço, quercite, remorso, terça, urso, verso;

/-rz-/ — borzeguim, catorze, cerzidor, urze, varzea, zarzuela, zurzidela, zurzir;

/-šs-/ — главным образом в образованиях с префиксом des-⁴⁴ [deš-]: descentralizar, dessemelhante, dessatistfação, dessabor, dessaborido, dessecação, des-sedentar, dessentir, dessoar, dessociável;

/ds/ — adsorvente;

/-žz-/ — примеры типа deszelar.

Особенность позиционного распределения согласных /s/ и /z/, которая отличает португальский язык от других иберо-романских языков, состоит в том, что указанные согласные совершенно исключены в абсолютном исходе (т. е. в конечном положении перед паузой) и в положении перед глухой согласной. В этом положении возможна только палатальная щелевая [š], а перед звонкой согласной — /ž/.

Такое явление может быть истолковано двояко: или имеется налицо недостаточное распределение фонем /s/ и /z/, или противопоставление s/z нейтрализуется в абсолютном исходе и в позиции нейтрализации представлено вариантом /š/, совпадающим по звучанию с фонемой /š/ в других словах, например: chave [šavə], xerez [šəléš] и др.

В пользу признания /š/ вариантом фонем /s/ и /z/ говорят такие чередования согласной корневой морфемы:

⁴³ Pilar Vasquez Cuesta y Maria Albertina Mendes da Luz. Gramática portuguesa, стр. 259: «En pronunciación cuidada se pronuncia como s sonora la s después de b de obsequiar y sus derivados debido a proferirse una pequena [ə] a continuación de la b que la convierte en intervocálica».

⁴⁴ Pilar Vasquez Cuesta... Указ. соч., стр. 259.

1) при образовании форм женского рода прилагательных, например: *portugês* [š] ~ *portuguesa* [z] (š ~ z), *finês* [š] ~ *finesa* [z], *francês* [š] ~ *francesa* [z] и т. п.;

2) при образовании форм множественного числа имен существительных типа *vezes* [z] ~ *vez* [š], *luzes* [z] ~ *luz* [š], *deuses* [z] ~ *deus* [š]. Фонема /z/ конечная корневой морфемы в сильной (в данном случае — интервокальной) позиции переходит в [š], когда она оказывается в слабой позиции, иными словами — в абсолютном исходе;

3) при образовании глаголов от существительных, например: *luz* [š] ~ *luzir* [z], *matiz* [š] ~ *matizar* [z], *voz* [š] ~ *vozear* [z], *gas* [š] ~ *gasear* [z], *raíz* [š] ~ *enraizar* [z], *cicatrizar* [z] ~ *cicatriz* [š], *encapuzar* [z] ~ *capuz* [š].

Аналогичное чередование в тех же позициях наблюдается и в отношении фонемы /s/: *capacidade* [s] ~ *capaz* [š], *felicidade* [s] ~ *feliz* [š], *tenacidade* [s] ~ *tenaz* [š], *ferocidade* [s] ~ *feroz* [š] (s ~ š). За исходную всегда берется сильная позиция, т. е. интервокальная.

В положении перед следующей согласной фонемы /s/ и /z/ не встречаются совсем: перед глухой согласной представлен звук [š], а перед звонкой — [ž]. *Este* звучит не [estə], а [eštə], *asno* не [asnu], а [ažnu] и т. п. Нет чередований, которые бы устанавливали связь фонем /s/ и /z/ и /š/ и /ž/ в этой позиции и подтверждали бы, что [š] и [ž] являются в определенных позициях комбинаторными вариантами фонем /s/ и /z/. В этих условиях есть основание предположить, что в разбираемой позиции фонемы /s/ и /z/ не представлены совсем, т. е. ни в одном из вариантов. Схематически противопоставление предорсальных альвеолярных ффрикативных по глухости и звонкости можно представить следующим образом:

s/z — 1) образуют противопоставление в начале слова после согласной, т. е. в начале слога и в интервокальном положении (т. е. в начале слога после гласной);

— 2) противопоставление нейтрализуется в абсолютном исходе; в качестве варианта той и другой фонемы выступает звук [š];

— 3) в преконсонантной позиции та и другая фонемы отсутствуют. Их отсутствие может рассматриваться как недостаточное распределение.

Появление в позиции нейтрализации глухой согласной, т. е. [š], подтверждает предположение, что фонемы /s/

и /z/ противопоставляются по глухости и звонкости, так как в позиции нейтрализации обычно выступает немаркированный член противопоставления, если, конечно, не имеется какого-либо ассимилятивного влияния. Тот факт, что вместо ожидаемой глухой согласной [s] возможна лишь [š] — не только глухая, но и менее напряженная согласная, говорит и за то, что в португальском языке для щелевых согласных признак напряженности является в абсолютном исходе избыточным, а следовательно, доминирующим является противопоставление напряженная / менее напряженная, а не глухая / звонкая.

Альвеолярные шипящие щелевые (по терминологии Оливейра Гимарайш, «палатальные» щелевые), как уже говорилось, образуют противопоставление по глухости и звонкости в тех же позициях, что и фонемы /s/ и /z/:

š/ž — 1) в начале слова: chiba (xiba)/jiba (giba); xarda /jarda; chá/ja; xinga/ginga;

— 2) в интервокальном положении: arrocho/arrojo; ar-rochar/arrojar; rocha/roja (от rojar); queixo/queijo; racha/(raxa)/raja; pecha/peja (от pejar); pechada/pejada; puchar/pujar; pucho/pujo; rachada/rajada;

— 3) после согласной (в начале слога) одинаково встречаются в следующих группах:

/š/ — -rš-, -bš-, -lš-

/ž/ — -rž-, -bž-, -lž- и -dž-, т. е. после взрывных и сонорных. В виду одинаковости позиций возможность противопоставлений не исключается. Примеры:

/-rš-/ — archa, marcha, marchetar, percha, guta-percha, archar;

/-bš-/ — abster, abstra(c)to, abstrair, subchefe;

/-lš-/ — bolchevista, malcheiroso, colcha, colchete, colchoeiro;

/-rž-/ — corja, forja, gorgear, gorgeta, marginar, orgia, sarjeta, tarja, terjiversar, argente, vergel, virginal, virgíneo, interje(c)cional, interje(c)tivo, interjeição;

/-bž-/ — abje(c)ção, objectar, objeto, objurgatoria, subjugar subjuntivo;

/-lž-/ — algebra, algibeira, algido, aljava, aljófar;

/-dž-/ — adjacência, adjetivo, adjectar, adjacente.

В отличие от противопоставления s/z противопоставление š/ž нейтрализуется в двух позициях: в абсолютном

исходе и в положении перед согласной, иными словами — в имплозивной позиции. Перед глухой согласной допустима лишь фонема /š/, а перед звонкой — /ž/, в абсолютном исходе — только /š/. Таким образом, распределение в этой позиции фонем /š/ и /ž/ таково:

- /-šp-/ — prospero, desperto, desposo, desporte;
- /-žb-/ — transbordar, transbordo, rosbife, presbita, pechisbeque, cabisbaxo, esbulhar, esbelto, desbridar, desbancar, lesbio;
- /-št-/ — casta, castana, visto, balaústre, estatua, estase, neste, mosto;
- /-žd-/ — tresdobrar, pós-data, esdrúxulo, desdita, desdém;
- /-šk-/ — mosquear, pesquisa, escalo, escola, descalçar, descansar, descurar, fisco, descontar, rescaldo;
- /-žg-/ — fiska, gasganete, esgar, esgotar, esgrima, casgar, rasgo, resgatar;
- /-šf-/ — esforço, posfácio, esfoliar, esfolhear, resfolgo, resfriamente, disferir, disforme, desfechar, esfumar;
- /-žv-/ — desvelo, desvairo, esvaimento, esvidar, esvoaçar, resvés, transvazar, transversal, desvario;
- /-žl-/ — eslovaco, deslizar, desluzir, soslaio, translato, translúcido, translado, eslavo;
- /-žr-/ — israelita [ižrēilite];
- /-žm-/ — asma, chusma, esmorraçar, desmascarar, desmobilizar, plasmar, resma, esmar, pasmo;
- /-žn-/ — asno, asnear, cisne, desnodar, tisar;
- /-žz-/ [= ž] — desšejum, desžungir, tresžurar.

š/ž противопоставляются по признаку глухости/звонкости: 1) в начале слова, 2) в интервокальном положении, 3) в положении после согласной (в начале слога). В этой позиции довольно трудно найти противопоставления.

Противопоставление нейтрализуется:

- 1) в абсолютном исходе, где выступает [š];
- 2) в положении перед согласной (в конце слога), где перед глухой согласной допустима лишь щелевая [š], а перед звонкой — [ž]. В этой позиции можно принять архифонему /š—ž/, которая реализуется в одних условиях как /š/, в других — как /ž/.

Определение фонемной принадлежности звуков, вступающих в позиции нейтрализации, представляет определенные трудности. Нет живых чередований, которые позволяли бы считать /š/ и /ž/ вариантами фонем в позиции

нейтрализации (как это можно сделать в отношении щелевых /s/ и /z/). Чередование /š ~ ž/ имеет место лишь на стыке слов, например: *mares nunca de antes navegados ...* [maɪž nũɾkɐð'ẽntiž nɐvəgaðuʃ], ср. *antes* [ˈntiʃ], *mares* [maɪʃ].

Явления стыка слов выходят за пределы слова и имеют свои закономерности реализации. Эти закономерности могут совпадать или не совпадать с явлениями, имеющими место в пределах слова. Они показательны главным образом для определения системы показателей границ слова в данном языке.

Фонемы /s/, /z/, /š/, /ž/ участвуют и во втором противопоставлении. Но дифференциальным признаком, на основе которого строится противопоставление, не является ни признак места образования (как полагает Морайж Барбоза ⁴⁵), ни признак наличия (отсутствия) палатальности (мнение Матозу Камара ⁴⁶). Второе противопоставление основывается на признаке степени напряженности. Об этом с очевидностью свидетельствует звук, выступающий в позиции нейтрализации. А именно в этой позиции легче всего определяется дифференциальный признак образующихся противопоставлений. Как отмечалось выше, уже нейтрализующееся противопоставление по глухости/звонкости показывает, что в португальском языке в импловивной позиции употребляются лишь щелевые с менее напряженной артикуляцией, т. е. предорсо-альвеолярные шипящие (š, ž), а не альвеолярные свистящие (s, z). Это явление подтверждается противопоставлением напряженная/менее напряженная щелевая (т. е. противопоставлением по степени напряженности): s/š z/ž.

Для только что упомянутого противопоставления характерны те же сильные позиции, что и для противопоставления по степени глухости и звонкости: 1) начало слова, 2) интервокальное положение (начало слога перед гласной), 3) положение после согласной (начало слога после согласной).

- I. s/š — 1) *seco* (ceco) / *checo*/; *segar* (cegar)/*chegar*; *cerne* / *cherne*; *siar*/*chiar*; *cila*/*chila*; *sim*/*chim*; *soco*/*choco*;
— 2) *asse* (*assar*)/*ache*; *aça*/*acha* (*achar*); *buço*/*bucho*;
cassa (*cassar*)/*caxa* (*cahar*); *caçar*/*cachar*; *cozza*/

⁴⁵ J. M o r a i s G. B a r b o s a. Указ. соч., стр. 182.

⁴⁶ J. M a t t o s o C â m a r a. Указ. соч., стр. 103.

soxa; face/faixe (faixar); lassar (laçar)/laxar; lissa/
lixa; maço/macho; março/marcho (marchar); messe/
meche (mechar);

- 3) после согласной (как уже указывалось выше)
/s/ встречается в группах: ps, bs, ks, ls, rs, šs;
/š/ » » » : —, bš, —, lš, rš —.

Противопоставления скорее всего можно найти в позиции после [r], например arse/arche (archar).

В абсолютном исходе противопоставление s/š нейтрализуется, и в позиции нейтрализации представлена не [s], а палатальная щелевая [š], т. е. менее напряженная по сравнению с [s] щелевая, см. чередования:

velocidade [s] ~ veloz [š]
mordacidade [s] ~ mordaz [š]
suspiciacia [s] ~ suspicaz [š]
sagacidade [s] ~ sagaz [š]
atrocidade [s] ~ atroz [š] и др. (s ~ š)

Перед согласной (и глухой и звонкой) [s] совсем исключена, а [š] встречается только перед глухой согласной (примеры см. выше, стр. 77). Таким образом, щелевая [š] в позиции нейтрализации в одних условиях является вариантом фонемы /s/, в других — вариантом фонемы /z/ (см. выше).

II. z/ž — 1) zelo/gelo; zelar/gelar; zorro/jorro, zangada/
/jangada;

- 2) doze/doge; pesa (pesar)/peja; trazo (trazar)/
/trajo;

- 3) после согласной, как уже говорилось, /z/ и
/ž/ встречаются в ряде одинаковых окружений:

/z/ — bz, kz, lz, rz, žz;

/ž/ — bž, —, lž, rž, žž (= ž).

Скорее всего можно найти примеры на противопоставление в группе с [r], типа urze/urge (urgir).

В абсолютном исходе не встречается ни /z/, ни /ž/. Перед следующей согласной (глухой или звонкой — безразлично) щелевая /z/ исключена совсем, а /ž/ встречается лишь перед звонкими согласными (примеры см. на стр. 77).

Анализ противопоставления по степени напряженности раскрывает недостаточное распределение щелевых

альвеолярных фонем /s/ и /z/, обладающих большей степенью напряженности, чем палатальные щелевые /š/ и /ž/.

Эти фонемы, т. е. /s/ и /z/, совершенно исключены в импловивной позиции, т. е. в конце слога, независимо от того, являются ли они концом слова или находятся внутри слова. В португальском языке в импловивной позиции выступают лишь менее напряженные (ослабленные) щелевые согласные фонемы /š/ и /ž/. Причем в этой позиции их распределение подчиняется определенным закономерностям: их звонкость или глухость определяются звонкостью или глухостью согласной последующего слова. Перед звонкой согласной (независимо от того, к какой серии согласных она принадлежит) встречается только /ž/, а перед глухой — лишь /š/. В абсолютном исходе возможна лишь одна глухая щелевая /š/.

Что касается португальских зубно-губных щелевых фонем /f/ и /v/, то их встречаемость в импловивной позиции (в конце слога) чрезвычайно ограничена.

Фонема /f/ встречается лишь перед t, т. е. в группе ft, в заимствованных книжных словах типа *nafta*, *afta*, *difteria*, *oftalmologia*, *cáften*, *mufti*, *naftalina*.

Фонема /v/ в этой позиции не наблюдается совсем. (В словах типа *lavra*, *livraria* и др. вся группа -vr- образует начало слога.)

В начале слога, после согласной предыдущего слога /f/ встречается редко (в группах -lf-, -rf-, -sf-):

golfar, *malfazer*, *olfacto*, *galfarro*, *orfanato*, *pórfiro*, *porfiar*, *marfim*, *desfechar*, *desforço*, *esfumar*, *resfolçar*, *resfolgo*.

Фонема /v/ в этой позиции употребляется чаще. Кроме групп -lv-, -rv-, -žv-, она встречается после [b] (в группе -bv-) и [d] (-dv), т. е. в заимствованных из латинского словах с частицами *sub-*, *ad-*, *ob-*, например:

evolver, *fulvo* *malvisto*; *erva*, *parvo*, *torvar*, *supervisão*, *servo*; *desvelo*, *esvidar*, *transvasar*, *trasvisto*; *subvenção*, *subversão*; *advena*, *adverbio*, *adversidade*; *obviar*, *óbvio*.

В абсолютном исходе ни /f/ ни /v/ не встречаются в словах исконного фонда.

Позиционное распределение щелевых ясно показывает, что для португальского языка характерно употребление в импловивной позиции только менее напряженных щелевых (щелевых с ослабленной артикуляцией), полное исключение в этой позиции более напряженных /s/ и /z/.

и чрезвычайно редкое использование губно-зубных /f/ и /v/, более напряженных, чем /š/ и /ž/.

Глухость и звонкость всех щелевых в имплозивной позиции определяется эксплозивной согласной последующего слога, к какой бы серии согласных она ни принадлежала. Перед глухой согласной встречается только глухая щелевая, перед звонкой — звонкая. Например: *mesmo* [mežmu], *másculo* [mašculu], *malvisto* [małvištu] и др.

Отмеченные закономерности свойственны в португальском языке не только щелевым согласным фонемам, но и всей серии взрывных согласных — /p/, /t/, /k/; /b/, /d/, /g/. В этом отношении мнение автора данной работы расходится с точкой зрения Морайж Барбоза ⁴⁷.

Помимо групп согласных «взрывная (или щелевая f, v) + сонорная l или r», обычных в португальском языке для начала слога (слова) и для интервокального положения, Морайж Барбоза признает и существование групп типа *pt*, *kt*, *bv*, *bz*, *bš*, *dž* и аналогичных им. Но первый элемент этих групп (взрывную согласную) он рассматривает не как имплозивную согласную, а как эксплозивную, т. е. как находящуюся не в конце, а в начале слога. Отсюда и его обозначения *fa-cto*, *ra-pt*, *a-djun-to*, *obs-tar*, *ó-bvi-o* ⁴⁸.

Согласно его точке зрения, португальский предполагает, или, вернее, допускает, в конце слога только согласные с более слабой артикуляцией и в этом положении не может иметь взрывных согласных.

Как указывают португальские фонетисты, звонкие взрывные /b/, /d/, /g/ в португальском языке представлены как взрывные только в сильной позиции. Следует напомнить, что сильной позицией являются:

для /b/ — 1) начало слова; 2) группы -mb-, -lb-, -rb-: *lombo* [lombu]; *albufeira* [ałbufeire]; *arborizar* [erbułizar];

» /d/ — 1) начало слова; 2) группы -nd-, -ld-, -rd-: *bondoso* [bõndozu]; *aldeído* [ałdeídu]; *acordar* [ekurdał];

» /g/ — 1) начало слова; 2) группы -ng-, -lg-, -rg-: *jangada* [žẽngadeł]; *algodão* [ałguđũ]; *largo* [laagu].

⁴⁷ Jorge M. Morais Barbosa. *Études de phonologie portugaise*. Lisbonne, 1965.

⁴⁸ Там же, стр. 211, 212.

optimismo [otimiʒmu], decepção [dɛsɛʃu], máxima [máxima].

Фонема /k/ перед z встречается очень редко, исключительно в заимствованных словах. Существование ономотопии типа tlim, tlim-tlim свидетельствует о том, что в группе tl- фонема /t/ может быть эксплозивной.

Таким образом, из только что приведенных данных видно, что в конце слога звонкие взрывные представлены спирантизованными вариантами, а следовательно, согласными с ослабленной артикуляцией, а не взрывными (более напряженными) согласными, как это пишет Морайж Барбоза. Их наличие не нарушает закономерности, свойственной современному португальскому языку — использовать в имплозивной позиции менее напряженные согласные. В отличие от групп pn, ps, pt, kn, tm, группы kt, dž, bš, dv не встречаются в португальском языке в начале слова (в эксплозивной позиции), поэтому нет оснований говорить о том, что их можно трактовать как согласные начала слога. Да и вообще в ряде языков число согласных конца слога бывает больше, чем согласных в абсолютном исходе. Так, например, в испанском языке в абсолютном исходе представлены d [d], s, θ, χ, n, l, r, а в конце слога — p (вариантом b), t (вариантом d) и k (вариантом g).

По мнению Морайж Барбоза, носители португальского языка не могут произнести в конце слога согласных, которые не представлены в абсолютном исходе. Между согласными группы возникает редуцированный гласный [ə], и слог, таким образом, открывается ⁵⁵.

Между тем такие авторы, как Антенор Нашентиш и Мариа Жозé де Карвальу ⁵⁶, указывают, что упомянутые группы сохраняются в письменно-литературном португальском языке Европы, а появление [ə], характерная

⁵⁵ Jorge M. M o r a i s B a r b o s a. Указ. соч., стр. 212: «Tout effort de la part du sujet parlant portugais, pour terminer une syllabe sur une consonne autre que celles attestées à la finale amène nécessairement à l'apparition après la consonne en cause d'une voyelle [ə] qui a pour effet d'ouvrir la syllabe; un mot comme *apto* 'apte', par exemple deviendra en fait trissyllabique (a-pə-to) dans la bouche du locuteur moyen qui voudrait faire tomber la frontière syllabique après p».

⁵⁶ Antenor N a s c e n t e s. O idioma nacional. Rio de Janeiro, 1960, стр. 259; Maria José de C a r v a l h o. Una lingua padral para o teatro nacional. «Anais do primeiro Congresso brasileiro de lingua falada no teatro». Rio de Janeiro, 1958, стр. 157.

черта бразило-португальского, — явление вполне объяснимое, если вспомнить, что в Бразилии взрывные не спирализуются и в результате возникает произношение типа а-рэ-то вместо арто.

Аргументация Морайж Барбоза недостаточна для того, чтобы отрицать очевидное наличие определенных вариантов взрывных в импловивной позиции.

Так же как и в группах согласных, где первым (импловивным) элементом является щелевая согласная, в группах со взрывной согласной наблюдается зависимость, обусловленность глухости или звонкости этой последней характером последующей согласной.

Импловивная позиция (конец слога)

p — pn, —, ps, —, pt;
 b — bn, bm, bs, bz, bt, bd, bk, bg, —, bv, bš, bž, bp;
 t — tn, tm, —, —, —, —, —, —, —, —, —, —, tl;
 d — dn, dm, ds, —, —, —, dk, dg, —, dv, dš, dž, —, dl
 (adlegação);
 k — kn, km, ks, kz, kt;
 g — gn, gm, —, —, —, gd.

Экспловивная позиция (начало слога)

p — rp, lp, mp, šp;
 b — rb, lb, mb, žb;
 t — rt, lt, nt, št, kt, ft, pt, bt;
 d — rd, ld, nd, žd, —, —, —, —, gd;
 k — rk, lk, nk, šk;
 g — rg, lg, ng, žg.

Однородность состава групп согласных по признаку звонкости и глухости наиболее сильно нарушается в группах с /b/, /d/ и отчасти с /k/. (Что касается сонорных, то они нейтральны к признаку глухости (звонкости) и могут стоять как перед глухой, так и перед звонкой согласной).

Однако эти группы нельзя считать показательными. Они наблюдаются не в исконных словах, а в латинизмах и заимствованных словах, и, по-видимому, не так многочисленны. Это слова типа:

bs — absorvido, absoluto, abside;
 bt — obtuso, subtenente, subterfúgio;
 bk — subcutaneo, obcorrente, subconsciente;
 bš — subchefe;

bp — subpor;
ds — adsorvente;
dk — adquirir, aquisição;
dš — adstringente, adscrever;
kz — eczema.

Позиционное распределение сонорных согласных фонем (l, l', ĩ, r, m, n, п') подтверждает предпочтительное употребление в конце слога (в имплозивной позиции) согласных с менее напряженной артикуляцией. Современный португальский язык, как известно, имеет две боковые фонемы: средненебное палатальное или дорсо-палатальное /l'/ и апико-альвеолярное /l/, которое, в отличие от французского и испанского /l/, имеет слегка веляризованное произношение. Для этих фонем сильной позицией является интервокальная, и в этой позиции они противопоставляются, например: *fila/filha, cela/celha, rola/rolha, falar/falhar, mala/malha, trilo/trilho, tela/telha, rela/relha*.

В начале слова почти нет противопоставлений потому, что фонема /l'/ в этой позиции встречается очень редко, в единичных случаях ⁵⁷, например *lama/lhama*.

В конце слога и в абсолютном исходе (т. е. в имплозивной позиции) представлено только велярное [ɫ] — вариант фонемы /l/ в слабой позиции, т. е. согласная с ослабленной артикуляцией ⁵⁸. Велярное [ɫ] встречается почти перед всеми согласными, кроме /r/, /l'/, /n'/, т. е. в группах; *lb, lp, lt, ld, lk, lg, lf, lv, ls, lz, lš, lž, lm, ln, lĩ* ⁵⁹.

Фонема /l'/ в имплозивной позиции совсем не встречается.

Сходно и позиционное распределение других сонорных фонем. Португальский современный язык обладает двумя дрожащими фонемами: это одноударное альвеолярное /r/ и многоударное /ĩ/. Еще в своих работах Гонсалвиш Вьяна отмечал, что многоударное /ĩ/ имеет еще увулярный вариант, несколько похожий на франц. /ʁ/, в его время еще не закреплённый как произносительная норма.

⁵⁷ *lhama, lhaneza, lhano, lhanura* и формы личных местоимений: *lhe, lhes; lho, lha, lhos, lhas*.

⁵⁸ *fiel [ɫ], geral [ɫ], possível [ɫ], flexível [ɫ]* и др.

⁵⁹ *albente, púpito, alto, balda, palco, melga, sulfúreo, silva, balça, elzevir, colcha, álgido, colmo, bilro*.

В настоящее время, по свидетельству Морайж Барбоза существует три вида многоударного /ĩ/: 1) многоударное апикальное, наиболее распространенное; 2) увулярное; 3) глухое фрикативное дорсо-велярное, похожее на испанскую фонему /χ/ в словах типа *hiço*.

Фонема /ĩ/, обладающая более напряженной артикуляцией, встречается преимущественно в начале слога (слова). Только в интервокальном положении она образует противопоставление с одноударным /ɪ/: *carro/caro*, *murro/muro*, *arriar/ariar*, *parra/paga* (от *pagar*), *gorro/gogo* и др. Сравнение позиционного распределения двух дрожащих согласных фонем довольно ярко раскрывает тенденцию к использованию одноударного /ɪ/, артикуляционно менее напряженного в импловивной позиции.

Позиционное распределение

Фонема |ĩ| Фонема |ɪ|

1) в интервокальном положении:

carro, *murro*, *torro*; *caro*, *muro*, *toro*;

2) в словах типа: *honrado*, *abalroar*, *bilro*, *israel*;

2) в конце слога перед взрывной или щелевой согласной, т. е. в группах *ɪb*, *ɪp*, *ɪt*, *ɪd*, *ɪk*, *ɪg*, *ɪf*, *ɪv*⁶⁰, *ɪs*, *ɪz*, *ɪʃ*, *ɪʒ* (*ɪm*, *ɪn*, *ɪl*);

3) в начале слова: *rei*, *gaça*, *raiz*, *riso*, *reluzir* и др.;

3) в конце слова (во всех окончаниях неопределенной формы глаголов): *dar*, *dominar*, *rôr*, а также в существительных: *amor*, *ar*, *hoggor* и др.;

4) По мнению Гонсалвиш Вьяна, перед /m/, /n/ и /l/, т. е. в конце слога: *arma*, *carne*, *Carlos*.

4) после взрывной или щелевой, т. е. в группах: *bɪ*, *pɪ*, *tɪ*, *dɪ*, *kɪ*, *gɪ*, *fɪ*, *vɪ*, *ʒɪ*, *lɪ*⁶¹ (фонемы /s/, /ʃ/, /r/, /l'/, /m/, /n/, /n'/ не могут быть первым элементом группы).

Нарушает общую тенденцию употребление многоударного (т. е. напряженного) /ĩ/ в конце слога (случай 4-й).

⁶⁰ *corpo*, *barbear*, *orto*, *arduo*, *arco*, *carga*.

⁶¹ *obra*, *aprazar*, *atras*, *pedra*, *procriar*, *progresso* и др.

По-видимому, справедливо мнение Морайж Барбоза о том, что в настоящее время в этой позиции многоударное /t/ заменено одноударным /ɾ/, что соответствует закономерностям современного португальского языка ⁶².

Еще более интересную картину дает позиционное распределение носовых согласных фонем /m/, /n/, /ɲ/. Они образуют большое количество противопоставлений в интervoкальном положении, например:

grana/grama, cana/cama; tina/tinha, limo/linho, sena/senha, lema/lenha, mano/manho (от manar)/mamo (от mamar).

В начале слова /ɲ/ не образует противопоставлений, так как в этой позиции встречается лишь в нескольких заимствованных из туземных языков словах типа nhandi, nhanguê, nhúndi.

Фонема /m/ широко представлена в начале слога в группах jm, lm, žm, tm, dm, bm, km, gm. То же самое наблюдается и в положении фонемы /n/, которая встречается почти после всех согласных в группах: jn, ln, žn, tn, dn, bn, pn, kn, gn, mn.

В имплозивной позиции, т. е. в конце слога, происходит обратное: фонема /m/ встречается только перед /n/, /b/ и /p/ в группах mn, mb и mp в виде ослабленной редуцированной согласной, а фонема /n/ — лишь перед /t/, /d/, /k/, /g/ в группах nt, nd, nk, ng, также в виде редуцированной согласной. В остальных позициях m и n являются обозначением на письме носовых гласных.

Анализ фонологической природы щелевых согласных в современном португальском языке и особенностей их позиционного распределения очень рельефно раскрывает тенденцию этого языка к употреблению в имплозивной позиции (конец слога и абсолютный исход) менее напряженных согласных, согласных с ослабленной артикуляцией. Эта тенденция проявляется во всей системе португальского консонантизма. В серии щелевых она находит выражение в том, что в имплозивной позиции фонемы с более

⁶² Jorge M. M o r a i s B a r b o s a. Указ. соч., стр. 206: «Quoi qu'il en soit, le processus de la simplification de l'apical double en apical simple devant m, n ou l, qui dans certains idiolectes a pratiquement abouti et dans d'autres tend à aboutir date sûrement, en Lisbonne en particulier, de notre siècle».

напряженной артикуляцией /s/ и /z/ исключаются (в конце слога и в абсолютном исходе).

Что касается серии звонких взрывных согласных, то в импловивной позиции возможны лишь их спирантизованные (т. е. артикуляционно ослабленные) варианты [b], [d], [g]. Известное отклонение от этого правила представляют лишь заимствования, в первую очередь из латинского, а также других языков, иными словами, лексические единицы неисконного фонда.

В серии сонорных упомянутая тенденция находит отражение в определенных закономерностях их позиционного распределения. Многоударное (артикуляционно более напряженное) /ḡ/ исключается в конце слога и в абсолютном исходе; в этом положении возможно лишь слабое одноударное /l/.

Смягченное (палатальное) /l'/ совершенно недопустимо в конце слога и в абсолютном исходе; в этой позиции возможно только велярное [l], вариант боковой апикальной фонемы /l/, т. е. опять-таки согласная с менее напряженной артикуляцией, чем /l'/, приближающаяся к полугласной.

Отмеченные специфические особенности позиционного распределения согласных фонем португальского языка дают основание предположить, что для фонологической системы этого языка наиболее существенным, выявляющим специфику этой системы, является противопоставление по степени напряженности (напряженная/менее напряженная согласная).

В серии щелевых фонем для противопоставления s/z основным является не дифференциальный признак отсутствия или наличия голоса, а дифференциальный признак степени напряженности, так же как и для противопоставления s/š и z/ž.

При рассмотрении противопоставления, образуемого смычными p/b, t/d, k/g, на первый план для португальского языка опять-таки выдвигается противопоставление по признаку степени напряженности.

Для носовых /m/, /n/, /ɲ'/ и боковых /l/, /l'/ также существенно противопоставление по степени напряженности, а не сопутствующее ему противопоставление по месту образования.

То же самое можно сказать и о противопоставлении ḡ/g, в котором противопоставление по способу образования играет второстепенную роль.

Работ по фонологии каталанского языка ¹ чрезвычайно мало, если сравнить их число с количеством исследований по испанскому и португальскому языкам.

Это главным образом фонетическое описание каталанского. Таково описание каталанского произношения в «Грамматике» и отдельных статьях известного исследователя каталанского языка Помпеу Фабра ², фонетические труды Барнильса ³ в изданиях лаборатории экспериментальной фонетики при Каталанском институте (Institut d'Estudis Catalans). Очень подробная фонетическая характеристика содержится в «Грамматике» и других работах Бадиа Маргарит ⁴, дается краткое фонетическое описание в исторической грамматике де Моля ⁵, а также в грамматиках типа грамматик Миракля, Хили и аналогичных им ⁶.

Фонологическая интерпретация явлений каталанского произношения, по существу, дается лишь в отдельных статьях Аларкоса Льорака ⁷.

¹ Каталанский язык распространен в восточных районах Испании, Каталонии, долинах Андорры, в восточной части провинции Арагон и на большей части территории Валенсии. За пределами Испании на нем говорят во французском департаменте Восточные Пиренеи (Руссильон), на Балеарских островах и в городе Альгере на острове Сардиния.

² Pompeu F a b r a Gramàtica Catalana. Barcelona, 1956.

³ P. B a r n i l s. Статьи в ж. «Estudis Fonètics» и «Revue Phonétique».

⁴ A. M. B a d i a M a r g a r i t. Gramàtica catalana, I. Madrid, 1962; Он же в соавторстве с Armando L a c e r d a. Estudios de fonética y fonologia catalanas. Madrid, 1948.

⁵ Francisco de M o l l. Gramàtica històrica catalana. Madrid, 1952.

⁶ J. M i r a c l e. Gramàtica catalana. Barcelona, 1951; Joan G i l i. Introductory Catalan Grammar. Oxford, 1952; 1968³.

⁷ E. A l a r c o s L l o r a c h. El sistema fonemàtic del Catalán. «Archivum», III. Oviedo, 1953; Он же. La constitución del

В Советском Союзе появлялись лишь работы по истории каталанского языка ⁸ и по отдельным вопросам его грамматики ⁹.

В отличие от испанского и португальского языков, каталанский не является государственным языком, а представляет собой язык национального меньшинства, как и провансальский во Франции, но это не мешает ему функционировать в качестве письменно-литературного языка (наряду с испанским) в областях, где живут носители каталанского языка.

Являясь не только разговорным, но и письменно-литературным языком, имея не только древние, но и современные литературные традиции, он имеет все основания изучаться наряду с государственными языками Пиренейского полуострова — с испанским и португальским. Все исследователи отмечают, что в средневековый период своего существования (XIII—XV вв.) каталанский язык представлял собой определенное языковое единство, он был государственным языком Арагоно-Каталанской монархии и в основе его лежал язык королевской канцелярии Арагона, нормам которого следовали писатели того периода.

С момента присоединения Каталонии к Кастилье (XVI в.) каталанские литературные традиции ослабевают, нарушается единство норм каталанского письменно-литературного языка. Все же продолжается словарная работа по каталанскому языку.

Но действительная работа над каталанским языком начинается с XIX в., в период, который носит название каталанского Возрождения (*Renaixença*), когда начинается деятельность и появляются произведения Бонавентура Арибау (*Bonaventure Aribau* — 1833), Жоакимо Рубио и Орса (*Joaquim Rubió i Ors* — 1839) и в особенности Жасинта Вердагера (*Jacint Verdaguer* — 1845—1902).

vocalismo catalan. «*Studia philologica. Homenaje ofrecido a Dámaso Alonso*», I. Madrid, 1960; Она же. *Algunas consideraciones sobre la evolución del consonantismo catalán*. «*Miscelanea Homenaje a André Martinet*», II. La Laguna, 1958.

⁸ В. Ш и ш м а р е в. Очерки по истории языков Испании. М.—Л., 1941.

⁹ О. В а с и л ь е в а - Ш в е д е. О месте каталанского среди романских языков. «Романская филология». — «Уч. зап. ЛГУ», № 209, 1961, стр. 56—74; Она же. Каталанский язык (рукопись).

Наибольшим подъемом в области языкового самосознания отмечена вторая половина XIX в. В этот период восстанавливаются и начинают с 1859 г. функционировать в Барселоне Jocs Florals (цветочные состязания). Развертывается литературная деятельность Рубио и Орса, Мариана Агилó (Marian Aguiló), Бофаруля (Bofarull), Мила и Фонтанальса (Milà i Fontanals) и Вердагера. Стремление изучать родной каталанский язык, способствовать его распространению охватило все области, где был распространен каталанский язык.

Языковое возрождение во многом связано с именем Алковера (Alcover), основавшего журнал «*Bolletí del Diccionari de la Llengua catalana*». В начале XX в. (1906) в Барселоне по инициативе и при самом активном участии Алковера был созван конгресс, посвященный вопросам развития, нормирования и научного изучения каталанского языка. Конгресс, объединивший 3000 конгрессистов, был выражением стремления к языковому самоутверждению, а не только центром научных дискуссий. Конгресс в известном смысле положил начало признанию каталанского языка как самостоятельного романского языка, стоящего в одном ряду с другими романскими языками.

Начинается диалектологическое изучение каталанского языка работы Алковера (в 1908—1909 г.) и подготовка общего каталанско-валенсианско-балеарского словаря (*Diccionari català-valencia-balear*).

Через год после созыва конгресса создается Институт изучения Каталонии (*Institut d'Estudis Catalans*), в котором организуется специально филологическая секция. Вопрос о необходимости создания такого рода института встал на конгрессе. С момента создания Института и филологической секции его разворачивается научное изучение каталанского языка и работа по созданию норм каталанского письменно-литературного языка. Проблема нормализации была тесно связана с вопросом выработки орфографических норм, требовавших радикального пересмотра. Так появились в 1913 г. «*Normes ortografiques*». В основу их был положен в большинстве случаев этимологический принцип, который позволил за единой орфографией сохранять диалектные расхождения в произносительных нормах. Институт значительно содействует разворачиванию диалектологической работы. Был опубликован «Словарь Агилó» (*Diccionari Aguiló* — 1914—1931);

печатание «Лингвистического Атласа Каталонии» (*Atl lingüistic de Catalunya*) А. Гриеры было прервано в 1923. В настоящее время ведется работа по составлению нового атласа — «*Atlas lingüistic de domini català*» (см. сообщение Бадиа Маргарит на IX конгрессе романистов: «*Actas* II, стр. 120—125).

Все специалисты по современному каталанскому языку признают наличие в нем нескольких диалектов. Одни (Antonio M. Badía Margarit и Francisco de Moll) одинаково различают две диалектные группы: восточнокаталанскую и западнокаталанскую. По мнению Бадиа Маргарит восточнокаталанский распространен в центральной области (включая Барселону), в Руссильоне, иначе — департаменте Восточных Пиренеев во Франции, на Балеарских островах и в городе Альгере в Сардинии. Моль относит еще к восточнокаталанскому северо-восточную часть Таррагонской провинции.

К западнокаталанской группе они относят диалект Лериды и Валенсии. Франсиско де Моль включает в него диалект Андорры, восточную часть Арагона, западную часть Таррагонской провинции. Е. Аларкос Льорак¹⁰ считает возможным признать в каталанском три диалектные группы, т. е., помимо восточнокаталанской и западнокаталанской, он выделяет еще диалектную группу Балеарских островов. В качестве основных критериев для выделения именно этих диалектных групп он выдвигает два фонетических критерия:

1) Особенности безударного вокализма, а именно произношение безударных *a* и *e* в различных диалектах.

В восточнокаталанском диалекте гласные *a* и *e* в безударной позиции реализуются как нейтральное *ə*. В западнокаталанском *a* и *e* сохраняют свое звучание и в безударной позиции. Т. е. в безударном положении эти гласные сохраняют свое различие, как и в ударном положении. Кроме того, в западнокаталанском диалекте гласные *o* и *u* также различаются в безударной позиции, тогда как в восточнокаталанском (за исключением диалекта Балеарских островов) в системе безударного вокализма ударные гласные *o* и *u* представлены только одной гласной — *u*.

¹⁰ E. Alarcos Llorach. La constitución del vocalismo catalán, стр. 60.

2) Различные рефлексy латинских ē и ё.

Западнокаталанский сохраняет лат. ē (нар.-лат. е) как закрытое. В восточнокаталанском (без балеарского) этот звук отражен как [e] открытое.

Балеарский, если его рассматривать в этом плане, занимает особое место. Он различает в безударной позиции o и u, а лат. ē отражает как нейтральное [ə]. Именно эти особенности балеарской диалектной группы (главным образом диалекта Майорки) дали основание Аларкосy Льюраку выделить не две, а три диалектные группы: восточнокаталанскую, западнокаталанскую и балеарскую группу.

В одной из своих последних работ ¹¹ Льюрак указывает на то, что в различных диалектных группах каталанского языка представлены различные разновидности ударного и безударного вокализма.

Существуют еще дополнительные фонетические и нефонетические критерии разграничения диалектных групп современного каталанского языка. Это наличие следующих отличительных черт ¹²:

1) произношение гласной [ə] в абсолютном начале как [a];

2) особые окончания в 1-м и 2-м лице мн. числа наст. времени изъявит. наклонения, т. е. -am, -au;

3) сохранение в окончаниях имперфекта изъявит. наклонения согласной, восходящей к лат. -b- в окончаниях -ebam, -ibam, т. е. наличие форм -iva, -ives и т. д. и -eva, -eves и др.

Все эти черты свойственны некоторым областям западнокаталанского.

Палатализация /l'/ и преобразование этой согласной в йот /j/ — черты, отличающие только восточнокаталанский.

В качестве разграничительного критерия используются особенности оформления окончаний 1-го лица ед. числа наст. времени изъявит. наклонения ¹³. На основании это-

¹¹ E. Alarcos Llorach. La constitución del vocalismo catalán, стр. 36 сл.

¹² См.: Paul Russel G e b b e t t. Catalán oriental y catalán occidental en el nordeste de la provincia de Lérida. «IX Congreso Internacional de Lingüística Románica. Universidad de Lisboa, 31 Março — 4 de Abril 1959. Actas II». Lisboa, 1961, стр. 305—315.

¹³ F. de M o l l. Указ. соч., стр. 20.

го критерия выделяются не только восточнокаталанский и западнокаталанский, но и внутри восточнокаталанского — руссильонский и балеаро-альгерский диалекты:

Западно- каталанский	Восточно- каталанский	Руссильон- ский	Валенсий- ский	Балеаро- альгерский
cant-o	cant-u	cant-i	cant-e	cant

Наличие диалектных разновидностей не помешало выработке более или менее единых произносительных и грамматических норм общекаталанского письменно-литературного языка. В своей грамматике Бадиа Маргарит ¹⁴ утверждает, что: 1) каталанский письменно-литературный язык в основном является единообразным (unitaria); 2) он выработан на основе координации пяти наиболее распространенных каталанских диалектов с учетом достижений каталанского языка эпохи средневековья; 3) в общем употреблении общекаталанский литературный язык отождествляется с барселонской разновидностью центрального диалекта благодаря его авторитету и литературному значению в Каталонии; 4) основные расхождения общекаталанского литературного языка относятся к области произношения и фактически допускаются по всей Каталонии; 5) диалектные различия на других языковых уровнях, как, например, различные морфологические варианты, имеют лишь узкую сферу употребления; 6) на основе различий в произношении, морфологии и лексике образовались промежуточные разновидности языка (валенсийский диалект и диалект Майорки), колеблющиеся между нормами общекаталанского литературного языка и диалектными нормами. Бадиа Маргарит считает, что существование таких промежуточных разновидностей только подтверждает единство общекаталанского литературного языка.

На конгрессе романистов в 1959 г. в Лиссабоне авторы доклада о ходе работ над атласом каталанского языка отмечали два направления в развитии каталанского языка: с одной стороны, на территории Каталонии среди различных его вариантов получает все более широкое распространение общекаталанский, основывающийся на барселонских нормах; с другой — чувствуется влияние госу-

¹⁴ A. M. B a d í a M a r g a r i t. [Gramática catalana, I, стр. 18.

дарственного официального испанского языка на этот общекаталанский язык, главным образом в среде интеллигенции.

Изучение фонологической системы современного каталанского языка основывается на данных общекаталанского письменно-литературного языка, ориентирующегося на барселонские нормы, как они представлены в большей части каталанских грамматик.

Ударный вокализм каталанского письменно-литературного языка не ставит перед исследователем особо важных проблем. Он представлен тремя гласными фонемами переднего ряда и соответственно тремя гласными фонемами заднего ряда; гласная /a/ не имеет соответствующей пары:

i	u
e	o
ɛ	ɔ
a	

Вариантность ударных гласных незначительна, следует отметить лишь два варианта гласной фонемы /a/: 1) палатализованное [a'] перед палатальными согласными: [trəba'l'] treball, [fáʃə] faixe, [pa'n'sə] panxa и др.; 2) [α] заднего образования, велярное, оно встречается:

1) перед велярным [ɫ], т. е. вариантом фонемы /l/ перед следующей согласной: [malαɫ] malalt, [nətuɾαɫ] natural, [fəuɖαɫ] feudal, [kaɫɖə] calda, [maɫfat] malfat, [baɫkó] balcó;

2) в сочетании с полугласной /ɥ/: [kaɥzə] causa, [paɥ] pau, [maɥlə] maula, [ətaɥlə] etaule, [esklaɥ] esclau;

3) после групп gɥ и kɥ: [gɥan] guant, [gɥaspə] guaspa, [gɥanu] guano, [kɥazi] quasi, [kɥan] quant.

Известную сложность представляет интерпретация соотношения между ударным и безударным вокализмом каталанского языка.

Если в ударной позиции представлены все гласные фонемы каталанского языка, то в безударной выступает лишь минимальное число гласных:

i	u
ə	

Предположение, что ударный и безударный вокализ представляют собой в каталанском две обособленные системы, снимается тем, что между ударными и безударным гласными существует определенное соответствие. Тесная связь ударных и безударных гласных подчеркивается чередованиями типа:

[pagə ~ pəgá]	paga ~ pagar
[krešə ~ krəšém]	creixer ~ creixem
[plegə ~ pləgá]	plega ~ plegar
[pɔrtu ~ pɔrtá]	porto ~ portar
[kontə ~ kuntá]	conta ~ contar

Чередования показывают, что безударная слабая позиция является для ударных гласных фонем позицией нейтрализации, в которой нейтрализуются все противопоставления, свойственные им в сильной, т. е. ударной, позиции.

В безударном положении три фонемы — /a/, /ε/, /e/ — одинаково представлены звуком [ə]; фонемы /u/, /o/, /ɔ/ — вариантом [u] и только фонема /i/ одинаково выступает как в ударном, так и безударном положении. Ударный и безударный вокализм может быть представлен так:

Фонематически

фонема /i/ архифонема /u—o—ɔ/
 архифонема /a—ε—e/

Фонетически

i u
 ə -

Состав безударных гласных остается тем же как в предударной, так и в послеударной позиции.

Узкие гласные, свойственные позиции нейтрализации свидетельствуют о том, что основное противопоставление в ударном положении — это противопоставление по степени раствора:

mal/mel/mil	salva/selva/silva
mana/mena/mina	pana/pena/pina (глагол)
pala/pela/pila	paga/pega/piga
mala/mola/mula	tara/toro/turo
data/dota/duta	mato/moto/mutu

Противопоставление гласных по открытости и закрытости, как указывает Аларкос Льорак, имеет гораздо меньшую функциональную нагрузку и охватывает лишь четыре фонемы среднего подъема:

e/ɛ		ə/o	
be/be	[be/be]	bota/bota	[bətə/botə]
deu/beu	[deu/deu]	cop/cop	[kəp/kop]
feu/feu	[feu/feu]	cos/cos	[kəs/kos]
mes/mes	[mes/mes]	dona/dona	[dɔnə/donə/]
meu/meu	[meu/meu]	molt/molt	[mɔl/mol]
net/net	[net/net]	mora/mora	[mərə/morə]
seu/seu	[seu/seu]	ossa/ossa	[ɔsə/osə]
sec/sec	[sek/sek]	porca/porca	[pərkə/porkə]
veu/veu	[beu/beu]	rossa/rossa	[rəsə/rosə]

Соотношение между ударным и безударным вокализмом напоминает то, которое свойственно португальскому языку, но в этом последнем имеется несколько вариантов в зависимости от места гласной по отношению к ударению (предударная, послеударная) и от некоторых комбинаторных условий.

1. Основные противопоставления согласных фонем

Особый интерес для исследователей представляет система консонантизма каталанского языка. Ее отличает прежде всего многообразие комбинаторных вариантов, обусловленное ассимилятивными влияниями, и особенно наличие групп согласных, фонологическая природа которых далеко не выяснена.

Исследователи принимают следующий состав фонем для каталанского языка (барселонские нормы)¹⁵:

b	d		g
p	t		k
f	s	š	j
		z	ž
m	n	n'	
	l	l'	
	ɾ	ɞ	

¹⁵ v — лабиодентальная смычная согласная отсутствует в барселонском, но существует в балеарском, в Альере, валенсийском и некоторых других диалектах.

Кроме того, отмечается существование групп согласных: *ts, dz, tš, dž*. Что представляют собой эти группы (и сочетания) фонематически и каково их место среди других согласных фонем каталанского языка, еще пока определено не установлено: предлагаются различные решения. Далеко не ясен и вопрос о том, каковы основные противопоставления, определяющие систему согласных фонем.

Все эти вопросы не могут быть разрешены без предварительного фонологического анализа согласных фонем каталанского языка, и в первую очередь серии смычных и щелевых.

Смычные. В реализации этих согласных фонем наблюдается несомненный параллелизм, что позволяет рассматривать их вместе.

Звонкие смычные согласные фонемы — губно-губная /b/, зубная /d/, заднеязычная /g/ — функционируют как смычные только:

1) в начале слова после паузы (включая сюда и начальные группы *bl, br, dr, gl, gr*);

2) в определенных интервокальных группах:

b — в группах *-mb-, -bd-*;

d — » » *-ld-, -nd- (bd?)*¹⁶;

g — » » *-ng-, -mg-* (эта последняя — только в потоке речи).

Примеры:

1) /b/ — *be* [be]; *bata* [batə], *bene* [benə]; *bla* [bla]
bruixa [bruʃə], *boca* [bokə], *venda* [vendə],
bolcar [bułká];

/d/ — *desdentegat* [dəzdəntəgat], *dones* [dɔnəs], *día* [diə],
docil [dɔcil]; *drama* [dramə];

/g/ — *guix* [giʃ], *Gaya* [gajə], *guerra* [geɾə]; *gluma*
[glumə]; *grill* [gril'];

2) *-mb-* — *embalar* [əmbəlá], *embà* [əmbá], *també*
[təmbé], *canvi* [kámbi], *convidar* [kumbida];

¹⁶ На основании данных А. Бадиа Маргарит, который всегда транскрибирует /b/ в этой группе как смычную согласную. Точно так же как смычную он транскрибирует в этой группе /d/.

- bd- — (преимущественно в словах, начинающихся с ab-, ob-, sub-, в которых за [b] следует согласная [d]: *abdicar* [əbdiká], *objecte* [ubdžektə], *subdivisió* [subdibizió] и др.;
- ld- — *caldera* [kəlderə], *doldre* [dɔldrə], *dissoldre* [disɔldrə];
- nd- — *estendre* [əstendrə], *entendre* [əntendrə], *profunda* [prufundə];
- ng- — *engrandir* [əŋgrəndí], *sangonós* [səŋgunós], *sangonera* [səŋgunera], *conglutinar* [kɔŋglutiná], *congru* [kɔŋgru] и др.

Кроме того, Бадиа Маргарит дает в транскрипции /g/ как смычную в группах /gm/, /gn/, /gd/:

augment [əugmen], *cognom* [kugnəm], *maragda* [məragdə]¹⁷.

В абсолютном исходе и перед глухой согласной следующего слога все три звонкие смычные фонемы представлены глухими вариантами — /p/, /t/, /k/, т. е. совпадающими по звучанию с соответствующими глухими смычными фонемами. Например:

/b/ — *balb* [baɫp], но *balba* [balbə]; *destorb* [dəstɔrp], но *destorbar* [dəsturbá];

/d/ — *rapid* [rəpit], но *rapida* [rəpidə]; *record* [rəkɔrt], но *recordar* [rəkurdá]; *acord* [əkɔrt], но *acordar* [əkurdá]; *isard* [izart], но *isarda* [izardə];

/g/ — *castig* [kəstik], но *castigar* [kəstigá]; *amarg* [əmark] ~ *amarga* [əmargə]; *llarg* [l'ark] ~ *llarga* [l'argə]; *náufrag* [náuɫfrak] ~ *naufragar* [nəuɫfrəgá]; *pedagog* [pədəgɔk] ~ *pedagoga* [pədəgɔgə].

Перед глухой согласной:

/b/ — *obtenir* [uptəní], *obturar* [upturá], *dissabte* [disaptə], *subclasse* [supklasə], *subcostal* [supkustal], *subpolar* [suppulá];

/d/ — *adquisició* [ətkizició], *adquirir* [ətkirí], *adscriure* [ətskriurə];

/g/ — нет сочетаний с глухой согласной.

¹⁷ А. М. Бадиа Маргарит. *Gramática catalana*, I, стр. 102.

В остальных позициях, т. е. в интервокальном положении и в медиальных группах, звонкие смычные фонемы /b/, /d/, /g/ встречаются только в спирализованном звонких вариантах [b], [d], [g]:

- /b/ — rebentar [rəbəntá], saber [səbəl], dèbit [débit], prov[er] [proβəl], pluvía [plubiə], oblit [ublít], abraçar [əbrəsá], disbarat [dizbərát], fervent [fərbén];
/d/ — cadena [kədenəl], seda [sədəl], fada [fadəl]; corda [kordəl], ordir [urdí], cordill [kurdí], perdiu [perdiu];
/g/ — agonie [əgunié], regueró [rəgəró], agradable [əgrədablə], amargor [əmərǵó], aglutinar [əglutiná], llagrima [l'agrimə].

В интервокальных группах -bl- и -gl- (группа -dl- в каталанском отсутствует) звонкие смычные фонемы /b/ и /g/ одинаково реализуются в геминированных вариантах /bb/ и /gg/¹⁸:

- /bb/ — poble [pəbbəl], dexeible [dəšebbəl], probable [prubəbbəl], desagradable [dəzəgrədəbbəl], establir [əstəbblí], public [pubblik];
/gg/ — segle [seggəl], regle [rēggəl], joglar [ʒugglá].

Геминированный вариант [bb] возникает и в тех случаях, когда встречается интервокальная группа -db-. В этой позиции фонема /d/ представлена смычным вариантом /b/, например: advocar [əbbuká], advent [əbben].

Глухие смычные фонемы — губно-губная /p/, зубная /t/, заднеязычная /k/ — не имеют спирализованного варианта и везде, во всех позициях, остаются смычными.

Они встречаются: 1) в начале слова, 2) в интервокальном положении, 3) в медиальных группах перед глухой согласной, 4) в абсолютном исходе. В отличие от звонких смычных фонем, одни только глухие смычные /p/, /t/, /k/ допустимы в абсолютном исходе. Но они исключаются

¹⁸ В валенсийском диалекте группа -bl- представлена как /bl/, т. е. не геминированным вариантом, а спирализованном (F. de Moll. Указ. соч., стр. 136). В барселонском же диалекте в разговорной речи есть тенденция звонкие геминированные варианты заменять глухими /pp/, /kk/ — [sekkəl], [rəppəl].

в некоторых двучленных группах конца слова, а именно таких, как -lt, -nt, -nk, -mp (= -t, -n, -ŋ - m). В произношении сохраняется лишь первый элемент группы, что подтверждается рифмами современных каталанских поэтов¹⁹:

esvelt : cel (стр. 261); revolt : vol (стр. 331);
front : pregon (стр. 481); vivent : distén (стр. 488);
front : Ramon (стр. 506); xiulant : Pan (стр. 508).

Согласные /p/, /t/, /k/ исключаются также и в трехчленных группах конца слова, большей частью образующихся в результате присоединения к слову показателя множественного числа -s:

/p/ — -lps, -mps [> -ls], ms, [> ns];
/t/ — -lts, -rts, -nts, -sts [> ls, -rs, -ns, -ts];
/k/ — -lks, -rks, -nks [> -ls, -rs, -ns].

См. рифмы современных каталанских поэтов:

ducals : malalts (стр. 386); pols : molts (стр. 312);
fumejants : mans (стр. 509); l'arç : cobards (стр. 302);
valors : desconsorts (стр. 555); ensens : temps (492);
aquests : Pastorets (стр. 232).

Перед звонкими согласными (последующего слога) фонемы /p/, /t/, /k/ систематические отсутствуют. В этой позиции представлены лишь звонкие смычные /b/, /d/, /g/, например:

- 1) capdavall [kabdəbal'], capbuitada [kabbutaðə], hipnòtik [ibnòtik];
- 2) aritmètica [əridmètikə], atmosfera [ədmusferə], admosfèric [ədmusferik];
- 3) anècdota [ənəgdutə], acme [agmə], sinècdoque [sinəgdukə], dracme [dragmə].

Так же как /b/ и /g/, глухие смычные /p/ и /k/ после гласной и перед /l/, т. е. в группах -pl-, -kl-, реализуются в геминированных и озвонченных вариантах /bb/ и /gg/:

triple [tribblə], múltiple [múltibblə]; article [ərtiglə], miracle [miragglə] и др.

¹⁹ Примеры берутся из кн.: «Poesia catalana del segle XX». Изд. Joaquim Molas и Josep M. Castellet. Barcelona, Edicions 62, 1963.

Кроме закономерностей позиционного распределения
свойственных всем глухим смычным, есть закономерности
отличающие отдельные глухие фонемы. Так, фонема /t/
исключена перед l и l'; в этой позиции группы tl,
tl' представлены геминированными согласными ll
и l'l':

atlantic [əllantik], atlant [əllan], atlas [əllas], atleta
[əlletə], atlotada [əllutadə], espatla [əspal'l'ə], motllo
[mol'l'u], titllar [til'l'á].

Недопустима группа -kn-, она заменяется группой [-ɲn-]:

tekníc [teɲnik], estricnina [əstriɲninə], arácnid [əraɲnit],
icnografía [iɲnugrafíə].

Все смычные согласные фонемы образуют между собой
противопоставления в двух позициях: 1) начальной и
2) интервокальной:

p/b

paca/baca	capaç/cabas
parra/barra	capot/cabot
pillar/billar	apellar/abellar
perro/borro	copal/cobalt [kɔpəl]/
plat/blat	[kɔbəl]
pua/bua	sapa/saba
planor/blanor	tapa/taɓa
parva/barba	

t/d

tall/dall	atiar/adiar
tallar/dallar	batall/badall
tinár/dinar	batallar/badallar
total/dotal	cota/coda
	dita-dida

k/g

cala/gala	paca/paga
calda/galda	saca/saga
call/gall	seca/sega
callada/gallada	soca/soga
colós/golós	toca/toga
clot/glót	

Все эти противопоставления нейтрализуются в одинаковых условиях:

1) перед следующей глухой согласной (смычной или щелевой — безразлично);

2) в абсолютном исходе. В этих позициях допустимы только глухие согласные — p, t, k;

3) перед звонкими согласными. В этом случае возможны только звонкие смычные — b, d, g.

Помимо этого, противопоставление p/b и k/g нейтрализуется в группах -pl- и -gl-, где реализуются звонкие согласные в геминированных вариантах -bbl- и -ggl-.

Дифференциальный признак, лежащий в основе противопоставления, наиболее точно может быть определен в позиции нейтрализации, в которой выступает немаркированный член. Но показательна не всякая позиция нейтрализации, а лишь та, где нет влияния фонетического окружения. Такой позицией в данном случае является абсолютный исход. В абсолютном же исходе в каталанском языке встречаются только глухие смычные /p/, /t/, /k/. Следовательно, смычные согласные каталанского языка противопоставляются по признаку наличия или отсутствия голоса (звонкая/глухая). Это подтверждается и тем, что при противопоставлении в интервокальном положении смычные /b/, /d/, /g/, теряя признаки смычности (в этой позиции, как уже отмечалось, они реализуются в спирантизованных вариантах), продолжают сохранять признак наличия голоса, т. е. остаются звонкими.

В тех случаях, когда возможно прояснение, т. е. существуют живые чередования, они позволяют определить принадлежность согласной, выступающей в позиции нейтрализации, к той или иной фонеме. Например, чередования типа

calba	/b/	~	calb	[p],
rapida	/d/	~	rapid	[t],
amargar	/g/	~	amarg	[k]

показывают, что /p/, /t/, /k/, появляющиеся в позиции нейтрализации, представляют собой варианты фонем /b/, /d/, /g/. Тогда как чередования типа

cop	~	copejar,	gat	~	gatejar,
serp	~	serpeta,	suc	~	sucós

свидетельствуют о том, что смычные /p/, /t/, /k/ в позиции нейтрализации в приведенных словах являются уже вариантами фонем /p/, /t/, /k/.

В каталанском языке, как и в других языках, не все возможно установить принадлежность звука к определенной фонеме. Такой позицией для смычных в каталанском является медиальная позиция перед следующей согласной.

Так, в словах типа *obtenir* [uptəní], *adquirir* [ətkirí] и подобных ни /p/, ни /t/ не могут быть переведены в сильную позицию. Поэтому в подобных случаях мы можем рассматривать в позиции нейтрализации /p/ как вариант архифонемы /p — b/, а /t/ — как вариант архифонемы /t — d/.

Щ е л е в ы е — /f/, /s/, /š/, /z/, /ž/, /y/.

Глухие щелевые — альвеолярная /s/ и палатальная /š/²⁰ — встречаются:

1) в начале слова, 2) в интервокальном положении, 3) в медиальных группах, но в них их позиционное распределение различно: /s/ в качестве первого элемента представлено в группах *sp*, *st*, *sk*, *sf*, *sš*, а /š/ в этой позиции совсем исключено. В качестве второго элемента /s/ выступает в группах *fs*, *ns*, *ls*, *rs*, а /š/ — в группах *sš*, *n'š*, *l'š*, *rš*; 4) в абсолютном исходе.

Примеры:

s	š
1) <i>sé</i> <i>sel</i> , <i>sorra</i> , <i>sec</i> , <i>suro</i> , <i>suscitar</i> , <i>cinc</i> <i>salat</i> , <i>solitud</i> .	<i>xamos</i> , <i>ximple</i> , <i>xafec</i> , <i>xocolata</i> , <i>xoc</i> , <i>xarol</i> , <i>xalar</i> , <i>xiprer</i> , <i>xifra</i> , <i>xic</i> .
2) <i>cassar</i> , <i>passa</i> , <i>arrabassada</i> , <i>assolellada</i> , <i>cassa</i> , <i>apassionada</i> , <i>massa</i> .	<i>luxe</i> , <i>feixuc</i> , <i>caixa</i> , <i>clixé</i> , <i>rauxa</i> , <i>disbauxa</i> , <i>abaixa</i> , <i>gruixut</i> , <i>coneixença</i> .

²⁰ В каталанском языке эта согласная (как и ее звонкая пара /ž/) — мягкая, о чем говорит тот факт, что перед /š/ и /ž/ происходит нейтрализация противопоставлений *l/l'* и *n/n'*. Перед /š/ возможны лишь палатальные *l'* и *n'*: *panxa* [pan'še], *clenxar* [klən'šá], *algebra* [al'žəbrə].

3а) В качестве первого элемента двучленной группы:

vespa, graspalla, /š/ исключена.
destacar, disquisició,
desfilar, desxifrar.

3б) В качестве второго элемента медиальной группы:

dansa, alçar, alció desxifrible, planxa,
salsa, perseverar, gronxa, marxar, forxo.
sarsa.

4) mes, gras cabàs, bordegas, eix, peix, gaig, gruiх,
domas, reclòs, boix, coix, mateix ²¹.

Особенностью каталанского языка является то, что фонема /s/ недопустима в группах ps и ks; в этом положении она представлена своим вариантом ts (что представляет собой ts фонологически, будет рассмотрено ниже):

ps — observar [uptsərbá], eclipsi [ækliptsi], absència [əp-tsensiə], subsistir [suptsistí], corrupció [kuɾuptsió];
ks — coaccio [kuəktsió], sacsó [səktsó], perfecció [pərfək-tsió], dilecció [diləktsió].

Аларкос Льярак дает два варианта произношения: с сохранением и без сохранения [p], т. е. [uptsərbá] и [utsərbá] observar.

Фонема /š/ в группах pš, kš не встречается совсем.

Звонкие щелевые — альвеолярное /z/ и палатальное /ž/ — реализуются:

1) в начале слова (/z/ представлена слабо), 2) в интервокальном положении, 3) в медиальных группах — их позиционное распределение различно, как это наблюдается и в отношении /s/ и /š/; фонема /z/ представлена: а) в группах zb, zd, zg, zž, zm, zn, zl, zl', zġ. Между тем фонема /ž/ вообще не встречается в каталанском как первый элемент медиальной группы, т. е. в импловивной позиции; б) вторым элементом /z/ входит в группы nz, lz, rz, а /ž/ — в группы zž, n'ž, l'ž, rž.

В абсолютном исходе звонкие щелевые /z/, /ž/ совершенно исключены.

²¹ /š/ обозначается на письме через x, ix после гласных a, e, o, u.

Позиционное распределение /z/ и /ž/

z

ž

1) zel, zas, zero, zinc,
zulu, zènit, zoologia,
zone, zèfir, zelar.	geni, joiós, germà, jagut
gir, geliu, gent, geminar,
jaient, ja, gemec, jute,
2) casar, usura, casa,
ase, alosa, visite.	agençats, ajacar, dejuni,
naufragi, fumejants, privile
gi, pluja, picotejar.

3а) В качестве первого (импловивного) элемента двучленной группы согласных:

desvorar, desdejuni, desgracia, desjuntiu, esmentar, esnarigar, deslavar, deslluir, israelita. фонема /ž/ исключена в этой позиции.

3б) В качестве второго (эксплозивного) элемента группы:

enze, enzym, calze, disjunt, emmelangir, esponja,
colze. aljub, algerí, argent, virginitat.

Фонема /z/ в интервокальной группе gz представлена вариантом dz:

exaltar [ægdzəltá], exemple [ægdzemplə], ex-libris [ægdzlibris], но в этой позиции возможен и вариант ts²² — axioma [ægtsiomə], flexió [flegtsió].

В абсолютном исходе и перед глухой согласной встречается только вариант ts: index [indegts], complex [cuml-egts], prolix [prulígtts], а также mixta [migtstə]. Бадиа Маргарит²³ указывает, что в медленной речи gts может оглушаться в kts, в быстрой речи заднеязычное /g/ заменяется вариантом [g̊] (т. е. g̊ts и g̊dz).

Фонема /ž/ в группах -bž- и -dž- представлена в варианте dž:

bz — capgirar [kabdžirá], capgirell [kabdžirel'], objecto [ubdžektə], abjecto [əbdžektə], subjectiu [subdžəktiú], subjuntiu [subdžuntíu], subjugar [subdžugá] и др.;

²² А. М. Бадиа Маргарит. Gramática catalana, I, стр. 103—104.

²³ Там же.

dž — adjunct [əddžun], adjectiu [əddžəktíu], adjacent [əd-
džəsén], adjudicar [əddžudiká].

Щелевые фонемы образуют противопоставления по признаку отсутствия или наличия голоса, т. е. по тому же признаку, что и смычные согласные.

Не принимает участия в противопоставлении лишь губно-зубная фонема /f/, встречающаяся: 1) в начале слова, 2) в интервокальной позиции, 3) в медиальных группах и 4) в абсолютном исходе (после гласной и после согласной):

fam, foguera, formiga; afinament, cafè, difús, enfilà; aftós и др.; baf, apòcrif, fotògraf, telègraf.

Она не имеет звонкой пары, написание *v* обозначает фонему /b/. Фонема /f/ реализуется в варианте /v/ перед последующими звонкими согласными, например afganès [əvgənəs].

Таким образом, в каталанском языке можно говорить о противопоставлении *s/z*, *š/ž* (глухая /звонкая щелевая). Они противопоставляются в трех позициях: 1) в начале слова, 2) в интервокальном положении и 3) в медиальных группах, где они являются вторым (иначе эксплозивным) элементом:

s/z ²⁴

1) cinc/zinc [siŋ/ziŋ], sona/zona [sonə/zonə];

2) bassa/basa [basə/bazə], cassa/casa [kasə/kazə], basal/basalt [bəsał/bəzał], celar/zelar [səlá/zəlá], cassar/casar [kəsá/kəzá];

3) salsa/salza [salsə/salzə], calça/calza [kalsə/kalzə], falsilla/falzilla [falsil'ə/falzil'e, bronsa/bronze [bronsə/bronzə].

Потенциально возможно и противопоставление *rs/rz*.

š/ž ²⁴

1) xo/jo [šo/žo], xerra/gerra [šerə/žerə], xerrada/gerada [šəradə/žəradə], xisca/gisca [šiskə/žiskə], xegant/gegant [šəgan/žəgan];

2) baixa/baja [bašə/bažə], faixa/faja [fašə/fažə];

²⁴ В барселонском говоре есть тенденция оглушать начальное и интервокальное [z], т. е. употреблять вместо него [s], например: sona вместо zona, tupási вместо tupázi (А. М. В а д í а М а r g а r и t. Gramàtica catalana, I, стр. 86).

3) enxubat/enjovat [ənʃubat/ənʒubat], puixant/pujan [puʃan/puʒan].

Потенциально возможны того же типа противопоставления, что и для /s/ и /z/, т. е. lš/lž, nš/nž, rš/rž.

Противопоставления щелевых по глухости и звонкости нейтрализуются: 1) в абсолютном исходе, 2) перед глухой и 3) звонкой согласной.

В абсолютном исходе произносятся только глухие согласные /s/ и /š/ — звонкие совершенно исключены:

absés, adés, braç, gres, mas, brinós, cas, esmús, fris, arrapadís, guix, eix, atabuix, boix, baix, caluix, coix, deix, goix, queix и др.

Перед глухой согласной в каталанском языке допускается только глухая щелевая /s/, а перед звонкой — лишь звонкая /z/:

s — esclat [æsklat], escolar [æskulá], gust [gust], instant [instan], tempesta [tæmpestə], esperance [æspersansə], desxifrar [dæššifrá];

z — desbrancar [dæzbranká], esbossar [æzbusá], desviu [dæzbíu], asbest [æzbest], esdentar [æzdəntá], esglai [æzglai], esguard [æzɡuart], esma [ezmə], audaçment [əʊdazmén], feliçment [fəlizmen].

В абсолютном исходе большею частью есть возможность определить, вариантом какой фонемы является глухая щелевая, используя для этого живые чередования, например: в слове frisar [z] ~ fris [s] [s] представляет собой вариант /z/ в позиции нейтрализации, тогда как в словах braç [s], esmús [s] глухая щелевая — это вариант фонемы /s/, ср. esmussar /s/ и abraçar /s/.

Вне противопоставления по звонкости и глухости стоит щелевая палатальная /y/, встречающаяся: 1) в начале слова и 2) в интервокальной позиции:

*1) iòdic [yɔ̀dik], iol [yoʎ], ion [yon], iuca [yukə], iota [yotə], ionitzar [yunidzá], ionització [yunidzəsió] и т. п.;

2) joia [žəyə], еропеia [əpυpəyə], iode [yɔ̀də], iambe [yambə], boia [bɔyə], хеменеia [šəməneyə].

Возможен факультативный вариант с аффрикацией [ɣ], преимущественно в абсолютном начале слова (а также и в потоке речи), например:

ɣunidžəsió (ср. ту же форму выше), [ɣɔ̀də], [ɣambə] и т. д.

Н о с о в ы е фонемы — билабиальная /m/, альвеолярная /n/ и палатальная /n'/ — встречаются в каталанском: 1) в начале слова, 2) в интервокальной позиции, 3) в абсолютном исходе и 4) в медиальных группах согласных.

Фонема /n'/, в отличие от /m/ и /n/, в начале слова встречается весьма редко. Словарь Торреллас^{24а} дает всего 23 слова, начинающихся с /n'/. Но она очень широко представлена в интервокальном положении и в абсолютном исходе.

Примеры:

- 1) /m/ — *marxa, major, migrar, mido* и мн. др.;
 /n/ — *natural, net, negatiu* и др.;
 /n'/ — *nyafa, nyam, nyar, nyaufar, nyoca, nyonya* и др.;
- 2) /m/ — *llàstima, demostrar, amargor, examen, fama, gemir*;
 /n/ — *pena, dona, venir, penós, higiene, menar*;
 /n'/ — *afanyar, manyar, anyada, penya, anyella, muniyo, ginyós*;
- 3) /m/ — *fum, fam, brum, cim, llamp* (р только на письме) и др.;
 /n/ — *con, ren, mon, parent, adjacent* (t лишь на письме);
 /n'/ — *any, greny, geny, bany, cuny, dany, puny, seny*;
- 4) фонемы /m/ и /n/ встречаются очень часто в медиальных группах как в качестве первого элемента (закрывающего слог), так и второго (открывающего). Что касается фонемы /n'/, то ее встречаемость в этой позиции сильно ограничена (группами n's, n'ž, n'l' и l'n').

Примеры:

- /m/ — *capmall [bm], atmosfera [dm], cadmic [dm], civisme [zm], acme [gm], immens [mm], enmig [əmmits], calma [lm], corma [rm]; llampar [mp], tomba [mb], enfardar [mf], solemne [mn], somriu [m̄r], cromlec [ml]*;
- /n/ — *subnota [bn], adnat [dn], cognomen [gn], esnovar [zn], damnós [mn], innocent [nn], balneari [ln], ullnegre [l'n]; contar [nt], conducte [nd], llengua [ɲg], consell [ns], bronzir [nz], enlairat [nl], enllacat [n'l'], enraono [ən̄raonu], tancat [ɲk]*;

^{24а} «Diccionari català-castellà», сост. A. Albert Torrellas. Barcelona, 1959.

/n'/ — manxa [n'š], panxa [n'š], menjo [n'ž], espon [n'ž], gínjol [žinžut], enllaç [n'l'].

Все три носовые согласные образуют двойные и тройные противопоставления по месту образования, например:

n'/n

bany/ban; nyap/nap; anyella/anella

m/n/n'

cama/cana/canya;
mamar/manar/manyar;
amada/anada/anyada;
afamar/afanar/afanyar.

Противопоставление n'/n нейтрализуется в медиальной группе перед палатальными согласными. В этой позиции может быть представлена только согласная n' (примеры см. выше).

Противопоставление m/n нейтрализуется:

а) перед согласными t, d, k, g, s, z — встречается только /n/, а /m/ исключается. Перед k, g /n/ возможно лишь в варианте [ŋ]:

comte [kontə], premsa [prensə], tancat [təŋkát] и т. п.;

б) перед /m/, /p/, /b/ исключается /n/ и допускается только /m/:

canvi [kámbi] prudentment [prudəmmén], granment [grammén].

По-видимому, в настоящее время есть основание говорить о существовании в абсолютном исходе (а не везде), т. е. в словах типа conc [kon], junc [žon], reng [řen], blanc [blan] самостоятельной фонемы /ŋ/. Прежде в этой позиции звучала согласная [k], орфографически c и g, и следовательно, существовала группа [ŋk].

В настоящее время конечное [k] исчезло из произношения, но n продолжает транскрибироваться как веларное [ŋ]. Возникает возможность противопоставления n/ŋ (в абсолютном исходе), например:

con/conc [kon/kon]
ren/reng [řen/řen] и др.

А. Бадиа Маргарит²⁵ признает существование в каталанском языке в абсолютном исходе противопоставлений типа:

sant/sang}	n/ŋ	bany/banc}	n'/ŋ
fan/fang}		reny/reng}	
fon/fonc}		feny/feng}	

И все же, по его мнению, нельзя говорить о фонеме /ŋ/ в каталанском языке. В качестве аргументов, подтверждающих его точку зрения, он приводит следующие:

1) согласные /k/ и /g/ звучат в потоке речи в тех словах, в которых они отсутствуют в абсолютном исходе, например: sang i fetge, blanc i negre;

2) Согласные /k/ и /g/ появляются в производных словах, например: sanguinari (ср. [saŋ] — орфографически sang), fangar (ср. [faŋ] — орфографически fang) и др.;

3) В сознании говорящих /k/ и /g/ наличествуют, хотя они и не произносятся в абсолютном исходе после носовой согласной.

На это можно возразить, что наличие противопоставлений n/ŋ, n'/ŋ в абсолютном исходе уже говорит о том, что в этой позиции /ŋ/ является фонемой, так как обладает смыслоразличительной силой.

Что же касается появления согласных /k/ и /g/ в производных словах, то оно свидетельствует о том, что фонема /ŋ/ исключается в интервокальном положении в каталанском языке, но не обозначает того, что этой фонемы нет в абсолютном исходе.

Б о к о в ы е фонемы — альвеолярное /l/ и /l'/ палатальное. Фонема /l/ имеет в каталанском несколько веллярный оттенок^{25а}. Она свойственна: 1) начальной позиции (в абсолютном начале встречается в небольшом количестве слов), 2) интервокальной позиции, 3) в абсолютном исходе, 4) в медиальных группах:

1) labor, larva, lauda, liminar, liro, lis; ablar, ablar, ablar, ablar, ablar, ablar;

2) escola, enfile, malícia, salut, salar, saginar;

²⁵ А. М. Бадиа Маргарит. Problemes de la commutació consonàntica en català. «Boletim de Filologia», t. XXI (1962—1963), fasc. 3 и 4. Lisboa, 1965, стр. 295—296.

^{25а} А. М. Бадиа Маргарит. Gramàtica catalana, I, стр. 89 и прим. 53 к этой странице.

3) miracle, circumlocució, circumloqui, parlar, perlat perli, deslavar, discolació, discolar, sulfit, jungla, esglai temple.

Вариант [l], т. е. велярное l, появляется тогда, когда фонема /l/ оказывается перед последующей согласной или в абсолютном исходе:

alfit, alga, aldea, almenys, almària, alna, alpi, ùltim, alta, moldre [mɔldrə], voltas [boltəs], alcassar [əɫkasə]; mal [maɫ], cul [kuɫ], sal [saɫ], cel [seɫ], pel [peɫ].

В двучленной группе /ll/ оба элемента представлены фонемой /l/, вариант [ɫ] как первый элемент группы исключается:

caretel.la [kəɾetellə], xarel.lo [ʃərellu], al.ludir [əɫluɖi], col.lodió [kulluɖiɔ], il.legall [illəgaɫ], mil.lèsim [millézim], bel.licós [bèllikós].

Палатальная боковая фонема /l'/ имеет то же позиционное распределение, что и фонема /l/, но в абсолютном начале встречается гораздо чаще, чем фонема /l/:

в абсолютном начале: llac, llaç, llama, llapó, llavi, lloc, llec, lletra, lleu, llima, llisar, llum, llibre;

в интервокальном положении: palla, brillar, cella, cavalló, abella [əbəl'ə], agulla [əguɫ'ə], fillada, ballar, allau;

существует и интервокальная геминированная фонема /l'l'/, таковы формы типа ametller [əməl'l'é];

в конечном положении (в абсолютном исходе): vall [bal'], vull [bul'], fill [fil'], aquell [əkəl'] clavell; [kləbəl']/pell [peɫ'], treball [trəbal'], cordill [kurdil'];

в медиальных группах: ullcluc [l'k], ullblau [l'b], ullnegre [l'n], ullprenedor [l'p], collpelat [l'p], colltorçar [l't]; enlleir [n'l'], enllardar [n'l'], enlletrat [n'l'], enlloror [n'l']; perllongar [rl'], perllongament [rl'] dessloar [zl'], desllogar [zl'], deslluir, desllustrar [zl'].

Как видно из примеров, /l'/ может в каталанском языке быть как первым, так и вторым элементом медиальной группы согласных.

Фонема /l/ и ее вариант [ɫ] могут противопоставляться фонеме /l'/; это противопоставление особенно часто реализуется в первых трех указанных выше позициях:

bala/balla (от ballar), filada/fillada, pala/palla, fil/fill [fiɫ/fil']; ful/full [fuɫ/ful']; lama/llama, lapó/llapó, letó/lletó и др.

Противопоставление /l/ нейтрализуется в медиальных группах перед последующей палатальной, потому что в этой позиции может быть только фонема /l'/, смягченное, например: *algerí* [əl'žərí], *àlgebra* [ál'žəbrə].

Д р о ж а щ и е согласные. Каталанский, как и другие иберо-романские языки, имеет две альвеолярные дрожащие согласные: фонему /r/ одноударное и фонему /r̃/ многоударное, с многократной вибрацией.

/r/ — встречается главным образом: 1) в интервокальном положении, а также 2) в медиальных и конечных группах, в которых /r/ является первым элементом группы согласных. Эта фонема совершенно исключается в абсолютном начале слова (за исключением начальных групп, в которых /r/ входит как второй элемент группы) и отсутствует, за редкими исключениями, о которых будет сказано ниже, в абсолютном исходе слова.

Примеры:

1) *sara, marejar, deure, bari, corona, carena, esgarip, natural, perifèric*;

2) *droga, creu, trampa, gredós, grill, brama, brida; fraro, prestar, litre, sostre; arcaic, sarja, argot, arlequí, armeni, arna, arpa, arquet, arsenal, arç, polimorf, art; abrupte, acréixer, adreçar, afrontós, bodris, safra, sacre, reprobar*.

Фонема /r/ исключается: 1) в группах -lr-, -mr-, -nr-, -zr-, где единственно возможной фонемой является многоударное /r̃/; 2) в конечной группе -rs, например: *baixadors* [bəʃədós], *espolsadors* [əspuʎsədós]. Ср. также рифмы современных поэтов ²⁶:

clos : flors (337); *plors : reclòs* (337); *només : mariners* (377); *gras : altars* (446); *Jesus : segurs* (492);

3) как правило отсутствует в абсолютном исходе слов, т. е. в инфинитивах на -ar, -ir, -er, в существительных и прилагательных на -er — типа *àlbe(r), leuge(r), dolo(r), madu(r)*, в именных суффиксах -ar, -er, -or, -dor. Однако грамматики указывают на то, что существует ряд слов, в которых конечное /r/ с однократной вибрацией все же произносится ²⁷:

mar, far, cor, sospir, amor, tresor, autor, estor, candor, rubor, angular, singular, particular, triangular.

²⁶ «Poesia catalana del segle XX». Barcelona, 1963.

²⁷ A. M. Badià Margarit. *Gramàtica catalana*, I, стр. 92; J. Miracle. Указ. соч., стр. 69.

Факультативным является произношение /r/ в медиальной группе -rbr- и в словах типа *prendre* и его производных. В разговорной речи есть тенденция эту фонему не произносить, например: *arbre* [abrə], *arbret* [əbrət]; *prendre* [prəndrə], *comprendria* [kumpəndríə] и др.; но в книжных образованиях типа *arbreda* [ərbrədə], *arbrisso* [ərbrísó], а также в формах глаголов типа *prendre*, во избежание смещения таких форм, как *desprendre* и *desprendre*, фонема /r/ в произношении сохраняется.

Фонема /r̄/ встречается: 1) в абсолютном начале слова (где исключено /r/) и 2) в интервокальном положении. Что касается медиальных групп, то /r̄/ реализуется лишь в четырех: m̄r̄, n̄r̄, l̄r̄, z̄r̄ (выступая вторым элементом группы). Примеры:

1) *rambla*, *rónec*, *ram*, *ros*, *rem*, *roca*, *rialla*, *rima*, *redempció*, *rosca*, *recó*, *rústec*, *rebentada*, *riquesa* (везде /r̄/);

2) *arròs*, *barroca*, *carreta*, *derrota*, *ferro*, *garrell*, *terra*, *parra*, *sorra*, *garrí*, *marrec*, *xerrac*, *xerròs*, *arritmia*;

3) *somriu*, *somriure*, *colrat*, *folrar*, *folradura*, *folro*, *conreu*, *Israel* [= izr̄æɫ].

Несовпадение в ряде случаев позиционного распределения фонем /r/ и /r̄/ не означает, что они находятся в отношении фонемы и варианта, так как есть позиция, в которой они образуют довольно многочисленные противопоставления, — это интервокальное положение:

careta/carreta, *bari/barri*, *barat/barrat*, *marit/marrit*, *mirada/mirrada*, *mira/mirra*, *mora/morra*, *garota/garrota*, *para* (от *parar*)/*parra*, *parell/parrell*.

Из краткого описания специфики каталанских согласных фонем как в плане их реализации, так и в плане их сочетаемости, можно видеть, что противопоставление по признаку наличия или отсутствия голоса (глухая/звонкая) является основным для каталанского консонантизма. Это противопоставление распространяется на все серии фонем (смычные, щелевые, аффрикаты). В позиции нейтрализации, наиболее свободной от ассимилятивных воздействий (в абсолютном исходе), всегда встречаются только глухие согласные фонемы: смычные /p/, /t/, /k/; щелевые /f/, /s/, /š/; аффрикаты /ts/, /tš/ ²⁸.

²⁸ Аффрикаты условно обозначаются через диграф.

Исключение, естественно, составляют те серии согласных, которые нейтральны в отношении признака наличия или отсутствия голоса, т. е. носовые, боковые и дрожащие фонемы.

Боковые и носовые согласные противопоставляются по месту артикуляции. Для боковых характерно противопоставление альвеолярная/палатальная, а для носовых — билабиальная/альвеолярная/палатальная. Дрожащие, по мнению Аларкоса Льорака, противопоставляются как напряженная/ненапряженная и одновременно как звонкая/глухая.

2. Геминаты и их роль в системе согласных фонем

Как видно из анализа фонемного состава каталанского языка, ему в определенных позиционных условиях (в отличие от испанского и португальского языков) свойственны геминированные согласные.

Они встречаются, как явствует из предыдущего изложения, в серии смычных, носовых (т. е. тоже смычных) и боковых. Однако было бы ошибочным давать одинаковую фонологическую интерпретацию всем типам встречающихся в каталанском языке геминат.

Рассмотрим геминированные /b/ и /g/ в словах *probable* [prubablə], *triple* [tribblə], *jeroglific* [žərugglifik] и подобных им. Совершенно очевидно, что геминированные /b/ и /g/ обусловлены позиционно, т. е. возникают в определенных комбинаторных условиях (в интервокальных группах -bl- и -gl-). То, что удвоенные /b/ и /g/ являются геминированными вариантами фонем /b/ и /g/, находит подтверждение и в особенностях позиционного распределения согласных в каталанском.

Структура трехчленных медиальных групп согласных обнаруживает определенные закономерности. В каталанском языке возможны лишь трехчленные медиальные группы типа:

1. Согласные m, n, r [r] или l + двучленная группа, единственно допустимая в начале слова, типа pl-, bl-, br- и т. п., т. е.:

-ndr- — *condret*, *condrlna*, *endrec*, *endreça* *endreçament*,
 endret, *endropir*, *mandra*, *mandrejar*, *mandrí*;
-ngl- — *englanat*, *englantina*, *englobar*, *englotir*, *inglos-*

- sable, conglobació, conglobar, conglomerar, conglomérat, conglutinació, conglutinar;
- ngr- — congrera, congrés, congruència, congruista, congruïtat, engrallar, congriar, engranall, engranar, engranatge, engrandir, engranerar, engrapar, engravar, engredar, engreix, ingraduable, ingrát, ingratitud, ingrés, ingredient;
- ntr- — contraatac, contrabeix, contrabarra, contraclaror, contracop, intractable, intradós, intraduïble, intranquil, intrèpid, intrigar, intrinsec, introit, intrús, entranja, entrapar, entrar, entre;
- nfr- — infracció, infrangible, infructuós, confraria, confraternal, confront, confrontant, confrontació, enfront, enfredar, enfrenar, enfredolicar;
- nkl- — conclús, conclave, concloent, concloure, conclaparse, enclanotrar, enclavar, enclavillar, enclètxar, enclític, inclemència, inclement, inclinació, inclinar, inclit, inclas, inclusiu;
- nkr- — incrossant, increat, incrèdul, increïble, increment, increpar, incruent, incrustar, incriminar, encrespament, encrespar, encrestarse, encreuar, encruar, encrocar;
- mpr- — compra, comprar, compresa, comprimir, compromís, comprovar, empresa, empresonar, emprestar, empriu, emprova, emprovar, emprivar;
- mbr- — embragar, embrancar, embranzida, embravir, embriac, embrió, embrocar, embrolla, embrollós, combregador, combregar;
- mpl- — complaença, complanta, complaure, complectiu, complet, completer, còmplice, compliment, complir, complot, emplaçar, emplàstic, emplastre, emplenar, emplomat, emplorallat;
- mbl- — emblancar, emblanquir, emblar, emblema, emblemàtic;
- mfr- — emfràctic, emfraxi, confrontació, confrontat, confrontar, confraternal, confraternitat, confraternitzar;
- mfl- — conflagració, confluent, conflicte, inflar, conflui, inflació, inflamable, inflexible, inflexió, inflicció, infligar, inflor, influïble, influx, circumflex;
- 2) /l/ — -lpr-, -ltr-, -lkr-; /r/ — -rpr-, -rtr-, -rkr-, -rpl-
 -ldr-, -lgr-; -rbr-, -rdr-, -rgr-, (-rbl-)
 l'kl -rkl-, -rfl-
 -rfr-

Примеры:

malprende, maltractar, maltrat, maltractament, molde, doldre, valdre, absoldre, dissoldre, malcremat, malcriadesa, malcriar, malcriat, malgrat, ullcluc [l'kl];

intèrpret, interpretador, interpretar, superproducció, pertret, hipertròfia, artritic, artrisme, intertropical, perdre, arbre²⁹, arbrar, arbreda, arbrell, arbrisso, marbre, marbrejar, marbrenc, marbrera, marbrista, perdre, perplex, perplexament, perplexital, interplanetariu, perclorat, percloric, encerclar, cercle, superflu, supèrfluament, superfluitat и др.

По-видимому, потенциально возможны все трехчленные группы с г- и л-, кроме, конечно, -rtl- и -rdl-.

2. Щелевая согласная /s/ или /z/ + начальная двучленная группа типа pr-, br- и т. д. Возможны следующие сочетания:

/s/ — -spr-, -str-, -skr-, -sfr-	/z/ — -zbr-, -zdr-, -zgr-
-spl-, -skl-, -sfl-	-sbl-

Существующее распределение согласных /s/ и /z/ определяется тем, что как двучленные, так и трехчленные группы согласных должны быть одинаковы по звонкости или глухости.

Примеры:

-spr- — espremedora, esprémer, espremuda, esprimatxar-se, esprimatxat, despresa, desprestigi, desprevingut, desprofit, desproveir, desproveït;

-skr- — descrèdit, descrestar, descripció, descriptible, descriure, descruar, discràsita, discreció, discrepància, discrim, discriminatif, escreix, escriny, escriptor, escrit, escrivà;

-sfr- — esfreixurar, disfagia, disfressa, disfressar, desfrenar, desfregat, desfruitar, desfrunzir;

-str- — bestreure, bestreta, bistre, destre, destrarr, postrem, destrató, destrenar, destresa, destret; estràbic, estrada, estrato, estressa, estrall, instruir, instrument, instrumentar;

-sfl- — desflorament, desflorar, deflorir-se, esflorar;

²⁹ В народной речи есть тенденция к диссимиляции, которая превращает группу -rbr- в -br-: [abrə], но в книжных словах эта группа сохраняется.

- skl- — ascla, asclar, desclarador, desclavar, desclavillar;
descloure, desclucar, esclafada, esclafar, esclafidor,
esclafir, esclarida, esclat, esclau, esclavatge;
- spl- — desplaçar, desplaença, desplaent, desplaçar, desplan-
tar, desplaure, desplegar, desplomar, displicència,
displicent, esplaiar, esplana, esplanar, esplèndit,
esplendar, esplènic, espletar;
- zbl- — esblaimar-se, esblamar-se, esblanqueït, esblenar;
- zdr- — esdrúixol;
- zgr- — esgrafiar, esgrama, esgramador, esgramar, esgra-
nar, esgrassotar, esgratinyar, esgrillar, esgrima,
esgrimir, esgruixar, esgrumollar, esgrunar;
- zbr- — esbragassat, esbrancament, esbrancar, esbraona-
ment, esbraonar, esbravament, esbravar-se, esbra-
veir, esbrinadís, esbrinar, esbromar, esbussar;
- zgl- — esglai, esglaiar, esglaió, església, esglevar, desglaç,
desglaçar, desglaçar, desglaçar, desglaçar, desglaçar,
desglossament;
- ktr- — ectropi, ectròtic ³⁰.

3. Группы, свойственные концу слова (и слога), т. е.
-ns, -n's, -rs и некоторые другие + согласная p, t, k или f;
сюда же можно отнести группы: а) nz + b, d или m;

б) kz + b или l:

1) -nsp-, -nst-, -nsk-, -nsf- -nzb-, -nzd-, -nzm-

2) -rsp-, -rst-

Примеры:

- nsp- — inspirar, inspector, inspecció, inspiratiu, trans-
posar, transparent, transparétar, transpirar, trans-
portar, conspicu, conspirar;
circumspecció, circumspecte, circumspectament;
- nst- — circumstància, circumstancial, circumstanciar, cir-
cumstant;
- n'sk- — menyscabament, menyscabar;
- rst- — superstició, supersticiosament, interstici, inter-
sticial;
- rsp- — perspicaç, persperctiu, persperctiva, perspicàcia,
perspiració, perspirar;
- nzb- — transbord, transbordament, transbordar, trans-
basar, transbasament, transverberació, transvers,
transversal;

³⁰ Словарь Torrelas, стр. 185.

- nzi- — translació, translatici, translatiu, translimitar, translúcid, translucidesa;
 -nzm- — transmari, transmetre, transmigració, transmigrar, transmissibilitat, transmissible, transmissió, transmutar.

К аномальным трехчленным группам следует отнести следующие: 1) -spn- в одном только слове *dispnea*; 2) -stl-, -stm- в таких латинизмах, как *postlimini*, *postmeridià*.

Что касается остальных трехчленных групп с медиальным -t-, то они существуют лишь графически в словах типа *avantbraç*, *avantguarda*, *avantmuralla*, *avantpassat*, *avantport*, а также в наречиях, образованных от форм на -ent [-en] и -ant [-an], например *bastantment* [bəstəmmén], *prudentment* [prudəmmén], *avantbraç* [əvəmbraç], *avantmuralla* [əvəmmural'ə], *avantguarda* [əvənguardə] и др. Фактически в этом случае в произношении существуют лишь двучленные группы mb (< nb), ng, mm (< nm), mp (< np).

Таковыми же графическими являются многие конечные трехчленные группы согласных в формах множественного числа имен существительных и прилагательных; таковы группы:

-lts	-rts	-nts [> ns]	-sts [> ts]
-lks	-rds		
-lpr	-rks	-nks	—
—	—	—	-mps > [ms > ns]
	-rns [> ns]		

Это произношение подтверждается рифмами современных каталанских поэтов (примеры см. выше).

Из перечня трехчленных медиальных групп явствует, что групп «две одинаковые смычные фонемы + l (или какая-либо другая сонорная)» не существует в каталанском языке. Следовательно, можно прийти к выводу, что медиальные группы -bbl- и -ggl- являются сочетанием двух фонем: геминированного варианта фонем /b/ и /g/ + боковая согласная /l/, причем это сочетание, как уже указывалось, возникает в определенных комбинаторных условиях.

Фонетическое объяснение характера геминат подтверждает это предположение. Удвоение смычных согласных в тех же условиях, что и в каталанском языке, отмечено

М. Граммон во Франции в говоре Люшона (департамент Верхняя Гаронна)³¹. Для этого говора также характерна геминация смычных в группах -bl- и -gl-, т. е. произношение dubblo, pobblo, pübblica, miraggle, -abble, -ibble (в суффиксах).

Граммон рассматривает такого рода геминацию как тенденцию к облегчению необычных и поэтому трудных для произношения групп согласных (в говоре Люшона они встречаются в книжных и полукнижных словах). По его мнению, говор Люшона, удваивая смычные согласные /b/ и /g/ в группах -bl-, -gl-, делает, насколько возможно, эти согласные имплозивными и таким образом облегчает группу.

Иной фонологической интерпретации требует группа -bb-, возникающая вместо недопустимой в каталанском языке медиальной группы -db- в словах типа advocar [əbbuká], advenir [əbbəní], а также на стыке морфем, например, в таких словах, как carvesprada [kabbəspraðə], carbaix [kabbáš], carbuidada [kabbuidadə] и аналогичных им.

В отличие от геминаты -bb- в группе -bl-, в указанных позициях -bb- оказывается в интервокальном положении и представляет собой тип АРРА, по терминологии Граммона, т. е. геминату, состоящую из двух смычных элементов в интервокальном положении:

По определению Граммона, в геминате этого типа оба смычных элемента — неполные артикуляционно. Первый смычный элемент имеет лишь имплозию (является имплозивным), а второй — эксплозию. Вместе с тем такая неполнота может быть свойственна и отдельной изолированной смычной согласной. С точки зрения Граммона, геминированная смычная (типа АРРА) не отличается от двух отдельных простых смычных.

Таким образом, рассматриваемая группа -bb- представляет собой сочетание двух смычных b; первая смычная b является имплозивной, т. е. закрывает слог, вторая — эксплозивной, т. е. открывает слог. Слоговой раздел проходит между ними: [əb-bén], [əb-buká], [kab-bəspraðə].

Такие же двухфонемные сочетания представляют и группы:

³¹ M. Grammont. Traité de phonétique, 4e éd. Paris, Delagrave, 1950, стр. 340.

1) mm, возникающая на основе невозможности в каталанском языке сочетания -nm- (present ~ presentment [prəsép ~ prəsəmmén]). Аларкос Льорак в своей цитированной выше работе, посвященной фонологии современного каталанского языка, считает, что группа -mm- образуется также в результате невозможности в каталанском сочетаний -bm- и -dm- (дает транскрипцию: atmosfera [əmmusferə], submarí [summərí]), о чем Бадиа Маргарит не упоминает;

2) -nn- [ɲn], свидетельствующая об исключении группы -kn- (tecnic [teɲnik]);

3) -ll-, l'l' — группы, образующиеся в результате недопущения в каталанском языке групп -tl- и tl' (atlantic [əllantik], titllar [til'l'á]).

Анализ двучленных медиальных фонемных групп, исключаемых из произношения в современном каталанском языке, позволяет предположить, что ему свойственна тенденция к устранению медиальных сочетаний типа «эксплозивная + эксплозивная», каковыми являются группы -db-, -nm- (bm, dm), -kn-, -tl-, -tl'-. При этом эти группы устраняются главным образом путем образования геминат, представляющих собой двухфонемные сочетания.

Ослабление согласной фонемы в конце слога перед согласной следующего слога происходит главным образом за счет геминации. Как показывают наблюдения Граммона, если в геминате второй элемент (вторая согласная) реализует только одну эксплозию, то первая содержит лишь одну имплозию.

Процесс геминации в каталанском языке происходит преимущественно в серии смычных фонем:

db → bb — advertir [əbbərtí];
 tl → ll — atlètic [əllétik];
 tl' → l'l' — guatlla [gwal'l'ə];
 kn → nn — tecnic [teɲnik];
 nm → mm — enmig [əmmitš].

Аларкос Льорак указывает еще на геминацию в группах:

pt → tt — adoptar [əðuptá] и [əðuttá];
 bm ↘ mm — submarí [summərí];
 dm ↗ mm — atmòsfera [əmməsferə].

Каталанский письменно-литературный язык, в основе которого лежат восточнокаталанские нормы, не отражает всего разнообразия форм геминаций, имеющих место в различных диалектах.

Де Мольт отмечает, что $bt \rightarrow tt$ свойственно каталанскому на Майорке и Менорке, тогда как руссильонский в этом случае предпочитает геминату dd . Кроме того, он указывает на геминацию и в группе $kt \rightarrow tt$ в балеарском и $-dd-$ в руссильонском, в письменно-литературном каталанском она не наблюдается.

По-видимому, ослабление согласной, являющейся первым элементом двучленной медиальной группы, т. е. встречающейся в импловивной позиции, происходит за счет усиления второй, открывающей следующий слог.

3. Сочетания ts , dz , $tš$, $dž$ и проблема их фонологической интерпретации

Распространение сочетаний ts и dz , $tš$ и $dž$ не ограничивается лишь группами gdz (gts) и kts , $bdž$ и $ddž$: [$ægdzamen$] examen, [$kuæktšió$] coacció, [$ubdžektə$] objecte, [$æddžun$] adjunt.

Сочетание ts встречается и в абсолютном исходе в формах множественного числа имен существительных и прилагательных, оканчивающихся в единственном числе на $-t$; это прилагательные типа mat ($mats$), $brut$ ($bruts$), $grat$ ($grats$) и др., а также причастные формы глаголов всех спряжений на $-at$, $-ut$, $-it$, таковы $portat$ — $portats$, $cantat$ — $cantats$, $sentit$ — $sentits$, и все существительные, имеющие в абсолютном исходе $-t$, например: $colzat$ ($+s$), $abat$ ($+s$), bot ($+s$).

В интервокальном положении ts встречается лишь в существительных, образовавшихся из застывших амальгамированных сочетаний типа $lletsó$, $potser$ ($= pod + ser$), $(a)gratcient$ ($= grat + cient$), содержащих сочетание $/t + s/$.

Это же сочетание наблюдается в интервокальном положении в редких словах, восходящих к соответствующим латинским формам с начальным $ad-$, например катал. $adscriure$ [$ətskriurə$], $adscriptió$ [$ətskriptsió$].

Кроме того, сочетание ts встречается в производных с префиксом $sots-$ (архаическая форма, замененная в сов-

ременном каталанском языке формой *sota*), таких, как *sots-arrendador*, *sots-inspecció*, *sots-inspector*, *sotsobre* и ряд других. Сочетание *ts* озвончается в потоке речи, т. е. заменяется сочетанием *dz* перед последующей гласной или звонкой согласной: *fets a mida* [fedzə midə].

Сочетание *dz* (орф. *tz*) представлено только в интервокальном положении, в отдельных словах:

tretze, *dotze*, *dotzena*, *dotzavat*, *adotzenar*, *atzur*, *atzar*, *atzarí*, *atzarós*, *horitzó*, *metzina*, *metzinós*, *atzavara*, *ratzia*, *batzegada*, *civilització*, *sutze*, *ensutzar* и др.

Сочетание *dz* регулярно встречается в глагольном суффиксе *-itzar* [-idza]: *cotidzar*, *escandailtzar*, *angelitzar*, *formalitzar* и аналогичные им образования.

В основном, за исключением отдельных случаев, о которых говорилось выше, имеет место дополнительное распределение этих групп: *ts* свойственно абсолютному исходу, а *dz* — интервокальной позиции.

Что касается сочетаний *tš* (орф. *tx*, а в абсолютном исходе — *ig*, *g*) и *dž* (орф. *tg* перед *i*, *e* и *tj* — перед *a*, *o*, *u*), которые также характерны для каталанского языка, они одинаково встречаются в интервокальном положении:

tš

dž

borratxo, *atxa*, *petxina*, *fletxa*, *ratxa*, *garrotxa*, *despatxar*, *esquitxar*, *cartutxera*, *tatxar*, *dutxa*, *dutxar*, *embutxacar*, *empatxar*, *encaputxar*, *escletxa*, *clotxa*, *escoixinar*, *fantotxe*, *fetitxe*, *garrotxa*, *gaspatxo*.

damnatge, *empitjorar*, *empitjorament*, *ferritja*, *fetge*, *jutge*, *relotge*, *setge*, *platja*, *besitjar*, *encoratjar*, *cnutjar*, *jutjar*, *botja*, *pitjor*, *assotja*, *mitjo* и др.

Сочетания *tš* и *dž*, как и *ts* и *dz*, отсутствуют в абсолютном начале слова; исключение составляют такие заимствованные слова, как *txec*, *txecoslovac*, *tsarevitx*, *tsarina*, *tsar*.

Отличие в позиционном распределении сочетаний *tš* и *dž* заключается в том, что звонкая *dž* исключена в абсолютном исходе. Она встречается в этом положении только в потоке речи, когда за ней непосредственно следует звонкая согласная или гласная, например: *safareig gran* [səfəredž gran], *passeig agradable* [pəsədž əgrədabblə].

Сочетание же *tš*, наоборот, имеет широкое распространение в абсолютном исходе — *tš* → *falutx*, *garritx*, *teig*, *raig*, *maig*, *mig*, *desig*, *fuig* и др.

В интервокальном положении возможно противопоставление *tš/dž*, но примеров очень мало:

fatxada/fetjada, *metxer/metger*, *botxa/botja*
embotxar/embotjar, *matxet/metget*

Несмотря на интервокальное положение, противопоставление невозможно для слов на *[-adžə]* (*atge*), так как нет суффикса *[-atšə]*.

Вопрос о том, что представляют собой эти сочетания в фонологическом плане, ставит Э. Аларкос Льорак в статье, специально посвященной анализу фонологической системы современного каталанского письменного-литературного языка.

Он рассматривает сочетания *ts*, *dz*, *tš*, *dž* как группы из двух фонем */t + s/*, */d + z/*, */t + š/*, */d + ž/*, а в некоторых случаях как эмфатический вариант соответствующей целевой фонемы. Но в своей статье он не разграничивает явления, возникающие в потоке речи, и явления происходящие в пределах слова. Так, сочетания *-ts*, *-dz* и *-tš* в словах *tots* */tóts/*, *dotze* */dòtʒA/*, *cotxa* */kótšA/* он приравнивает к таким сочетаниям, как *tot sol* */tot səl/*, *prats i arbres* */prats i arbrAs/*, *vuit xicras* */búit šikrAs/*³². Между тем совершенно очевидно, что в потоке речи сочетания *ts*, *dz*, *tš* возникают на стыке слов в результате объединения двух фонем — конечной согласной первого слова и следующей согласной второго. Так же ясно, что *ts* в слове *tots* возникает в результате присоединения *s* (показателя множественного числа) к основе на *-t*. Что же касается сочетаний *dz* и *tš* в словах типа *dotze* и *cotxa*, то их состав совсем не так прозрачен.

В работах, представляющих чисто фонетическое описание каталанского языка, т. е. в работах таких авторов как де Моль (de Moll), Хили (Gili), Миракль (Miracle), упомянутые выше сочетания рассматриваются как группы из двух самостоятельных звуков. Лишь Бадиа Маргарит

³² E. Alarcos Llorach. El sistema fonemático del Catalán. «Archivum», 1953, t. III, N 1, стр. 135—146.

³³ Примеры даются в транскрипции Э. Аларкоса Льорака (указ. соч., стр. 139).

называет сочетания ts, dz, tš, dž аффрикатами и описывает их наряду с простыми звуками (имеется в виду его «Грамматика»).

При изучении природы этих сочетаний необходимо ограничивать такие явления, как реализацию сочетаний ts перед p и k, dz — перед g, и dž — перед b и d, вместо групп ps, gz, bž, dž, и все остальные случаи использования ts, dz, а также tš и dž.

Возникновение групп pts, gdz, bdž, ddž обусловлено определенными комбинаторными условиями (наличием определенных сочетаний фонем). Этот факт сам по себе может свидетельствовать о том, что ts, dz, dž в данном случае являются вариантами щелевых s, z и ž.

Для решения вопроса о фонологической природе только что упомянутых сочетаний определенный материал можно получить из анализа трехфонемных групп, свойственных каталанскому языку. Анализ показывает, что трехфонемные группы «смычная + смычная + щелевая», т. е. типа pts, gdz, bdž, ddž, совершенно отсутствуют в каталанском языке.

Если в трехфонемной группе медиальной является смычная, то первым элементом может быть только носовая (m, n), сонорная (l, r) или щелевая (s, z). Это группы типа ndr, mbl, ldr, ltr, spl, zbr (как уже говорилось); в каталанском языке согласная, являющаяся вторым элементом группы, предопределяет глухость или звонкость первой согласной (предшествующей).

В словах книжного происхождения встречается группа «смычная + смычная + сонорная», опять-таки не щелевая. Имеется в виду группа ktr в словах *ectropi*, *ectròtic* ³⁴ и т. п.

Конечные, уже упоминавшиеся, сочетания -lts, -lks, -lps; -rts, -rds, -rks; -nts, -nks; -sts, -mps являются чисто графическими. В произношении они — двучленные (а некоторые — одночленные): ls, rs (= s), ns, ts, ns.

Иными словами, рассматриваемые группы не отвечают закономерностям сочетаемости фонем, которые характерны для каталанского языка. Это дает основание предположить, что сочетания kts, pts, bdž и ddž представляют собой двухфонемное сочетание «смычная + аффриката».

³⁴ Словарь Torrelas, стр. 185.

Это предположение поддерживается фонетическими наблюдениями Граммона ³⁵. Произношение, аналогичное тому, которое свойственно каталанскому, наблюдается в говоре Люшона, обнаруживающем сходство с каталанским, как отмечалось, и в использовании геминат.

В нем слова, соответствующие каталанским *exçès*, *exemple* и подобным им, произносятся как *ektsès*, *egd-zemple* (или *etsès*, *edzemple*). Короче, группы *ks*, *gz* всегда заменяются сочетаниями *kts*, *gdz* (смычная + *ts* или *dz*). С точки зрения Граммона, в данном случае имеет место тенденция к разобщению групп, трудных для произношения. Процесс появления *ts* и *dz* он представляет себе следующим образом: формы типа *fi-ksa* получают иной слогораздел, а именно *fik-sa*. Вследствие ассимилятивной инерции ротовый канал не открывается сразу после произнесения [k], и экскурсия [s] превращается в эксплозивную смычную, имеющую то же место артикуляции, что и *s*; отсюда появление *ts* — *fik-tsa*. Так же объясняются Граммоном и чередования:

<i>amic</i> (ед. число)	<i>amicts</i> (мн. число)
<i>cop</i> » »	<i>copts</i> » »
<i>patak</i> » »	<i>pataktivts</i> » »

В говоре Люшона во всех формах *ks* и *pts* согласные *k* и *p* едва слышны, их имплозия очень слаба, а выдержка очень краткая, и очень часто сочетания *kts* и *pts* теряют эти смычные. Показательно, что Бадиа Маргарит указывает, что и в каталанском в разговорной речи происходит упрощение групп, если они находятся перед глухой согласной: *explosiu* не [əgtspluzíu], а [əspluzíu], *excursió* не [əgtskursió], а [əskursió].

Описание процесса образования *ts* и *dz*, даваемое Граммоном, свидетельствует о том, что в говоре Люшона, а по-видимому, и в каталанском, эти образования являются аффрикатами. Конечно, при условии, если принимать определение аффрикаты как единого, но неоднородного звука, образуемого одним и тем же фонационным органом, в одном и том же месте артикуляции, но с различными полостями резонанса, и если считать, что аффриката имеет свой способ артикуляции, отличный от способов артикуляции других звуковых образований.

³⁵ М. Граммонт. Указ. соч., стр. 194.

Таким образом, допустимо предположение, что сочетания *kts*, *pts* и аналогичные им представляют собой двухфонемную группу: «смычная фонема + аффриката», представляющая собой вариант соответствующей щелевой. В каталанском [ts] — вариант щелевой /s/ в группах *pts* и *kts*, а *dz* — вариант /z/ в сочетании *gdz*, а *dž* — вариант /ž/ в сочетаниях *bdž* и *ddž*.

Что представляют собой образования *ts*, *dz*, *tš*, *dž* вне групп *pts*, *kts*, *gdz*, *bdž*, *ddž*? Все они, как уже указывалось, довольно часто встречаются в каталанском языке в интервокальной позиции (за исключением *ts*) и в абсолютном исходе (кроме сочетаний звонких согласных). Их наличие в этих позициях комбинаторно не обусловлено, и нет поэтому оснований видеть в них варианты каких-либо фонем.

Они стоят особняком среди других двухфонемных сочетаний, свойственных каталанскому языку. В нем отсутствуют сочетания:

1) <i>ps</i> , <i>ks</i> при наличии <i>ts</i> ;	3) <i>bz</i> , <i>gz</i> , при наличии <i>dz</i> ;
2) <i>pš</i> , <i>kš</i> » » <i>tš</i> ;	4) <i>bž</i> , <i>dž</i> » » <i>dž</i> .

Двухфонемные сочетания типа «смычная + щелевая фонема» представлены, таким образом, только зубной смычной (и глухой, и звонкой) + щелевая фонема (вся серия щелевых участвует в образовании этих групп). Такого рода сочетания в романских языках, как и в ряде других языков, имеют тенденцию образовывать аффрикаты, так как, по-видимому, в этих группах создаются наиболее благоприятные условия для возникновения таких звуковых образований, как аффриката.

Со стороны сочетаемости образования *ts*, *dz*, *tš*, *dž* в каталанском языке также обнаруживают своеобразие. Они совсем не входят в сочетания. У них нулевая сочетаемость, тогда как все другие смычные и щелевые всегда сочетаются с боковым /l/, носовыми /m, n/ и дрожащими /r/ как в качестве первого, так и второго элемента сочетания.

Примеры Аларкоса Льюрака на возникновение *ts* на стыке слов (типа уже цитированных *tot sols*), показывающие, по его мнению, двухфонемность таких образований, как *ts*, ничего не говорят о характере *ts* и подобных ему сочетаний в пределах отдельного слова. Так, например, *tš* в английской фразе *Why choose?* совсем не то, что в сло-

восочетании white shoes. В первом случае выступает аффриката tš, а во втором — двухфонемное сочетание t + š.

Наличие конечного ts в формах множественного числа существительных, прилагательных и причастий (prat ~ prats, ciutat ~ ciutats, fret — frets, sentit ~ sentits) также не говорит за то, что здесь [ts] — двухфонемное сочетание. Достаточно привести пример из русского языка. Прилагательные *детский, светский, советский*: сочетание *т + с* преобразуется в аффрикату [ц], которая в этом случае является одинаково и вариантом фонемы /т/, и фонемы /с/.

Думается, что есть достаточные основания предположить существование в каталанском языке апико-альвеолярных аффрикат ts, dz и палатальных среднеязычных tš и dž.

Из них только аффриката ts не является фонемой, она реализуется в группах -ps-, -ks- как вариант щелевой фонемы /s/. В абсолютном же исходе она является вариантом как фонемы /т/, так и /с/: prat ~ prats.

Остальные аффрикаты — /dz, tš, dž/ — функционируют как самостоятельные фонемы. Причем dz и dž могут в определенных условиях (см. выше) выступать и как варианты фонем /з/ и /ж/.

Следует отметить, что А. Бадиа Маргарит в своей работе 1965 года³⁶ вообще не признает наличия в каталанском языке аффрикаты ts, он говорит в этом случае о сочетании двух фонем — /т/ + /с/.

Фонемы аффрикаты tš и dž, одинаково встречаясь в интервокальной позиции, противопоставляются в ней по глухости и звонкости (противопоставление с минимальной функциональной нагрузкой).

Что касается сочетаний, образующихся в потоке речи, то они представляют отдельную область изучения, а именно раскрывают характер и систему пограничных сигналов (показателей границы слова) в каталанском языке.

³⁶ A. M. Badia Margarit. Problemes..., стр. 298—306.

Основные противопоставления в системе согласных фонем

Испанский язык несравненно глубже и разносторонне изучен фонетически и фонологически, чем языки каталанский и португальский. По испанской фонетике и фонологии имеется обширная и интересная научная литература¹ (не говоря уже о многочисленных исследованиях об испанском языке в Латинской Америке). Среди большого количества монографий и статей, посвященных фонетическому анализу и описанию как всей звуковой системы, так и описанию отдельных звуков испанского языка, есть такие блестящие работы, как книги Наварро Томаса (Navarro Tomás), посвященные изучению испанского произношения.

Название «Пособие» («Manual de pronunciación española») не точно отражает содержание книги. Это всестороннее исследование фонетических особенностей испанского языка. Монография, написанная таким прекрасным фонетистом, как Наварро Томас, дает исключительно ценный материал для фонологического изучения испанского языка.

Существует немало работ, которые ставят перед собой задачу описать фонемный состав испанского языка, решить отдельные проблемы, связанные с фонологической интерпретацией ряда явлений испанского произношения. Краткий анализ состава гласных и согласных фонем испанского языка дает статья Дж. Трегера², отражающая фонологические взгляды представителей пражской школы 30-х годов.

¹ См. библиографию к этому разделу.

² Georges Trager. The phonemes of Castilian Spanish. «Travaux du Cercle linguistique de Prague», t. 8, 1939, стр. 217—222.

Вопрос о классификации согласных испанского языка ставится и определенным образом решается А. Мартине на страницах одной из его монографий³.

Характеристику фонологической системы испанского языка мы находим в отдельных исследованиях и сравнительных фонетико-фонологических штудиях Б. Мальмберга, в статьях Г. Лаусберга⁴. Монография Аларкоса Льорака, целиком посвященная испанской фонологии, вышла четвертым изданием в 1965 г.⁵ Внимание исследователей привлекает главным образом испанский консонантизм. Что касается системы вокализма, то она не поднимает каких-либо сложных проблем.

А. Мартине говорит о большой «простоте» испанской фонологической системы (имея в виду, по-видимому, главным образом вокализм).

Б. Мальмберг в одной из последних работ⁶ пишет, что фонетика «кастильского», т. е. испанского, письменнo-литературного языка исключительно бедна по сравнению с другими романскими языками и с большей частью других западных языков. Говоря о «бедности», Мальмберг имеет в виду смыслоразличительные возможности испанского языка, количество противопоставлений и возможных сочетаний, которые, по его выражению, определяют правила дистрибуции.

Даже беглое сравнение таблиц испанских согласных, приводимых отдельными авторами, убеждает в том, что по поводу классификации этих согласных существуют серьезные расхождения (см. таблицы).

Различная классификация согласных отражает различное представление об основных противопоставлениях, характерных для испанского языка. Количество противопоставлений еще не решает вопроса об их значимости в фонологической системе языка. Вопрос о том, что представляет собой совокупность противопоставлений в ис-

³ A. Martinet. *Economie des changements phonétiques*. Berne 1955.

⁴ H. Lausberg. *Vergleichende Charakteristik der Italienischen und der Spanischen Schriftsprache*. «Romanische Forschungen», Bd 60, H. 1, 1947, стр. 106—122.

⁵ Emilio Alarcos Llorach. *Fonología española*. Madrid 1965.

⁶ B. Malmberg. *La structure phonétique de quelques langues romanes*. «Orbis», t. XI, N 2, 1962, стр. 131—178.

Таблицы испанских согласных (по различным авторам)

	губные и зубно- губные	зубные и альвеоляр- ные	альвео- небные и передне- небные	средне- небные
Взрывные	p b	t d		k g
Аффрикаты			c ʒ	
Спиранты:				χ
дрожащие (rill spirants)	f	θ		
плоскощелевые (slit spirants)		s		
Боковые		l	ʎ	
Дрожащие		rr		
Носовые	m	n	ɲ	

Georges Trager. The phonemes of Castilian Spanish. «Travaux du Cercle linguistique de Prague», t. 8, 1939, стр. 218.

	губные	зубные	альвео- пала- тальные	дорсаль- ные	дорсальные округлен- ные
Fortes	p	t	ch	c	
Lenes	b	d	y	g	hu
Фрикативные	f	z	s	j	
Носовые	m	n	ɲ		
Боковые		l	ll		
Вне серии			rr		

A. Martinet. Economie des changements phonétiques. Berne, 1955, стр. 83.

p	(b)	m	t	(d)	n	k	(g)	(ŋ)	(ğ)
f	β		θ	ð		χ	γ		y
			s	l	r	ʃ	ñ	é	
					rr				

Н. Lausberg. Vergleichende Charakteristik der Italienischen und der Spanischen Schriftsprache. «Romanische Forschungen». Bd 60, H. 1, 1947, стр. 110.

Плавные	/l/	/l̥/	/r/	/r̥/	глухие } ртовые } } не- плав- ные
Носовые	/m/	/n/	/ɲ/		
Звонкие	/b/	/d/	/y/	/g/	
Фрикативные	/f/	/θ/	/s/	/χ/	
Смычные	/p/	/t/	/ç/	/k/	

Emilio Alarcos Llorach. Fonología española. Madrid, 1965, стр. 176.

панском языке (вопрос еще недостаточно ясный и неразрешенный), и ставится в настоящем разделе.

Трегер (1939)⁷ говорил о наличии в испанском языке для отдельных категорий согласных противопоставления по признаку наличия или отсутствия голоса. Лаусберг⁸ в своем сравнительном очерке признает в качестве основного противопоставление смычная/фрикативная (в чем можно убедиться, анализируя его таблицу согласных).

Амадо Алонсо⁹ считает, что испанскому свойственны три типа противопоставлений: 1) по наличию или отсутствию голоса (глухая/звонкая); 2) по месту образования (внутри серии носовых и боковых согласных); 3) по способу образования (в серии дрожащих).

Аларкос Льярак в последнем издании своей «Испанской фонологии» (как и в предыдущих) по существу придерживается двоичной схемы Р. Якобсона. Для испан-

⁷ G. Traeger. Указ. соч., стр. 218.

⁸ H. Lausberg. Указ. соч., стр. 110.

⁹ Amado Alonso. Una ley fonológica. «Estudios lingüísticos. Temas españoles». Madrid, Gredos, стр. 288—303.

ских согласных Аларкос Лъорак дает семь дифференциальных признаков. Отличие состоит в том, что в последнем издании он не дает совсем противопоставления боковая/дрожащая и рассматривает противопоставление \bar{r}/r не как простая/непростая (simple/múltiple), а как напряженная/ненапряженная (\bar{r}/r) — tensa/floja. Лишь в главе о нейтрализации он упоминает еще в качестве противопоставления по месту образования — m/n , n/n' , l/l' .

Аларкос Лъорак полагает, что в слабой позиции, т. е. в импловивной, в испанском языке ни признак наличия или отсутствия голоса, ни признак смычки или фрикации не являются смыслоразличительными. Реализация в этой позиции архифонемы не зависит от фонетического окружения, а обусловлена индивидуальным или социальным предпочтением. Если это так, то неясно, какие основания существуют для того, чтобы говорить о наличии противопоставления глухая/звонкая, распространяющегося на звонкие и глухие смычные и на звонкие смычные и глухие щелевые.

Доказано, что нейтрализующиеся противопоставления, образующиеся на основе наличия или отсутствия какого-либо дифференциального признака («привативные», по терминологии Н. Трубецкого), в позиции нейтрализации имеют немаркированный член, обнаруживающий отсутствие того признака, на котором строится противопоставление. Именно потому, что в каталанском языке в позиции нейтрализации (абсолютном исходе) всегда представлена только глухая согласная (щелевая или смычная), и возможно с уверенностью заключить, что в каталанском есть противопоставление по глухости/звонкости. Наличие же согласной [š] в португальском в позиции нейтрализации противопоставления s/z показывает, что в этом противопоставлении доминирует дифференциальный признак степени напряженности, а не признак наличия или отсутствия голоса.

По существу близкую к Аларкосу Лъораку точку зрения высказывал в свое время автор настоящей работы¹⁰, предполагая, что испанские звонкие смычные участвуют в противопоставлении двух типов: по признаку наличия

¹⁰ Н. А. Катагощина. Некоторые спорные вопросы испанской фонологии. «Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков». М., 1966, стр. 94.

или отсутствия голоса и по признаку наличия смычки и считая, что дифференциальный признак наличия или отсутствия голоса является наиболее устойчивым.

Та и другая точка зрения требуют пересмотра.

Система испанского консонантизма производит впечатление асимметричности¹¹. Нет соответствующих звонких пар в серии щелевых. Возникает вопрос, возможна ли такая асимметричность в языке, где существует противопоставление глухая/звонкая, охватывающая две серии согласных — смычные и щелевые.

В каталанском, как выше было указано, где доминирует противопоставление глухая/звонкая, имеется полное соответствие в плане глухости—звонкости во всех сериях согласных.

Анализ реализации, во всех возможных для испанского языка позициях, противопоставления, рассматриваемого как противопоставление глухая/звонкая, позволяет уточнить подлинный его характер.

Рассмотрим противопоставление *b/p, ð/t, g/k*. В начале слога звонкие смычные */b/, /d/, /g/* встречаются почти после всех согласных, оканчивающих предыдущий слог, но образовать противопоставления могут только в тех случаях, когда имеются соответствующие двучленные группы с глухими */p/, /t/, /k/*:

albino/alpino [albino/alpino], *corva/corpa* [korβa/korpa];

cordón/cortón [kordón/kørtón], *celda/celta* [œelda/œelta];

carga/carca [karga/karka], *angla/ancla* [aŋgla/aŋkla].

Фонемы */d/* и */t/* в группах *θd* и *θt*, *ʃd* и *ʃt* не противопоставлены, так как они содержат различные варианты фонем */θ/* и */s/*, а варианты одной и той же фонемы не могут образовывать противопоставления. На группы же *bt* и *bd* трудно найти примеры противопоставления.

Как видно из примеров, в эксплозивной позиции глухой смычной противопоставляется не звонкая смычная, а ее звонкий спирализированный вариант.

В имплозивной позиции (т. е. в конце слога) возможность противопоставления сильно ограничена редкой встречаемостью глухих смычных в медиальных двучлен-

¹¹ G. T g e r. Указ. соч., стр. 218.

ных группах. Противопоставление возможно в группах:

bt/pt, bs/ps, be/pe;
dm/tm, dn/tn, dl/tl;
gm/km, gn/kn.

Однако эта позиция является позицией нейтрализации, и не только звонкие смычные, но и глухие одинаково реализуются в спирантизованных звонких вариантах:

[bt/bt], [bs/bs] [be/bə], ср. apto [abto], capsula
[kaʙsula], inepeía [inebeía];
[dm/dm] [dn/dn] [dl/dl], ср. atlas [adlas]
ritmo [ridmo], etnología [ɛdnoloʝía];
[gm/gm] [gn/gn], ср. anécdota [anɛgðota], dirección
[diregθjón], dracma [dragma], técnica [tɛgnika].

Реализация в спирантизованных звонких вариантах оспаривается Аларкосом Ёльораксом, так как он говорит, что эта реализация зависит от предпочтения индивидуального или социального характера. Этим он хочет сказать, что глухие смычные фонемы /p/, /t/, /k/ в группах:

-pt-, -ps-, -pθ-
-tm-, -tn-, -tl-
-kt-, -km-, -kn-, -kθ-

могут выступать и как глухие смычные, и как звонкие спирантизованные [b], [d], [g]. Ту же точку зрения высказывает Амадо Алонсо в одной из своих работ, в которой он сам же утверждает, что испанские согласные в имплозивной позиции теряют свои смыслоразличительные признаки.

Между тем Наварро Томас четко разграничивает эти два варианта. Он отмечает, что глухие p, t, k сохраняются в имплозивной позиции лишь в эмфатической и аффектированной речи, а спирантизованные варианты [b], [d], [g] свойственны обычному нормальному разговорному языку¹². Это утверждение вполне отвечает свойственной испанскому языку тенденции к ослаблению артикуляции согласных в имплозивной позиции.

Наличие в позиции нейтрализации не смычных согласных, а звонких спирантов (b, d, g) весьма показательно. Это

¹² Tomás Navarro. Manual de pronunciación española. New York, 1957, стр. 83, 97, 140.

означает, что основным дифференциальным признаком описываемого противопоставления является признак степени напряженности, а признак наличия голоса — сопряженным, сопутствующим.

Озвончение, наряду со спирализацией, появляется в позиции нейтрализации безразлично как в соседстве со звонкими, так и глухими, т. е. в случаях, когда появление маркированного члена в позиции нейтрализации нельзя отнести за счет комбинаторных факторов.

Не признак наличия или отсутствия голоса, а признак напряженности является устойчивым. Он сохраняется как в сильной, так и слабой позициях: фонемы /b/, /d/, /g/ как в смычном варианте, так и спирализованном остаются менее напряженными, чем /p/, /t/, /k/. В этом плане совершенно справедлива классификация Мартине, который относит /b/, /d/, /g/ к *lenes*, а /p/, /t/, /k/ — к *fortes*.

Если противопоставление b/p, t/d, k/g представляет собой прежде всего противопоставление по степени напряженности, то его можно распространить и на фонемы аффрикаты /ç/ и /ʝ/. Фонетическая характеристика их, которую находим у Наварро Томаса, дает для этого серьезные основания.

В своих существенных чертах, как указывает Наварро Томас¹³, артикуляция этих фонем одна и та же. Отличие состоит в присутствии голоса и более мягкой ффрикации у /ʝ/ по сравнению с /ç/. В своей таблице испанских согласных¹⁴ Наварро Томас помещает их в одном ряду и в рубрике «палатальные».

Такая фонетическая характеристика теоретически позволяет предположить возможность противопоставления /ç/ и /ʝ/ по признаку степени напряженности. Однако практически это противопоставление в испанском языке функционально непродуктивно. Можно найти минимальное количество пар в абсолютном начале типа *ya/cha*, *yantar/chantar*, *yara/chapa*, но нет совершенно примеров на противопоставление в начале слога внутри слова, что вполне естественно, так как встречаемость /ʝ/ чрезвычайно ограничена. Фонема встречается только после /n/ или /l/, т. е. в словах или сочетаниях типа *inyectar* [in'ʝektar] или *el yerno* [el'ʝerno].

¹³ Tomás N a v a r r o. Указ. соч., стр. 127—128.

¹⁴ Там же, стр. 82.

Что касается возможности их противопоставления как глухой и звонкой, то мнения расходятся. По мнению Аларкоса Льорака, /ʔ/ фонетически обнаруживает полный параллелизм с /b/, /d/, /g/, что дает ему основание говорить о противопоставленности по признаку наличия голоса фонем /ɖ/ и /ʔ/, хотя он и оговаривается, что это противопоставление особенно очевидно в тех же районах, где /ʔ/ довольно близко к ʒ или dʒ.

Наварро Томас же настаивает на том, что соотношение по звонкости и глухости у /ɖ/ и /ʔ/ иное, чем у b/p, d/t и g/k, так как у согласной /ʔ/ фрикативный элемент ближе фонетически не к ʒ, а к глухой у (ʔ в его транскрипции).

Проблема, несомненно, сложная, но при той постановке вопроса, какая имеется в настоящей работе, она не имеет значения.

В противопоставление по степени напряженности включаются также щелевые /f/, /θ/, /χ/, противопоставляясь звонким смычным /b/, /d/, /g/: b/f, d/θ, g/χ.

Противопоставление это, по мнению Аларкоса Льорака, имеет в качестве дифференциального признака наличие голоса, т. е. он видит в нем противопоставление, аналогичное противопоставлению звонкая/глухая смычная. В качестве доказательства он приводит тот факт, что в обиходном разговорном языке «некоторых областей» противопоставление d/θ нейтрализуется и в позиции нейтрализации представлено /θ/, — произношение, отмечаемое Наварро Томасом как регионализм, например: *adquirir* [= aθkirir].

Однако на основании региональных особенностей произношения нельзя делать выводов о фонетической системе письменно-литературного языка. Определенное заключение возможно сделать, лишь рассмотрев характер функционирования противопоставления. Наиболее показательна импловивная позиция. Между прочим, именно в этой позиции наиболее слабо представлено анализируемое противопоставление:

1) /g/ не может противопоставляться /χ/ в импловивной позиции, так как /χ/ в ней исключено. Аларкос Льорак цитирует лишь одно заимствование — *majzén*¹⁵;

¹⁵ E. Alarcos Llorach. Указ. соч., стр. 189, примечание.

2) встречаемость /f/ в имплозивной позиции ограничивается группами ft и fg, встречающимися в минимальном количестве заимствованных слов (afgano, difteria, caftán, naftalina, rododafne). Поэтому фонема /b/, хотя и очень широко представленная в этой позиции (-bb-, -bd-, -bg-, -bp-, -bt-, -bk-, -bs-, -bθ-, -bʎ-, -bm-, -bn-), не образует в ней противопоставлений с /f/.

Несколько шире диапазон функционирования в имплозивной позиции фонем /d/ и /θ/. Они совпадают в группах:

-db-, -dg-, -dt-, -dk-, -dm-, -dn-;
-θb-, -θg-, -θt-, -θk-, -θm-, -θn-.

Группы, в которых вторым элементом являются носовые /m/ и /п/, проясняют характер противопоставления b/f, d/θ, g/ʎ. В них звонкому [ḁ] противопоставляется озвонченное же /θ/: ḁm/θm, ḁn/θn. Нет противопоставления звонкая/глухая, но дифференциальный признак степени напряженности остается — менее напряженная (ḁ)/напряженная (θ).

Противопоставление чаще всего реализуется в интервокальном положении и в абсолютном начале:

redada/rezada, godo/gozo, rogo/rojo, бага/бажа, higo/hijo и др.

Но оно встречается гораздо реже в начале слога внутри слова, иначе говоря, в интервокальных медиальных группах, в которых они являются вторым элементом.

Из-за минимальной сочетаемости /f/ фонема /b/ противопоставляется ей только в группах -mf-, -lf-, -rf- (nimbo/ninfo, albar/alfar и др.); сочетания sf и sb несопоставимы, так как в них налицо различные варианты одной и той же фонемы /s/ — [s] и [ʃ] озвонченное.

Фонемы /d/ и /θ/ теоретически противопоставляются в группах: bd/bθ, gd/gθ, nd/nθ, ld/lθ, rd/rθ, sd/sθ, фактически же последнее противопоставление невозможно, так как группы с /s/ имеют разные варианты одной фонемы — [ʃ] и [s], а примеры на первые две группы трудно найти, следовательно, реальны лишь сочетания с /n/, /r/, /l/:

landa/lanza, arde/arce, caldo/calzo.

Фонемы /g/ и /ʎ/ могут противопоставляться в группах:

bg/bʎ, dg/dʎ, ng/nʎ, rg/rʎ, lg/lʎ, sg/sʎ.

Группы *ng* и *nʎ*, *sg* и *sʎ* исключаются, так как содержат различные варианты одной и той же фонемы ([ŋ] и [n], [ʂ] и [s]), на остальные группы трудно подыскать примеры.

Глухие щелевые фонемы участвуют еще в противопоставлении смычная/щелевая:

p/f, t/θ, k/ʎ, ɕ/s.

Могут возникнуть некоторые колебания относительно возможности противопоставления /ɕ/ и /s/. Мартине считает, что /s/, представляя собой апико-альвеолярную по-лушипящую фонему, точно не соответствует шипящей аффрикате /ɕ/.

В этом противопоставлении смычка противопоставляется фрикация, фонема /ɕ/ именно в этом плане включается в противопоставление.

В импловивной позиции функциональная нагрузка противопоставления смычная/щелевая очень невелика, так как сочетаемость фонем /p/, /t/, /k/, /ɕ/ и /f/, /θ/, /s/, /ʎ/ весьма слаба. Оно потенциально возможно в группах:

pt/pf, tm/θm, tn/θn.

Фонема /ɕ/ совсем не встречается в импловивной позиции, а фонема /ʎ/, как уже упоминалось, только в одном книжном слове *maɟzen*¹⁶.

Термин «потенциально» употребляется потому, что теоретически в этих группах противопоставление вполне возможно, но практически трудно найти соответствующие примеры.

В импловивной позиции оно, если можно так выразиться, приближается к нейтрализующимся противопоставлениям, так как /p/ и /t/ представлены озвонченными спонтизованными вариантами, фактически это:

bt/ft, ɖm/θm, ɖn/θn,

т. е. звонкие спонты противопоставляются щелевым (озвонченной /θ/ и глухой /f/).

В экспловивной позиции (в начале слога) комбинаторные возможности фонем, принимающих участие в противопоставлении, гораздо шире:

¹⁶ См. «Pequeño Larousse Ilustrado», 1967, s. v.

1) /p/ и /f/ противопоставляются в группах:

sp/sf, mp/mf, lp/lf, rp/rf:

espuma/esfuma, espera/esfera, compite/confite, golpear/golfear, arpada/arfada;

2) /t/ и /θ/ — в группах:

bt/bθ, lt/lθ, st/sθ, nt/nθ, rt/rθ:

desteñir/desceñir, contento/concento, alta/alza, calta/calza, arte/arce;

3) /k/ и /x/ — в группах:

bk/bx, dk/dx, lk/lx, rk/rx, sk/sx, nk/nx¹⁷.

Противопоставление nk/nx нереализуемо: в группах представлены различные варианты фонемы /n/.

4) /ç/ и /s/ — в группах:

lç/ls, rç/rs, nç/ns:

percha/persa, marcha/marsa, cancha/cansa.

Изучение противопоставлений, в которых участвуют глухие щелевые /f/, /s/, /θ/, /x/, показывает, что, по-видимому, точка зрения, согласно которой система испанских согласных фонем «асимметрична» (Дж. Трегер), или что для нее характерны отсутствие «целостности» (Zerfahrenheit) и соотносительности (Beziehungslosigkeit) (Г. Лаусберг), неточно отражает состояние фонологической системы испанского языка.

Испанские глухие щелевые участвуют в тех противопоставлениях, в которых дифференциальный признак наличия голоса не имеет решающего значения: это противопоставления напряженная/менее напряженная и смычная/щелевая. В этих условиях отсутствие звонких соответствий не нарушает функционирования системы. Тем более, что в ней нет противопоставлений, в которых дифференциальный признак наличия голоса был бы основным. Скорее можно говорить об «асимметричности» с точки зрения состава согласных фонем, но не в плане функциональных связей. Остается неясной лишь функциональная нагрузка фонемы аффрикаты /ʎ/ в системе испанского консонантизма. Об изолированности ее свидетельствует частая

¹⁷ На отдельные группы трудно найти примеры противопоставлений.

ее замена другими вариантами не только в странах Латинской Америки, но и в самой Испании. На юге Испании она заменяется /s/, а в народном языке Мадрида очевидна тенденция к замене /ʎ/ согласной, очень близкой к звонкой аффрикате dʒ, тогда как позиции /ç/ остаются стабильными.

Основное противопоставление для носовых /m/, /n/, /n'/ и боковых /l/, /l'/ — это противопоставление по месту образования. Об этом свидетельствуют согласные, представленные в позиции нейтрализации.

Противопоставление m/n нейтрализуется в имплозивной позиции.

Перед /p/, /b/, /m/, /f/, т. е. губно-губными и зубно-губными согласными, встречается только /m/, одинаково представляющая в этой позиции нейтрализации вариант фонемы /m/ и фонемы /n/.

Перед /t/, /d/, /k/, /g/ артикуляция смещается, реализуется только согласная n, являющаяся одновременно вариантом и /n/, и /m/. Для позиции нейтрализации, таким образом, характерна лишь смена места артикуляции; такие же признаки, как назальность и смычка, сохраняются.

Палатальная согласная фонема /n'/ единственно допустима перед палатальными согласными /l/, /ʎ/ и /ç/; она представляет собой вариант фонем /n/ и /n'/ в позиции нейтрализации. Нейтрализация противопоставлений m/n, n/n' в конце слова (имплозивной позиции) подтверждается чередованиями не только в потоке речи, но и внутри слова; так, например, конечная фонема /n/ в предложении *sin* выступает в варианте /ɲ/ в словах типа *sinfin* [sinfín], *sinvergüenza* [sinbergwenθa], а конечная согласная /n/, свойственная предлогу *con*, возможна только в варианте n' перед следующей палатальной, например *conllevar* [kon'l'eβar].

Противопоставление m/n наибольшую функциональную нагрузку имеет в абсолютном начале и в интервокальном положении (т. е. в начале слога), а n/n' — только в интервокальной позиции.

Что касается противопоставления, образуемого дрожащими согласными ġ/ɣ, то одни исследователи рассматривают его как противопоставление по способу образования (Амадо Алонсо), другие — по признаку напряженности (Аларкос Льорак).

Наиболее показательной при определении дифференциального признака является позиция нейтрализации. Однако далеко еще неясно, в какой мере есть основания считать противопоставление \bar{r}/r нейтрализующимся в испанском языке. Нет никаких чередований ни внутри слова, ни даже в потоке речи, которые указывали бы на нейтрализацию в определенных условиях, как это имеет место в отношении носовых и боковых согласных. В каких бы позициях ни находилась дрожащая согласная, нигде нет замены \bar{r} на r или наоборот. Но фонетическая характеристика и тенденции разговорной речи в области употребления дрожащих согласных дают известную опору для выводов.

Многоударное $\bar{r}/$, будучи сходным с одноударным $r/$ по месту артикуляции, значительно отличается от него по напряженности ¹⁸.

Что же касается употребления, то в Испании отмечается в обиходной речи даже образованных слоев населения тенденция к ослаблению артикуляции ¹⁹ одноударного $r/$, независимо от положения его в слове оно становится в ряде случаев фрикативным и близким к $/\bar{d}/$.

Ослабление артикуляции и преобразование $r/$ во фрикативную согласную ведет к тому, что в народно-разговорной речи различных районов Испании и Латинской Америки наблюдается ассимиляция $r/$ — смешение его с l (типа *falta* [falta]). В народно-разговорной речи наблюдается также вокализация $r/$ с последующей его утратой, в частности в интервокальном положении и в абсолютном исходе. Утрата $r/$ на конце слова характерна и для андалусийцев.

При отсутствии проясняющих дифференциальный признак чередований, фонетическая характеристика дрожащих согласных и тенденции их развития позволяют предположить, что в противопоставлении \bar{r}/r преобладает дифференциальный признак степени напряженности, а сопутствующим ему является признак способа образования.

Фонемы $\bar{r}/$ и $r/$ противопоставляются только в интервокальном положении, в остальных случаях они встречаются лишь в различных позициях. В конце слога (в им-

¹⁸ Tomás N a v a r r o. Указ. соч., стр. 123.

¹⁹ Там же, стр. 117.

плоской позиции) /r/ встречается исключительно часто, сочетаясь почти со всеми согласными (rb, rp, rt, rd, rθ, rs, rk, rg, rʎ, rm, rn, rf, rɛ, rl), и наоборот, /r̄/ в этой позиции нет совсем. В начале слога в группах sr̄, nr̄, lr̄ возможно только /r̄/ и совсем исключено /r/. Поэтому наиболее правильным представляется вывод, что фонемы /r̄/ и /r/ имеют в испанском языке недостаточное распределение и не образуют нейтрализующегося противопоставления.

В современном испанском языке можно, таким образом, предположить существование следующих основных противопоставлений.

1. Противопоставление по степени напряженности (менее напряженная/напряженная). В нем участвуют все смычные согласные, звонкие и глухие; в него включаются также все щелевые и дрожащие, это:

b/p, d/t, g/k, r/r̄ и b/f, d/θ, g/ʎ

Оно имеет очень большую функциональную нагрузку, реализуясь преимущественно в начале слова и в интервокальном положении. Противопоставление это может быть представлено более сокращенно:

b/p, f; d/t, θ; g/k, ʎ и r/r̄

Именно его Аларкос Льюрак считает (и в последнем издании своей книги) противопоставлением по признаку наличия голоса (звонкая/глухая). Как показано было выше, этот признак не является устойчивым в данном противопоставлении, а следовательно, на нем не может строиться противопоставление.

Что касается того, насколько можно говорить о противопоставлении \hat{y}/\hat{e} как о противопоставлении по степени напряженности, то вопрос неясен: недостаточно выяснены фонетическая природа звука $[\hat{y}]$ и его фонологическая значимость. Показательна его большая вариантность, свидетельствующая о его неустойчивости.

2. Противопоставление смычная/щелевая, в котором признак наличия голоса отсутствует:

p/f, t/θ, g/ʎ; ɛ/s

Второе противопоставление, в котором принимают участие щелевые.

3. Противопоставление по способу образования, охватывающее боковые и носовые:

m/n , n/n' , l/l'

Характер преобладающих в испанском языке противопоставлений снимает предположение об «асимметричности» фонологической системы согласных в этом языке. Глухие щелевые включены в противопоставления, в которых признак наличия (отсутствия) голоса не является определяющим. Основой взаимодействия щелевых с другими согласными являются другие дифференциальные признаки. Отсутствие звонких соответствий не отражается на функционировании щелевых фонем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение специфических черт в области произношения, свойственных отдельным иберо-романским языкам, дает возможность сделать некоторые выводы (в плане предположения).

I. Одной из наиболее характерных черт португальского языка, которая заметно отличает его от каталанского и испанского, является наличие в нем носовых гласных фонем.

Однако система этих гласных не носит строго очерченного характера. На вопрос о том, есть ли в португальском языке носовые гласные фонемы, нельзя ответить просто «да» или «нет». По-видимому, система португальских носовых гласных или находится еще в стадии становления, или же процесс формирования этих гласных закрепился на одном из этапов, не достигнув завершения.

Анализ существующих описаний позволяет предположить, что в португальском есть носовые гласные, выступающие как в ударном, так и безударном положении. Они противопоставляются чистым гласным по признаку наличия назальности.

Вместе с тем, наряду с этими носовыми фонемами (ẽ, õ, ê, î, û), в определенных комбинаторных условиях, а именно перед неносовыми согласными, место артикуляции которых совпадает с местом артикуляции носовых согласных или же приближается к нему, выступают назализованные варианты чистых гласных, как, например, в словах типа *campo* [kẽmpu], *rombo* [rõmbu], *senda* [sẽndɐ], *manga* [mẽŋgɐ] и подобных им.

Другой весьма специфической чертой португальского языка является недопущение свистящих щелевых фонем /s/ и /z/ в конце слога (т. е. в имплозивной позиции) и в

абсолютном исходе. В этих позициях возможна лишь шипящая щелевая /š/, а в некоторых комбинаторных условиях — фонема /ž/. Исключение в имплозивной позиции распространяется и на щелевые /f/ и /x/. Они встречаются лишь в латинизмах и редких заимствованиях из иностранных языков, т. е. в словах, не принадлежащих исконному фонду. Такая особенность позиционного распределения объясняется тенденцией португальского языка к устранению напряженных согласных в имплозивной позиции и к замене их ненапряженными или менее напряженными согласными. Эта тенденция не ограничивается лишь одной серией щелевых. Анализ позиционного распределения согласных других серий показывает, что она распространяется на все серии португальских согласных — смычные, боковые, дрожащие и носовые.

II. Для каталанского письменно-литературного языка, в основе которого лежат барселонские нормы, весьма специфично появление, в определенных комбинаторных условиях, геминат (имеется в виду такое преобразование групп согласных, как: db > bb (advocar [əbbuka]), pb > bb (capbaix [kabbaš], tl > ll (atlètic[əlletik]), nm > mm(ənmig [əmmitš]) и др.

За преобразованием этих групп в геминаты стоит свойственная каталанскому языку тенденция к устранению медиальных групп «эксплозивная + эксплозивная». Геминаты же представляют собой сочетание «имплозивная + эксплозивная» (если принять положение М. Граммона).

Очень сложен вопрос о фонологической природе таких сочетаний согласных в каталанском языке, как ts, dz, tš, dž. Подойти к разрешению его возможно лишь в том случае, если одни и те же сочетания рассматривать различно в зависимости от их функции и позиции в слове.

В этом случае материал подсказывает три решения:

1) в определенных позициях, а именно в сочетаниях kts (coacció [kuəktsiól]), gdz (examen [əgdzamen]), bdž(objecte [ubdžektə]), ddž(adjunt [əddžun]) и аналогичных им, ts, dz, dž являются аффрикатами—вариантами фонем /s/, /z/, /ž/;

2) в формах множественного числа имен существительных, прилагательных и причастий сочетание ts представляет собой аффрикату, одинаково являющуюся вариантом как фонемы /t/, так и фонемы /s/, т. е. представляет группу

из двух фонем $\text{r} + \text{s}$): abats(abat + s), bots(bot + s), grats (grat + s), bruts'(brut + s), portats (portat + s);

3) во всех остальных случаях dz, tš, dž являются монофонемными аффрикатами; dz встречается только в интервокальном положении и не образует противопоставлений. Что касается tš и dž, то они противопоставляются в интервокальном положении, правда, в очень редких случаях, например: borratja/borratxa, lotja/lotxa.

III. Отсутствие звонких соответствий у глухих щелевых фонем в испанском языке не дает оснований рассматривать фонологическую систему испанского языка как «асимметричную».

Испанские глухие щелевые фонемы участвуют в образовании двух противопоставлений: напряженная/ненапряженная и смычная/щелевая, т. е. тех противопоставлений, в которых признак наличия или отсутствия голоса не является основным, а следовательно, не играет решающей роли. Поэтому отсутствие звонких пар не отражается на функционировании глухих щелевых и на их взаимодействии с согласными других серий.

La présente étude a pour objet l'interprétation phonologique de certaines particularités de pronociation des langues ibéro-romanes.

L'auteur analyse les traits particuliers qui selon lui caractérisent surtout ces langues. L'étude porte principalement sur le portugais et le catalan, c'est-à-dire les langues le moins décrites et le moins étudiées par les romanistes russes.

Dans le chapitre consacré au portugais l'auteur traite le problème le plus ouvert, celui de la nature phonologique des voyelles non orales en portugais (phonèmes nasals ou variantes nasalisées des voyelles orales?).

La solution de ce problème permettrait de préciser le nombre de phonèmes nasals en portugais et d'établir les règles de leur distribution. Dans le même chapitre l'auteur cherche à expliquer la non-occurrence des fricatives sifflantes (/s/, /z/) à la finale de syllabe et à la finale absolue, et leur remplacement par les fricatives chuintantes (/š/ et en certaines positions /ž/). Trait caractéristique du portugais, qui le distingue du catalan et de l'espagnol.

L'analyse du catalan (basée sur les normes barcelonaises) tient une place considérable dans l'ouvrage. Trois questions y sont discutées:

- 1) caractères des oppositions consonantiques;
- 2) nature phonologique des groupes consonantiques ts, dz, tš, dž;
- 3) géminées et causes de leur apparition dans certaines positions.

Quant à l'espagnol, la langue la plus étudiée, l'auteur ne pose qu'un seul problème: peut-on considérer comme «asymétrique» le système consonantique de l'espagnol à cause de l'absence de correspondants sonores dans la série des constrictives (f-, s-, θ- etc.)

L'étude des problèmes posés a permis de tirer certaines conclusions:

1. La non-occurrence des sifflantes à la finale des syllabes et à la finale absolue en portugais où on n'emploie que des chuintantes (/š/ et parfois /ž/) peut être considérée comme une tendance à éliminer en position implosive les consonnes à articulation tendue en leur substituant des consonnes à articulation non tendue (ou moins tendue). En portugais, cette tendance, comme le montrent les faits distributionnels, est générale pour toutes les séries de consonnes — occlusives, nasales, latérales, vibrantes. Dans cette langue l'opposition «consonne tendue/consonne non tendue» semble effacer toutes les autres comme, par exemple, l'opposition de mode d'articulation et celle de lieu d'articulation qui ne sont que concomitantes.

2. La réalisation phonologique des groupes ts, dz, tš, dž en catalan varie selon leur position dans le mot:

a) dans les groupes kts (coacció [kuəktiśió]), pts (adscripció [ətskriptsió]), gdz (examen [əgdzamen]), bdž (objecte [ubdžektə]), ddž (adjunt [əddžun]), ts, dz, dž sont des affriquées qui sont des variantes des phonèmes /s/, /z/, /ž/;

b) dans les formes du pluriel des substantifs, adjectifs et participes [ts] peut être interprété comme une affriquée qui se réalise comme variante du phonème /t/ aussi bien que du phonème /s/, c'est-à-dire représente le groupe t + s;

c) dans les autres cas dz, dž (ainsi que tš) sont des affriquées monophonématiques: dz ne se réalise qu'en position intervocalique et ne forme pas d'oppositions. Les phonèmes tš et dž s'opposent en position intervocalique.

3. L'absence de correspondants sonores dans la série des fricatives en espagnol ne suffit pas à prouver «l'asymétrie» de son système consonantique. Les fricatives sourdes de l'espagnol forment des oppositions telles que «tendue/non tendue» et «occlusive/fricative». Autrement dit, elles forment des oppositions où un trait différentiel comme la présence ou l'absence de la voix ne joue pas de rôle décisif. Dans ces conditions l'inexistence de correspondants sonores n'influe ni sur le fonctionnement des fricatives sourdes, ni sur leur rapports avec les phonèmes d'autres séries.

Проблема определения фонемы

- Bloch B. Phonemic overlapping. «American Speech», XVI, 1941.
- Harris Z. Methods in structural linguistics. Chicago. The University of Chicago Press, 1951*.
- Fowler M.—«Language», XXVIII, 1952, стр. 504—509.
- Garvin P.—«Romance Philology», IX, 1955—1956, стр. 38—41.
- Housholder F.—IJAL, 4, 1952.
- Wagner R. L.—«Journal de psychologie», XLVII, I, 1, 1954.
- Hockett Charles. Manual of phonology. Indiana University Publications in Anthropology & Linguistics. Memoir II (IJAL), 1955.
- Halle Morris.—«Journal of Acoustic Society of America», 28, май 1956, стр. 509—511.
- Jakobson R. & Halle Morris. Fundamentals of Language. Gravenhague, 1956.
- Chomsky N.—IJAL, v. 23, N 3, стр. 239.
- Jakobson R., Gunnar C., Fant M., Halle M. Preliminaries to speech analysis. Technical Report No 13. Acoustics Laboratory, Massachusetts Institute of Technology, 2d printing, 1955.
- Paul L. Garvin.—«Language», v. 29, No 4, 1953, стр. 472—481.
- Wilem de Groot.—«Word», v. 9, No 1, 1953, стр. 58—64.
- Ren Chao Yuen. «Romance Philology», v. VIII, No 1, 1954, стр. 40—46.
- Jakobson R. Selected Writings. I. Phonological Studies. Gravenhague. Mouton & Co, 1962.
- Ivič P.—«Linguistics», No 18, Novem. 1965, стр. 75—83.
- Jones Daniel. Concrete & Abstract Sounds. «Proceedings of the Third International Congress of Phonetic Science». Ghent, 1938.
- Jones Daniel. The phoneme: its nature & use. Cambridge, W. Heffer, 1950.
- Martinet A. Economie des changements phonétiques. Berne, A. Francke, 1955 («Bibliotheca Romanica», X).

* После книги втяжкой указаны рецензии на нее.

- Martinet A. *Eléments de linguistique générale*. Paris, CAC, 1961²; пер. на англ.: A. Martinet. *Elements of general Linguistics*, transl. E. Palmer. Chicago, 1964.
- Martinet A. Un ou deux phonèmes. «*Acta linguistica*», I, 1939.
- Martinet A. Où en est la phonologie. «*Lingua*», I, 1947.
- Martinet A. *Phonologys as functional Phonetics*. London, 1949.
- Hockett Charles.—«*Language*», XXVII, 1951, № 3, стр. 333—340.
- Martinet A. *A Functional View of Language*. Oxford, 1961.
- Trubetzkoy N. S. *Grundzüge der Phonologie*.—TCLP, VII. Prague, 1939; пер. на франц.: N. Troubetzkoy. *Principes de phonologie*, trad. par J. Cantineau. Paris, 1957.
- Harris Z.—«*Language*», v. XVII, No 4, 1941, стр. 345—349.
- Martinet A.—BSLP, v. 42, fasc. 2, 1946, стр. 23—33.
- Vachek J. On some basic principles of «classical phonology».—«*Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*», Bd 17, H. 5, 1964, стр. 409—431.
- Аванесов Р. и Сидоров В. *Очерк грамматики русского литературного языка*. М., 1945.
- Аванесов Р. *Фонетика современного русского языка*. М., Изд-во МГУ, 1956.
- Гвоздев А. О фонетических средствах русского языка. М.—Л., 1949.
- Гвоздев А. О фонологии «смешанных» фонем. «*Изв. АН. ОЛЯ*», вып. 1, 1953.
- Зиндер Л. *Ich-Laut*. «Уч. Зап. 1-го Ленинградского ин-та иностранных языков». Л., 1940.
- Зиндер Л. *Общее языкознание*. Л., 1960.
- Иванов В. Теория фонологических различительных признаков. «*Новое в лингвистике*», сост. Звегинцев, вып. II. М., 1962.
- Кузнецов П. О дифференциальных признаках фонем.—ВЯ, 1958, № 1.
- Кузнецов П. Об основных положениях фонологии.—ВЯ, 1959, № 2.
- Кузнецов П. Проблема дифференциальных признаков. «*Исследования по фонологии*». М., 1966.
- Макаев Э. Некоторые явления системы согласных германских языков с фонологической точки зрения. «*Материалы первой научной сессии по вопросам германского языкознания*». М., 1959.
- Реформатский А. Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонетическая модель языка. «*Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике*». М., 1966.
- Реформатский А. Фонологические заметки.—ВЯ, 1957, № 2.
- Торсуев Г. П. Проблемы теоретической фонетики и фонологии. Л., 1969.
- Щерба Л. *Французская фонетика*. Л., 1937.

Португальский язык

- Anais do Primeiro Congresso Brasileiro de Lingua Falada no teatro Rio de Janeiro, 1958.
- Bergström M. e Reis N. Prontuario ortográfico e guia da língua portuguesa. 4^a ed. rev. e actualizada. Lisboa, Empresa nacional de publicidade, 1960.
- Compagnys [Maldonado], Manuel. Notes sur les finales atones portugaises après consonne sourde. «Revista do Laboratorio de Fonética Experimental», II. Coimbra, 1954.
- Compagnys Maldonado, Manuel. Quelques remarques sur le phonétisme français et le phonétisme portugais. «IX Congresso Internacional de lingüística românica. 31 de março — 4 de abril 1959. Actas», I. Lisboa, 1961.
- Dahl Ivar. The pronunciation of Brazilian Portuguese. «In honour of Daniel Jones», 1964.
- Dunn Joseph. A grammar of the portuguese language. London, Dutt, 1930.
- Gonçalves Viana A. R. Essai de phonétique et de phonologie de la langue portugaise d'après le dialecte actuel de Lisbonne. «Romania», 12, 1883; 2-е изд.—«Boletim de Filologia», 7, 1941.
- Gonçalves Viana A. R. Exposição da pronúncia normal portuguesa para uso dos estrangeiros. «Os Lusíadas. Poema Épico de Luis de Camões...», canto I. Изд. F. de Salles Lencastre. Lisboa, 1892.
- Gonçalves Viana A. R. Portugais. Phonétique et phonologie. Morphologie. Textes. Leipzig, 1903.
- Hills E. C., Ford J. D., Coutinho J. Sousa, Moffatt L. G. Portuguese grammar. Boston, 1944.
- Lacerda Armando, Hammarström G. Transcrição fonética do português normal. (Separata de la «Revista do Laboratorio de Fonética Experimental», I, 1952).
- Lacerda Armando & Head Brian F. Análise de sons nasais e sons nasalizados do português. Laboratorio de Fonética Experimental da Faculdade de Letras da Universidade de Coimbra, 1963.
- Lima Coutinho Ismael. Pontos de gramática historica, 5^a ed. Rio de Janeiro, 1962.
- Lüdtke Helmut. Fonemática portuguese. I. Consonantismo. «Boletim de Filologia», XIII, 1952; II. Vocalismo.— Там же, XIV, 1953.
- Mattoso Câmara J., Jr. Manual de Transcrição fonética. Rio de Janeiro, 1957.
- Mattoso Câmara J., Jr. Para o estudo da fonêmica portuguesa. Rio, 1953.
- Morais Barbosa Jorge. Etudes de phonologie portugaise. Thèse pour le doctorat ès-lettres, présentée à la Faculté des lettres et sciences humaines de l'Université de Paris. Lisbonne, 1965.
- Morais Barbosa Jorge. Les voyelles nasales portugaises: interprétation phonologique. «Proceedings of the Fourth International Congress of Phonetic Sciences». The Hague, Mouton & Co, 1962.

- Morais Barbosa Jorge. Sur le (R) portugais. «Miscelanea. Homenaje a André Martinet. Estructuralismo e historia», III. Canarias, 1962.
- Nascentes Antenor. O Idioma Nacional. São Paulo, 1937.
- Nobiling O. Die Nasalvokale im Portugiesische. «Die neueren Sprachen», XI, 1904.
- Oliveira Guimarães J. Fonética portuguesa. Compêndio da ortologia nacional. Coimbra, 1927.
- Rogers Francis Millet. Gonçalves Viana & the Study of Portuguese Phonetics. «Boletim de Filologia», VII, 1944.
- Sten Holger. Les particularités de la langue portugaise. Copenhague, Munksgaard, 1944.
- Hammarström Göran.— «Revista do Laboratorio de Fonética Experimental», II, 1954, стр. 158—162.
- Stevens P. D. Some observations on the phonetics & pronunciation of modern portuguese. «Revista do Laboratorio de Fonética Experimental», II, 1954.
- Vasques Cuesta Pilar y Mendez de Luz Maria Albertina. Gramática portuguesa. 2º ed. Madrid, Gredos, 1961².
- Wengler Heinrich. Bemerkungen zur Aussprache des heutigen Portugiesischen. «Die neueren Sprachen», XXXIV, 1926.
- Angel Crespo (изд.). Antología de la Nueva Poesía Portuguesa. Madrid, Adonais, Ediciones Rialp, 1961.

Каталанский язык

- Alarcos Llorach E. La constitución del vocalismo catalán. «Studia philologica. Homenaje ofrecido a Dámaso Alonso por sus amigos y discipulos en ocasión de su 60º aniversario», I. Madrid, Gredos, 1960.
- Alarcos Llorach E. Algunas consideraciones sobre la evolución del consonantismo catalán. «Miscelanea, Homenaje a André Martinet», t. II. La Laguna, 1958.
- Alarcos Llorach E. El sistema fonemático del Catalán. «Archivum», III. Oviedo, 1953.
- Badía Margarit A. M. Gramática catalana, t. I—II. Madrid, Gredos, 1962.
- Badía Margarit A. M. Llengua i cultura als països catalans. Barcelona. Edicions 62, 1964.
- Badía Margarit A. M. Estudios de fonética y fonología catalanas. «Consejo Superior de Investigaciones científicas». Madrid, 1948.
- Badía Margarit A. M. Fisiognómica comparada de las lenguas catalana y castellana. Barcelona, Real Academia de Buenas Letras, 1955.
- Badía Margarit A. M. Función significativa y diferencial de la vocal neutra en el catalán de Barcelona. «Revista de Filología española», t. XLVIII, 1—2, 1966.
- Badía Margarit A. M. Problemes de la commutació consonàntica en català. «Boletim de Filologia», t. XX, fasc. 3, 4 (1962—63). Lisboa, Centro de Estudos Filologicos, 1965.
- Corominas J. El que s'ha de saber de la llengua catalana. Palma de Mallorca, 1954.

- Congrés Internacional de la llengua catalana, I. Barcelona, 1906.
 Fabra Pompeu. Gramàtica de la llengua catalana, 1912.
 Fabra Pompeu. Gramàtica catalana. 3^a ed. Barcelona, 1956.
 Gebbett Paul Russell. Catalán oriental y catalán occidental en el nordeste de la provincia de Lérida. «Actas, II, IX Congreso Internacional de lingüística románica». Lisboa, 1961.
 Gili Joan. Introductory Catalan Grammar, Oxford, 1952²; 1963³.
 Miracle Joseph. Gramàtica catalana, 2e ed. Barcelona, 1951.
 Moll Fr. Gramàtica històrica catalana. Madrid, Gredos, 1952.
 Pietro R. Los Fonemas del catalán. «Revista de Filología Española», t. XLVIII, 1—2, 1966.
 Schaedel B. Zur Aussprache des Katalanischen. «Neufilologische Mitteilungen», 1910.
 Васильева - Шведе О. О месте каталанского среди романских языков. «Уч. зап. ЛГУ», № 299. Серия филол. наук, вып. 59, 1961.

Испанский язык

- Alarcos Llorach E. El sistema fonológico español. «Revista de Filología Española», XXXIII, 1949.
 Alarcos Llorach E. Fonología española (según el método de la Escuela de Praga). Madrid, Gredos, 1950; 2e ed.— 1954; 3e ed.— 1961; 4e ed.— 1965.
 Diego Catalán. [Рец. на 3-е изд.].— «Romance Philology», t. XVIII, No 2, стр. 178—191.
 Amado Alonso. Una ley fonológica del español. Variabilidad de las consonantes en la tension y distension de la sílaba. «Hispanic Review», XIII, 1945.
 Amado Alonso. Nota sobre una ley fonológica del español. «Hispanic Review», XIV, 1946.
 Lausberg H. Vergleichende Charakteristik der italienischen und der spanischen Schriftsprache. «Romanische Forschungen», LX, 1947.
 Malmberg B. La structure phonétique de quelques langues romanes. «Orbis», XI, No 2, 1962.
 Malmberg B. Occlusion et spirance dans le système consonantique de l'espagnol. «Mélanges de philologie romane offerts à M. Karl Michaëlsson». Göteborg, 1952.
 Malmberg B. Notes sur les groupes de consonnes en espagnol. «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», T. 2, H. 5/6. Berlin, 1948.
 Martinet A. Économie des changements phonétiques. Berne, Franke, 1955.
 Navarro Tomás. Estudios de fonología española. New York, Siracuse University Press, 1946.
 Quilis Antonio. Phonologie de la quantité en espagnol. «Phonetica», v. 13, № 1—2.
 Quilis Antonio. Fonética y fonología del español. Madrid, CSIC, 1963 (Cuadernos bibliograficos, X).
 Quilis Antonio. Description phonétique du parler madrilène actuel. «Phonetica», v. 12, No 1, 1965.

Sol S a p o r t a y C o n t r e r a s H. A phonological grammar of Spanish. Seattle. University of Washington Press, 1962.
T r a g e r G. The Phonemes of Castilian Spanish. «Travaux du Cercle linguistique de Prague», VIII, 1939.

Х. Б р а в о. Согласные фонемы испанского языка сравнительно с согласными фонемами русского языка. Канд. дисс. М., 1954.
К а р п о в Н. Система фонем испанского языка. Канд. дисс. Л., 1952.
К а р п о в Н. Дифтонги в испанском языке. «Уч. зап. ЛГПИ», т. 189, 1959.
С а л о м а т и н а Л. Сравнительный анализ ударных гласных испанского и русского языков. «Уч. зап. 1-го МГПИИЯ», т. 20, 1960.

СОКРАЩЕНИЯ

EChPh	André M a r t i n e t. Économie des changements phonétiques. Berne, Francke, 1955 (Bibliotheca Romanica, X).
ELG	André M a r t i n e t. Eléments de linguistique générale. 2 ^e éd. Paris, CAC, 1961.
Fundamentals	R. J a c k o b s o n & Morris H a l l e. Fundamentals of Language. Gravenhague, 1956.
FVL	André M a r t i n e t. A Functional View of Language. Oxford, 1961.
MSL	Zellig S. H a r r i s. Methods in structural linguistics. Chicago. The University of Chicago Press, 1951.
Preliminaries	R. J a c k o b s o n, C. G u n n a r, M. F a n t, Morris H a l l e. Preliminaries to speech Analysis. Technical Report N 13. Acoustics Laboratory, Massachusetts Institut of Technology. 2 ^d printing, 1955.
ВЯ	Вопросы языкознания
BSLP	Bulletin de la Société de Linguistique de Paris.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	5
Проблема определения фонемы	7
Португальский язык	53
1. Носовые гласные и особенности позиционного распределения носовых согласных	58
2. Щелевые фонемы /s/, /z/, /š/, /ž/ и их место в общей системе португальских согласных	71
Каталанский язык	89
1. Основные противопоставления согласных фонем	97
2. Геминаты и их роль в системе согласных фонем	115
3. Сочетания ts, dz, tš, dž и проблема их фонологической интерпретации	122
Испанский язык	129
Основные противопоставления в системе согласных фонем	129
Заключение	145
Résumé	148
Библиография	150
Сокращения	156